Дети революции

Перевод:	Sevorian, Ammien, Сноходец, Лианна ап Лиам, Тахиил, Adrax, Samouse, TavarischTrubka, meiner, grey2311, Kharieste, Savaoth
Редактура:	
Сборка:	alex56

От составителя:

***Уважаемые перводчики**, если вы против публикации своего материала, либо если я что-то напутал, то пожалйста сообщете мне об этом.*

***Уважаемы читатели, потенциальные переводчики и редакторы**, в данной книг содержится не полный перевод всей книги, кроме того он не редактирован и опубликов как есть. Если вам есть что исправить или вы хотите что-либо допревести – пишите. С радостью примем вашу помощь.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....4
Ладос: Лев Бактриии.....5
Лизет Кордоба: Поэт Народного Протеста.....16
Набатей: Игрушка Древних.....25
SVEIN FORTINBRAS: Azrael.....36
Леди Маргарет Виллоуби: Хранитель Утраченного Секрета.37
Мэйсю: Принцесса Чёрный Дракон.....53
Эдгардо Роббиа: Грабитель.....66
Дастур Анош: Воскресший Серафим.....77
Лоретт Морель: Каннская Кокетка.....92
MARYANN FLETCHER: The Hangman’s Bride.....109
Нэш Черкес: Аспид В Кругу Монархов.....110
MARC de BRABANT: Shadow Prince-Apostate.....123
Родриго аль-Дахиль: Лич Мертвого Города.....124
Эндрю Сенека: Эмиссар Лжи.....145
Яромир Черны: Пражский Иуда.....155
COLM OLLIVER: Autarkis at Large.....172
Надежда Светоносная: Возлюбленная Дьявола.....173
Апация: Царица Склепов.....188

Вступление

(стр. 10-17, требуется перевод)

Ладос: Лев Бактриии

(стр. 19-21, переводчик: Sevorian)

Ладос смотрел на поле боя. Сотни – тысячи – его братьев и соотечественников лежали на земле, сокрушённые и окровавленные, подвергнувшиеся унижениям из-за амбиций его генералов-соратников. После смерти Александра все отдалённые уголки империи погрузились в братоубийственную анархию, когда каждый из диадохов[1] заявлял свои права на место, где было бы лучше всего наслаждаться плодами достижений Александра. Взглянув на список соперников, можно было доподлинно узнать, кто есть кто в империи: Антипатр, Пердикка, Птолемей, Леоннат. Среди них был честолюбивый, но не высокородный пельтаст[2], имеющий разум для борьбы и язык для лести. Обладая и тем, и другим, Ладос поднялся по карьерной лестнице греческих военнослужащих и занял место среди наследников престола, собравшихся вокруг трупа Александра подобно шакалам.

В то время общество Сородичей было расколото, как государства смертных. Греция почти полностью принадлежала Бруха в расцвете их величия, а их поддерживала кучка просвещённых Вентру. Персия была доменом Клана Тореадор, среди которых иногда попадались гули[3] Равнос (как простолюдины, так и аристократы) и местные Тзимицу из языческих доменов. Разрозненные

[1] Диадохи – полководцы («наследники») Александра Великого, которые после его смерти в 323 году до н.э. начали соперничать и делить власть, результатом чего стали кровопролитные войны.

[2] Пельтасты – разновидность лёгкой пехоты, вооружённой дротиками, в древней Греции. Вероятно, что Ладос начинал свою карьеру с пехотинца.

[3] Ghûls – по всей видимости, в среде Равнос словом «гуль» называется любой вампир.

остатки потомства Самиэля[4] защищали свои территории от варваров дальнего востока и свирепых Гангрелов северо-восточных степей. Среди вампирских родов и смертных народов, сражающихся друг с другом, Клану Луны, нежеланному и не владеющему никакими землями, приходилось делать всё возможное, чтобы выжить в мире, объединившемся под знаменем светлоликого смертного сына воинственного короля-всадника из Македонии.

По этой причине одной безлунной ночью в крепость Ламии прокрался философ – и забрал солдата по имени Ладос с собой в мир вечной ночи. Этот философ, Малкавиан, имени которого никто не помнит, хотел сделать Регента Афин орудием в чужих руках, обратив в вампиров его доверенных советников. «Ладос, – прошептал он в белое от страха лицо своего потомка, – отныне ты принадлежишь ночи». В тот раз Ладос впервые познал страх. Это была кошмарная смерть, далёкая от известной ему жестокости поля битвы, и отвратительное возрождение среди крови и дерьма его смертного тела. Он осознал глубину своего одиночества в ту длинную, ужасающую первую ночь после Становления, а его Сир углубил эту рану злобой и Помешательством. Прошёл год, на протяжении которого безумный пророк изводил своё Дитя, постоянно покидая его на долгий срок, и это привело к тому, что Ладос цепенел от ужаса, оставаясь в одиночестве.

Итак, Ладос вернулся в Ламию путём из Афин и нашёл там остатки своих солдат, вышедших из формы, сократившихся в численности и потерявших навыки. Его лейтенанты практически исчерпали некогда богатую

[4] Самиэль – Салюбри, известный, в основном, из-за своих войн с Баали.

военную казну, предпочитая скорее предаваться праздным удовольствиям, чем рисковать своей шкурой на поле боя. Что мог поделать Ладос? Если бы он решил вразумить своих солдат, они бы сбежали. Возродив связи с двором Антипатра, Малкавиан занял своё место, став тенью предыдущего себя – надёжной, но безынициативной, и тем лучше – ведь Регент не обращал на него особого внимания, в то же время давая ему доступ к богатствам и влиянию Империи.

Однако, у политики уродливый лик, и греческих Бруха возмутило вмешательство чужаков в их домены. Союз дворян и генералов Бруха обратили на Ладоса внимание и решили проучить его в назидание окружающим. Но Ладос, хоть и сломленный проклятием Малкавиан, совершенно точно не был дураком. Новая свита, которой он себя окружил, включала не только шпионов Бруха, но также и значительное число преданных ему рабов и любовников. Когда до его ушей дошёл слух о том, *что* против него собираются предпринять, Ладос обратил заговор греческих Сородичей против них самих.

Признав долг к одному из почитающих Кали[5] Тзимицу из Бактрии, Ладос получил раба, чьё тело было изменено так, чтобы он стал копией своего господина. С помощью длительного подчинения личности Доминированием и восприятия чувств Прорицанием Ладос убедил своего пленника в том, что он был телом и истинным разумом Ладоса, двойственным существом, предназначенным для божественной миссии. Куда следовали мысли Ладоса-Сородича, туда следовало и тело Ладоса-пленника.

[5] Кали – индийский демон раздора и разрушения.

Скрываясь под кенотафом[6] Александра, Малкавиан использовал своего раба, чтобы выставить своих соперников-вампиров демонопоклонниками и персидскими шпионами, создателями культа крови, стремящихся к подчинению империи и узурпированию власти Антипатра. Сам Регент, поднаторевший в изощрённых предательствах войн диадохов, верил своему «верному генералу» – особенно когда спящих предателей вытаскивали на солнце, а те вспыхивали пламенем – и дал Ладосу занять пустое место, образовавшееся из-за того, что число Бруха и их агентов при дворе внезапно поубавилось.

Ладос-Сородич продержался намного дольше Антипатра, и каждые несколько десятилетий заново представлял своего гуля в образе потомка великой семьи Ладос, чтобы развеять подозрения двора. При Селевкидах Ладос и его раб заставили многих сатрапов подчиняться им, используя для этого как обещания военной поддержки, так и силу проклятой вампирской крови. К тому же, во время правления Селевкидов Бактрия была больше греческой, чем персидской, что превосходно подходило Ладосу. Больше двух столетий семья Ладоса (состоящая только из него самого, а также гуля-копии и его случайной любовницы, которая выступала в роли жены, а позже – матроны семьи до момента, пока Малкавиан не начинал этот цикл заново) наслаждалась могуществом и репутацией при царском дворе. Вампирские Князья сменяли друг друга, и другие Сородичи смотрели на Ладоса как на пример того, как нужно прятаться

[6] Кенотаф – надгробный памятник, под которым нет останков покойного, символическая могила.

в тенях, получая все желаемые блага без необходимости рисковать чьей-нибудь нежизнью.

Наслаждаясь комфортом столь продолжительное время, Ладос потерял интерес к искусству войны, и его войска превратились из элитных подразделений, некогда служивших королям-философам, в наёмных солдат фаланги, поднимающих свои пики лишь для того, чтоб заплатить злобным и капризным яванам[7], которые жили только затем, чтобы выбивать налоги из мелких лордов и спускать деньги на вино.

Каждому полководцу в конце концов приходится столкнуться со своим падением, и падение Ладоса пришло в форме нашествия. Войска Раджувулы[8] разграбили то, чем в то время был Пенджаб. Ладос, к тому времени ставший ленивым и самодовольным, допустил упадок Индо-греческого царства, не желая самолично заниматься дисциплиной своих солдат или тактикой грозных скифов. Когда армии Стратоса[9] и Раджувулы столкнулись на поле боя, Ладос обнаружил, что его силы на переднем плане находятся в незавидной тактической позиции. Скифские лучники проредили шеренги солдат и посеяли панику среди его несобранных войск. В гневе и отчаянии Ладос призвал к наступлению, но вдруг обнаружил себя насаженным на копьё Яксарта, призрака-гоплита из времён Александра, одного из Бруджа-интриганов, которого Ладос, как он думал, сокрушил во время чистки двора при Антипатре. Он и в самом деле сделал

[7] Яваны – в те времена индийское название греков.

[8] Раджувула – индо-скифский великий сатрап (правитель) в северной Индии около 10 года до н.э.

[9] Стратос II (Стратон, Strato)– последний царь Индо-греческого царства, свергнутый Раджувулой.

это, но Яксарт спасся, бежав на восток и спрятавшись среди униженных Тореадоров Персии. Заручившись поддержкой Клана Розы, Яксарт стал одним из орудий мести парфянских[10] Сородичей, которых возмущало наследие Александра и падение Ахеменидов, и которые не упустили бы возможность нанести ответный удар по осаждаемым греческим территориям. Мир потемнел перед глазами Ладоса, проткнутого ассегаем[11] своего противника, и он, сражённый, впал в Торпор где-то в кровавой грязи за пределами Сагалы. Там он и провёл почти две тысячи лет, погрузившись в сон без сновидений, ворочаясь под землёй лишь тогда, когда безумие в его крови вызывало внезапные судороги.

Рёв титана пробудил дремлющего Малкавиана, который к тому моменту провёл столетия, продираясь сквозь кошмары, где ему грозила смерть от голода, становившиеся всё более мучительными из-за проклятия Клана. Титан – извергающий дым монстр, порождённый чревом самой Горгоны – вытащил Ладоса из земли и сбросил вниз, где её мерзкие миньоны тормошили его и болтали на каком-то искажённом диалекте речи его врагов. Жестокость огня воспламенилась в крови бессмертного, и, едва очнувшись от Торпора, Ладос впал в безумие – больше от страха, чем от ярости. Когда маленькие люди, разбудившие его, были разорваны в клочья, а титан тяжело и безжизненно осел в

[10] Парфянское царство – область, занимающая территорию современного Ирана, частично Туркменистана, Афганистана, Пакистана и прочих мелких окружающих стран, возникло при Селевкидах (~250 г до н.э) и просуществовало примерно 470 лет (прекратило существование в 220 годы н.э.)

[11] Ассегай – слово, произошедшее из арабского, и означавшее «копьё».

лунном свете, Ладос успокоился, собрался с мыслями и направился обратно в город, которым когда-то правил его царь-покровитель.

Знающий, на что способен разум Малкавиан, Ладос подумал, что это очередной приступ судорог, но безумие не желало утихать. Не исчезали ни каменные замки с металлическими шпилями, ни больше миллиона отчаянно бьющихся и наполненных пороком смертных сердец, окружавших его. Это был не сон. Титан пробудил Ладоса от беспокойного сна только для того, чтобы бросить его в челюсти Древних. Безумие земли и неба навалилось на него. Это должны были быть Последние Ночи.

Но всё же... это были не они. То безумие, что окружало его, что наверняка вытекло из его разума наружу на протяжении неисчислимых лет его сна, балансировало на краю руин мира, но не срывалось вниз. Мало-помалу, за два последующих десятилетия после выхода из Торпора, Ладос собрал и склеил воедино те части новой реальности, какие смог. Её благоговение перед металлом и скоростью, её лицемерие, её богатства и распущенность, а также думающие машины – всего этого было достаточно, чтобы вечно держать Ладоса на грани, а иногда и за её пределами. Странно, но он обнаружил, что ему нравится вести дела с другими Сородичами, даже зная, что они могут противостоять ему или предать его. В конце концов, он мог понять их злобу и слабости. Однако, бессмертные демиурги, опутавшие весь мир своей паутиной, всё же беспокоили его. Лишь в неизменности общества этих Проклятых – неважно, называют

они себя "Камарильей" или "Шабашем" – Ладос мог найти постоянство.

Как долго может мир балансировать на весах Фемиды, прежде чем обрушиться в пасть Тифона? Сколько времени пройдёт, прежде чем кровавые боги вырвутся из царства Аида и утащат своих потомков, охваченных огнём, в Тартар? И какую часть своей собственной империи сможет восстановить Ладос, прежде чем это произойдёт? Хватит ли этого, чтобы тлеющая шелуха мира стала его последней уединённой могилой?

Сир: Ликия (по непроверенным данным)

Клан: Малкавиан

Натура: Ловкач

Маска: Конформист

Поколение: 8-е

Становление: 322 до Р.Х.

Внешний возраст: хорошо за 30

Физические: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 4

Социальные: Обаяние 4, Манипулирование 3, Внешность 2

Ментальные: Восприятие 2, Интеллект 3, Сообразительность 3

Таланты: Бдительность 2, Атлетика 2, Рукопашный бой 2, Лидерство 4, Хитрость 3

Навыки: Этикет 2, Фехтование 4, Выживание 3

Знания: Академические 3, Финансы 2, Расследование 3

Дисциплины: Прорицание 3, Помешательство 4, Доминирование 4

Дополнения: Союзники (смертная семья) 2, Ресурсы 3 (не восполняемые остатки военной казны)

Добродетели: Сознательность 2, Самоконтроль 4, Смелость 4

Моральность: Человечность 5

Сила Воли: 6

Запас крови/Максимально за ход: 15/3

Внешность: Ладос имеет классическое сложение и ярко выраженные черты античности в своей внешности. По современным меркам он низковат, а его удивительная бронзовая кожа выглядит сделанной из камня из-за мертвенной бледности, полученной со Становлением. У Ладоса всё ещё нет чёткого понимания современного стиля, и его одежда выглядит старомодной, если не откровенно экстравагантной, когда он пытается разобраться в новом мире.

Советы по отыгрышу: Ладос действует с мастерством и манерой поведения военачальника. Он привык быть услышанным, и не понимает, как столько обычных людей могут казаться такими своевольными, так что его контакты с людьми двадцать первого века, как правило, резкие или даже враждебные. Несмотря на то, что сообщество Сородичей забыло о нём, Ладос часто ведёт себя несдержанно, не понимая, что Статуса, которым он наслаждался при дворе Индо-греческих царей, больше нет. Он привык получать аудиенцию у Принцев по первому требованию... но теперь, когда у него нет Статуса, не о чём даже говорить.

Убежище: Ладосу нравятся убежища, что находятся неподалёку от территорий, занятых уважаемыми

Сородичами, которые находятся у власти. И хотя он впал в немилость, Ладос пытается влиться обратно в общество августейших немёртвых, вне зависимости от домена, где он решает остановиться. Где бы он ни оказался, он создаёт убежище с коллекцией артефактов древности, которое вскоре становится любимым объектом внимания Гарпий в любом домене, претендующем на изысканность.

Влияние: Прошли столетия, и влияние Ладоса поблёкло и испарилось, оставив его практически в полном одиночестве, не считая горстки его смертных потомков, чья ослабевшая связь с ним может быть усилена с помощью Доминированию и частого использования витэ. Однако, это не всегда было так, и Ладос старается создать сильные связи в любом домене, где останавливается, причём, готов при необходимости начать с самой низкой ступени статусной лестницы, и когтями прорывать свой путь к вершине. Несмотря на расколотый разум, Ладос понимает, что он чужак в чужое время, и в отличие от многих Сородичей он не станет временно отказываться от тех, кто помог ему, даже если не может получить пользу от общения с ними прямо сейчас. Он ужасно боится однажды вновь поддаться леденящему ужасу Торпора, так что он старается оставаться в хороших отношениях с наибольшим возможным количеством Сородичей, проявивших к нему своё расположение, чтобы у него было так мало врагов, как только возможно.

Психоз: С тех пор, как Ладос вышел из Торпора, он одержим мыслью, что неопределённое число Сородичей могло разделить судьбу, схожую с его собственной. В его

воображении каждый участок земли стал могилой для голодного Сородича, и в быстро приближающуюся ночь Геенны весь мир будет кишеть Проклятыми, когда кровожадные вампиры будут вырываться на поверхность и пожирать мир, прежде чем сами будут сожраны своими дьявольскими прародителями. Более того, доверчивая (сравнительно) природа Ладоса, которую он проявляет при встрече с другими Сородичами, обоснована тем, что их можно увидеть и пересчитать, в отличие от монстров, которые поднимутся из своих безымянных могил и станут поглощать всё живое. В большинстве случаев Ладос удивительно спокоен, как для Малкавиана, у него может проявляться разве что лёгкая паранойя, что вовсе неудивительно для мира немёртвых. Однако в случаях, когда его страхи наваливаются на него со всей своей тяжестью, Ладос становится безутешен – сломленный ужасом и агонией от осознания того, что он идёт по земле, состоящей из миллионов павших людей и вампиров, ждущих лишь Конца Времён, чтобы стать камнями мостовой, ведущей прямо в ад. Будучи солдатом, закалённым войной и жестокостью, Ладос может почти без страха смотреть в лицо угрозам, которые он в состоянии понять, но кошмары, созданные его воображением, превращают его в дрожащего калеку, вынуждая столкнуться с ужасающим одиночеством Последней Ночи.

Послесловие от переводчика

Прозвище «Лев Бактрии» может быть продиктовано прижизненным статусом главного героя повествования, но

есть некоторые любопытные данные. Ладос большую часть своей сознательной жизни занимал влиятельное положение в Бактрии. Бактрия до завоевательной кампании Александра Македонского была территорией Ахеменидов (персидская династия царей) и находилась далеко на востоке, на неё в разное время оказывали влияние Персия, Греция и Индия. Сейчас Бактрия – это область, которую делят между собой Афганистан, Узбекистан, Таджикистан. В мифологии Бактрии широко распространён образ крылатого льва, который сохранился ещё со времён Месопотамии.

Возможно, что на поле боя, где Ладоса проткнули, был копирующий его гуль, а не он сам – сомнительно, что в этом случае он бы выжил. Сагала (которая теперь называется Сиялкот) – это город, находящийся в нескольких километрах от границы с Индией, в провинции Пенджаб, куда и ворвались войска Раджувулы. В тексте сказано, что Ладос впал в Торпор где-то в кровавой грязи вне Сагалы – это может означать как то, что его гуль погиб, в то время как он сам оцепенел под кенотафом Александра, так и то, что Яксарт протащил Ладоса до окраины на копье и сбросил где-то там.

Далее по тексту понятно, что Ладоса вырыли с помощью экскаватора какие-то потомки греков (или индо-греков, или индо-скифов). Это могло, конечно, произойти и в случайном месте, но известно следующее. Амфипольский лев – кенотаф, найденный в Македонии (лев был восстановлен где-то в 30-х годах, а ещё там велись раскопки с 1965 до 1985 года, до смерти главного археолога, Димитриоса Лазардиса), тоже мог послужить причиной для прозвища Ладоса, т.к. сначала это захоронение считали гробницей самого Александра, и

только позже стало ясно (по крайней мере, считается до сих пор), что это гробница его жены и сына (тоже Александра, кстати).

Я провёл тщательный поиск, но не нашёл никаких записей о семействе Ладос или чего-то похожего. Неудивительно, учитывая то, что это было две тысячи лет назад. Скорее всего, разработчики случайным образом выбрали имя для нашего героя и написали подходящую историю.

Любопытно, что из диадохов Александра единственным подходящим кандидатом на должность Ладоса является Леоннат, ибо он, как гласит википедия (я старался найти другие, более достоверные источники, но потерпел неудачу), был «офицером» или телохранителем при Александре, а потом погиб в 322 году до н.э., пытаясь вместе со своим войском оказать помощь Антипатру, который был осаждён греческими войсками в Ламии. Тем не менее, с историческими источниками, которые известны нам на настоящий момент, есть серьёзные расхождения.

Трудно сказать, что хотели сказать авторы книги, помещая Ладоса в книгу «Дети революции». В его краткой осознанной жизни было много войн, и он должен был стать орудием для манипулирования Регентом Греции, но, несмотря на это, он прожил жизнь, достойную скорее аристократа, чем анарха.

P.S. Куда делось Затемнение Ладоса – неизвестно.

Лизет Кордоба: Поэт Народного Протеста

(стр. 23-26, переводчик Ammien)

Кто ее только не предупреждал! «Где-то вообще востребованы специалисты по современной поэзии?» – этот вопрос ей задавали неоднократно, каждый будто считал своим долгом напомнить ей: поэзией сыт не будешь. Но каждый раз она с неизменным равнодушием отвечала: «В школе – востребованы», – и уходила от темы разговора.

Она стала учителем. Велабританскую литературу у старшеклассников, параллельно работая над диссертацией в надежде перебраться в местный университет. Поэзия была ее страстью, и эта страсть проявлялась во всем, за что отвечала Лизетт в этой тесной нью-йоркской школе.

К сожалению, в жизни все получилось совсем не так, как это бывает в кино. Сколько денег ушло у нее, чтобы провести серию поэтических вечеров школьного литклуба – а зал все время пустовал! Более того, школьное руководство несколько раз потребовало от нее не выходить за рамки учебного плана, утвержденного чиновниками округа.

Но страшнее всего для нее была не всеобщая апатия. Страшнее была жестокость. Перед ней за соседними партами сидели ребята из разных районов Нью-Йорка. Многие из них были членами противоборствующих группировок. Администрация школы как могла старалась не допустить насилия, но драки начинались сами собой. Невозможно предотвратить конфликт там, где тебя нет: во дворе школы после занятий, на переменах посреди оживленных коридоров…

Всего через год у Лизетт развилась бессонница. Отныне любой свободный день она встречала в постели, с ужасом предвкушая возвращение в школьные коридоры, будь она в отпуске или на больничном. Но каждый раз Лизетт возвращалась. Работа в школе стала для нее вызовом – и в ответ на него она на время забросила вечернюю учебу.

Но – тщетно. Спустя полгода, едва ей показалось, что она выдержала это суровое испытание и привыкла к школе, – ее внезапно уволили. По словам руководства, в рамках планового сокращения, в связи с нехваткой финансирования… Им, понимаете ли, очень жаль: видимо, поэтому другим учителям увеличили нагрузку в полтора раза, но больше никого не сократили. Видите ли, всем приходится чем-то жертвовать!

Еще неделю Лизетт писала гневные письма в управу, профсоюз, местные газеты, мэрию – и даже самому мэру. К несчастью, этим она ничего не добилась. Возмущение охватило ее, на смену ему пришло отчаяние, а за ним – чернейшая депрессия. Довольствуясь ничтожным пособием, Лизетт практически перестала вставать с кровати.

Именно тогда она нашла спасение в том, что поддерживало ее в трудную минуту и раньше: в творчестве. Одну за другой она исписывала толстые тетради поэмами, стансами и куплетами… Целую неделю она в исступлении писала. Еще неделю творила менее увлеченно. На третью неделю вдохновение полностью подчинилось ей. Строки рождались так легко, как никогда прежде – в счастливые времена; только с утра до вечера неспешно поскрипывала дешевой бумагой шариковая ручка.

Спустя какое-то время Лизетт перенесла свои произведения в ноутбук – исправленные, выверенные и отредактированные, затем – опубликовала в своем блоге. Не зная усталости, она превращала самые сокровенные чувства в строки, доступные всем и каждому в Интернете. Сокровенные песни гнева, разочарования, бессилия и отчаяния. Она восстала: против каждого в отдельности, против школьной среды, против марионеточных профсоюзов, против финансового кризиса.

Спустя два месяца она осознала, что худшее позади. Лизетт больше не куталась в старое одеяло, скрываясь от мира за истошными каракулями. Она не перестала писать, но больше и не жила этим. Среди толпы умников и друзей, комментирующих ее записи, были и те, кто не казался ей интернет-фикцией – ее немногочисленные верные поклонники. Наконец, Лизетт поняла: ей нужно нечто большее. Онастала выходить на улицу, видеться с забытыми друзьями…

Одна из таких прогулок закончилась встречей с митингующими на Уолл-стрит: перед местными «эмблемами» роскоши собралась небольшая толпа. Лизетт остановилась и прислушалась: один из участников что-то громко читал остальным. Его слова показались ей очень знакомыми.

Она поняла: это была «Поэма о бремени ран». Ее поэма.

Она подошла поближе и заговорила с выступавшим, когда тот закончил. Его звали Эллиот Кемп, остаток дня они провели вместе за разговорами. Ранним утром Лизетт с радостью вступила в движение «Захвати Уолл-стрит».

Внезапно ее жизнь резко изменилась. Она обрела тех, кто мог разделить ее чувства. Теперь ее окружали не апатичные подростки и циничные взрослые, вокруг нее были те, кто наравне с ней стал жертвой конвейерного производства «Американской мечты». Так она описала этот опыт в одном из стихотворений – и толпа бурно поддержала ее.

Ее блог изменился. Она по-прежнему публиковала стихи, но теперь это были ударные, зажигательные прокламации, побуждающие читателя к действию – довольно эффективно, надо сказать. В качестве волонтера она участвовала в работе политических комитетов, проводила кампании в прессе, собирала средства для внесения залогов за арестованных единомышленников, да и сама несколько раз попадала за решетку. Она опубликовала свои произведения в форме электронной книги, но ей не удалось заработать ничего, кроме внимания издателей и литературоведов.

На собраниях Лизетт нередко читала свои работы – если не нужно было накрыть на стол, организовать работу медпункта или писать гневное письмо в редакцию независимого интернет-издания. Постепенно чтения стали собирать все более заинтересованных слушателей, среди них был рыжеволосый красавчик, от которого она не могла отвести взгляд. Целую неделю он приходил, чтобы послушать ее – и наконец, представился: Эйвери, просто Эйвери, пожалуй, главный поклонник ее творчества.

С виду он был довольно богат, но его не интересовали ее взгляды и убеждения – только сила, таившаяся за ними. Тогда, в полночь, сидя на тротуаре Уолл-стрит, они говорили

о поэзии – и вскоре он пожертвовал довольно крупную сумму на питание и одежду, бытовые и правовые нужды движения. После одного из самых ужасных столкновений с полицией он немедленно приехал за ней в участок, а вместе с ним – адвокат с постановлением прокурора в руках: полиции следовало немедленно отпустить не только Лизетт, но и всех задержанных тем вечером.

Ей казалось, что она влюбилась – и она надеялась на взаимность. Однажды он пригласил ее в гости – попросил прочесть несколько стихотворений его друзьям. Безусловно, если они выслушают ее, то обязательно окажут финансовую поддержку ее делу. Лизетт надела новое вечернее платье, купленное по случаю, и приехала в шикарный салон, отделанный темной древесиной, кожей и латунной фурнитурой. Но увидев своих слушателей, она испугалась. Они держались так холодно и спокойно, что их интерес к ней более напоминал аппетит. Или голод. Было в них нечто не свойственное людям.

Как только Лизетт начала читать, красивая незнакомка с очень изящной шеей – вылитая европейская аристократка – с усмешкой взглянула на нее. Что-то внутри у Лизетт надломилось.

К черту! Перед ней расселись заказчики и исполнители всего, с чем она боролась последние месяцы! Она больше не читала для них, она читала *о* них. Атмосфера в помещении изменилась: клокочущая ненависть и томный эротизм поминутно сменяли друг друга.

И вот она стоит в центре зала на роскошном ковре и клеймит их за все, что ей пришлось пережить – все, что

казалось ей несправедливым. Она словно обвиняет каждого из них лично, и ее голос подобно маятнику отмеряет переливы строк. Пораженные до глубины души, ее слушатели будто застыли, скривив лица от страха и возмущения… Наконец, Лизетт остановилась, и Эйвери прикрыл лицо рукой, точно пытался скрыть свой восторг, но – безуспешно. Темноволосая аристократка поднесла роскошный кружевной платок к глазам и произнесла: «Ступайте».

Все резко поднялись и переглянулись: на лицах проступил хитрый, но довольный оскал. Эйвери не спешил уходить, и незнакомка кивнула ему. Наконец, она встала, подошла к Лизетт, изящно дотронулась пальцем до ее щеки и улыбнулась. «Добро пожаловать», – произнесла незнакомка и вышла.

Ту ночь Эйвери и Лизетт провели на шикарном кожаном диване. Доведя ее до экстаза, Эйвери усмехнулся: «Ну, в путь…» Последнее, что запомнила Лизетт – это блеск белоснежных клыков, резкую боль, темные пятна крови и голод.

Эйвери объяснил ей, что значит быть вампиром, быть Тореадором и хранить верность Камарилье. Естественно, в новом качестве она больше не вызывала у Эйвери прежней страсти, впрочем, она и не жалела об этом. Она по-прежнему сражалась за свои привычные идеалы, с радостью используя новые силы на благо движения.

По крайней мере, до тех пор, пока не столкнулась с Вентру. Очень скоро она узнала, с кем на самом деле сражалась, кто противостоял всему, за что боролось движение. Внезапная мелкая стычка едва не закончилась для

нее Окончательной смертью. Но что гораздо хуже, святая святых, Маскарад был на грани срыва. В итоге шериф доставил Лизетт ко двору Князя вместе с опасным каитиффом Ксавье Гонном. Князь потребовал впредь не допускать подобного безрассудства и заставил их испить его крови. Чтобы защитить себя от уз, Гонн заблаговременно провел тайный ритуал, к которому у Лизетт, увы, не было доступа.

Согласно приказу Князя, Гонн должен был немедленно покинуть движение «Захвати Уолл-стрит», какой бы ущерб это ни нанесло ему и его планам. В то же время движение становилось полноценным доменом Лизетт, однако она, в свою очередь, должна была следить за тем, чтобы смертные активисты не причиняли ущерб доменам других сородичей в Нью-Йорке.

Лизетт продолжает начатое. Иногда она с ужасом понимает, что ей уже не порвать этот порочный круг: чем более открыто она борется с толстосумами во имя общества, тем сильнее погружается в закулисные интриги, чтобы удержать протест. Мотивы движения заразительны, так что Лизетт не перестала писать стихи. Кроме того, само движение (а значит и ее домен, и ее влияние) заметно разрослось и набрало силу – едва ли Князь предвидел подобный поворот. Что гораздо хуже, временами ее праведный гнев уступает место животному страху – Зверю внутри нее. На фоне «подвигов» ее Зверя даже расхищение государственного имущества теряет в значимости. Во время приема по случаю ее признания, организованного Эйвери, Лизетт беззастенчиво лгала, воровала, отбирала кровь силой

и совершила убийство. Но что гораздо хуже, ее действия пришлись по вкусу абсолютно жуткому Малкавиану. Лизетт пытается держать Зверя в узде, но благодаря своей крайне или – наоборот – недостаточно страстной натуре она начала замечать, что теряет человеческие черты.

Лизетт по-прежнему выступает в роли неформального лидера движения «Захвати Уолл-стрит»: вдохновляет активистов на правое дело, организует хозяйственную и кадровую работу. Также она часто ездит в другие города, чтобы распространить влияние организации. Во время таких поездок она необычайно осторожно представляется Князьям и объясняет цели своего визита. Она полностью избегает сородичей, если это возможно, и старается не использовать сверхъестественные силы за пределами Нью-Йорка. Кроме движения ее ничего не интересует.

Глубоко внутри она понимает: время на исходе. Горячие головы нельзя остудить. Они либо выходят из-под контроля и добиваются своего, либо рано или поздно перегорают и исчезают. К тому же, она, будучи вампиром, часто недоумевает: неужели она готова жить в обществе равных возможностей? Быть может существование своеобразной касты неприкасаемых (или движения) необходимо для того, чтобы у нее иее сородичей не возникало проблем с поиском пропитания? Не приносит ли она в жертву удобству Проклятых человеческое достоинство? Быть может смертные – не больше чем стадо для питания группы хищных паразитов (образ, с которым так активно борются некоторые из Проклятых)? Лизетт крайне осмотрительна: она поддерживает движение в тонусе, не позволяя ему

взорваться или угаснуть. Она до сих пор задает себе неудобное вопросы, лишая себя покоя, но надолго ли ее хватит?

Сир: Эйвери.

Клан: Тореадор.

Натура: Дилетант.

Маска: Архитектор.

Поколение: 10-е.

Становление: 2011 г.

Возраст (внешне): заметно старше 30 лет.

Физические атрибуты: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 2.

Социальные атрибуты: Харизма 3, Манипулирование 3, Внешность 2.

Ментальные атрибуты: Восприятие 4, Интеллект 2, Сообразительность 4.

Таланты: Бдительность 2, Осведомленность [Awareness] 1, Эмпатия 2, Экспрессия 3, Лидерство 1, Знание улиц 1.

Навыки: Вождение 2, Этикет 2, Исполнение 3, Выживание 1.

Познания: Академические 3, Компьютер 1, Расследование 1, Юриспруденция 1, Политика 3.

Дисциплины: Прорицание 2, Стремительность 1, Стойкость 1, Присутствие 2.

Дополнения: Союзники 3, Контакты 4, Слава 1, Стадо 2, Влияние 3, Ресурсы 2, Слуги 2, Статус 1.

Добродетели: Сознательность 3, Самоконтроль 3, Храбрость 3.

Человечность / Путь: Человечность 5.

Сила воли: 6.

Запас крови / максимальная трата крови в ход: 13 / 1.

Облик. Внешне Лизетт – это воплощение медийного образа типичного участника движения «Захвати Уолл-стрит». Чаще всего на ней футболки с разнообразными слоганами, джинсы или спортивные штаны, иногда худи. Ее темные волосы обычно растрепаны или собраны в хвост – так, будто у нее не было времени позаботиться о прическе или она была крайне небрежна. При ней всегда ее молодежная сумка или рюкзак (по ситуации), внутри – ноутбук и HD-камера.

Советы по отыгрышу. Лизетт чувствует себя очень неуверенно в обществе, когда речь заходит о чем-то кроме ее увлечений. В таких ситуациях ее речь становится отрывистой – будто она боится сказать какую-нибудь глупость, но она достаточно спокойна, чтобы никто ничего не заподозрил. Если ей это удается, она переводит тему разговора в привычное русло: социально-экономические преобразования, поэзия начала XX века…

Союзники и Контакты. Союзники Лизетт – это те, кого она повстречала, работая над протестными акциями. Среди них влиятельный нью-йоркский блоггер, политучастковый – в молодости также протестный активист – и средней руки чиновник из мэрии. Контакты Лизетт – в основном сторонники движения, представители научного сообщества, издатели и местные полицейские.

Стадо. Стадо Лизетт представляет собой небольшую группу людей, вращающихся в протестных кругах. Среди них есть не только обычные сторонники движения, но и

несколько наркодилеров, а также парочка бездомных подростков – из тех, что обычно стекаются на демонстрации.

Влияние. Хотя владения Лизетт весьма скромны, она по праву считается предводителем движения «Захвати Уолл-стрит». Активисты часто обращаются к ней за советом и одобрением – так, пусть и не напрямую, Лизетт получила доступ к разнообразным благам, которые аккумулирует движение, будь то запасы еды, одежды или денег, волонтеры различного происхождения или адвокаты с журналистами.

Слуги. Лизетт служат два гуля, каждый на свой манер. Эллиот Кемп – ее крайне активный соратник – эффективно решает организационные вопросы и считается ее правой рукой. В дневное время он чаще всего следит за жизнью движения, пока Лизетт спит. Ее второй гуль, Аманда Кортес, работает местным участковым, но особенно известна благодаря своим навыкам подавления массовых беспорядков, поэтому она всегда идет в первых рядах полицейских нарядов при столкновении с протестующими.

Набатей: Игрушка Древних

(стр. 28-33, переводчик: Сноходец)

Один за другим мы падаем с неба в глубины прошлого. У нас ещё есть время, пока наш мир не перевернут снова. Кто мы?
(Загадка шейха)

В 363 году н. э. тайный город Петра (библейская Села, в настоящее время – территория Иордании) вновь находился на пике расцвета. Века минули со времён былой славы, когда Петра была важнейшим перевалочным пунктом на торговом пути с Востока до Газы – основного порта Леванта – и ключом к рынкам Греции, Египта, Рима и Сирии. С помощью караванного пути и зарабатывали себе на хлеб граждане и правители Петры – набатеи.

Летняя пора в истории города сменилась зимой, вместе с которой с Запада подули ветра перемен. Римляне, которые обложили Петру данью ещё в I в. до н. э., присоединили к империи значительную часть окружающих территорий, а вместе с ними и драгоценные торговые пути. Римская экспансия привела к резкому и стре- мительному упадку Петры, но всё-таки высеченный в скале город устоял. Когда император Траян присоединил город к Риму и назначил его столицей новой провинции Аравия Петрейская, Петра вступила в пору медленного возрождения, которая отчасти стёрла её культурные особенности, но всё-таки принесла расцвет экономики и архитектуры.

К 363 году Петра стала центром епархии в Восточной Римской империи – любимом детище Константина. Со времён

Набатейского царства она подрастеряла блеск и величие, но византийские колоннады, резные алтари и роскошные мозаики определённо украсили стареющий город…

…до землетрясения.

Согласно свидетельствам современников, подземные толчки ощущались до самой Акабы, что вполне подтверждается разрушениями, которые выпали на долю Петры. Как это часто случается, первые подземные толчки ударили в очаге землетрясения, а через несколько часов по поверхности прокатился повторный вал. Под его натиском обрушились своды храмов, повалились колонны царского дворца и рухнули стены единственного театра. Более половины городского населения восприняло землетрясение, погубившее сотни жителей, как знак свыше и покинуло Петру, навсегда положив конец её недолгому ренессансу.

Сотрясая Небо и Землю

Поразившее Палестину землетрясение до сих пор вызывает споры. Его мощь захватывала дух, так что прорицатели и пророки от самого правления Траяна бросились щеголять тем, что предсказали катаклизм. Само собой, никто из них не дал детального предсказания, но время было угадано на удивление точно.

Перед самым землетрясением, в конце 362 года, Юлиан Отступник запретил христианское учение по всей империи (где оно уже тридцать лет было государственной религией). Спустя месяц после него Юлиан погиб в битве за Ктесифон. Вскоре наследник Юлиана Валентиниан окончательно разделил Римскую и Византийскую империи, поставив во

главе восточной части своего брата Валена, что по мнению некоторых исследователей предопределило падение обоих империй.

Но не все жители Петры пали духом. Там, где большинство видело дурное предзнаменование, один человек увидел необходимость собраться с силами и продолжить работу. Этот человек, как и его отец, и отец его отца, работал на передовом крае инженерной науки и защищал город от зимних паводков с помощью запруд, которые для того времени и места были чудом техники. Он был набатеем, и его родство с петрейской землёй оказалось сильнее римского страха и византийского суеверия. Набатей понимал, какая опасность грозит Петре в случае массового исхода жителей, и возвысил голос против него.

Но в то время само слово «набатей» стало ругательством: деревенщина, невежда и даже ублюдок; и это на земле древнего Набатейского царства… достойное сожаления вырождение народа, который считался одним из самых терпимых и одарённых в древнем мире. И хотя Набатей изо всех сил старался приспособиться и быть полезным, включая даже обращение в христианскую веру (по примеру некоторых соотечественников, крестившихся после римской оккупации), для правящей элиты его слова были лишь словами набатея. То есть «деревенщины».

И всё-таки горячность и преданность человека, какими бы наивными они не были, привлекли внимание кое-кого влиятельного, хотя он и не стал ничего предпринимать. Этот незнакомец, давно умершее дитя Каина, наблюдал, как вереница караванов прошла по окружённой колоннадами

главной улице города, миновала нимфеи и руины храма Крылатых львов, спустилась в ущелье эль-Сик и покинула Петру через главные врата. Город по своему устройству не был приспособлен для постоянного проживания сородичей, но в качестве временной стоянки он подходил вампирам ничуть не хуже, чем смертному скоту; гостил в Петре и наш незнакомец.

Мёртвый гость, потомок Царя теней, не стал погружать Набатея в безбрежную ночь. Он просто запомнил имя смертного, его род и его дела, а затем вновь растворился во тьме. Можно сказать, само его присутствие в Петре было окутано этой тьмой.

Горечь Набатея никто не разделил, так что звезде его города суждено было закатиться в ближайшие триста лет, за которые торговые пути ушли в сторону, а помощь восточной империи иссякла. К 747 году Петра превратилась в захолустный городок растущего Арабского халифата, от сорока тысяч населения которого в пору расцвета осталось меньше двух тысяч. Но среди оставшихся был потомок Набатея, его род хранил верность земле Петры. Этот потомок, бедный труженик, в поте лица своего зарабатывал на пропитание среди окружающей нищеты.

И тогда история повторилась.

Если события 363 года стали началом конца Петры, землетрясение 747-го забило в её гроб последний гвоздь. Столетиями город черпал материал для новых зданий из остатков предыдущих построек, и на таком основании ему было не устоять перед яростной мощью подземных толчков. Землетрясение обрушилось не только на остатки Петры, но и

на все города некогда набатейской пустыни Негев. Оно сравняло с землёй храмы и поглотило как могилы мёртвых, так и дома живых.

И на этот раз Набатею его избежать не удалось. Он восстанавливал испорченную кладку Каср Аль-Бинта (что значит «Дворец дочери фараона»), когда раздались первые толчки. Не успел он перевести дыхание, как мир вокруг начал разваливаться на куски. Из последних сил он бросился к ближайшему проёму и в изумлении замер, подумав, что со страху ему привиделся прекрасный белый верблюд, безмятежно улыбающийся снаружи. Услышав, как сверху падает каменный блок, Набатей закрыл перед смертью глаза… но всё вышло совсем иначе.

Глаза дрогнули и открылись – перед ним стояло чудовище, должно быть, джинн или могильный *гуль*. Вот он стоит перед ним с распростёртыми руками и загадочным выражением на обветренном лице, будто встречает его из долгого путешествия.

Набатей взглянул вверх и увидел, что блок из песчаника завис в воздухе, поддерживаемый… тенями! В этот момент хрупкое сознание человека не выдержало, и он рухнул на пол храма как подкошенный. Когда он очнулся, он уже не принадлежал к числу живых, но вошёл в число проклятых.

Подобно своим предкам Набатей воспринял веру тогдашнего большинства; в данном случае это был ислам. Как и все арабские племена, народ набатеев изначально был народом язычников и возносил молитвы таким богам, как Аль-Узза и Аль-Каум, Душара и Манават. Когда их завоевали израильтяне, Александр, старший сын Аристовула II, начал

насильственное обращение в иудаизм, и покорённые набатеи приняли его веру. Под владычеством римлян набатеи сперва переняли эллинизированную версию их собственного пантеона с Венерой и Марсом на месте Аль-Уззы и Аль-Каума, позднее–в составе Византийской империи – христианство, а затем и ислам. Похоже, что исторический путь набатеев состоял именно в мирном приспособлении к переменчивым условиям жизни.

Когда Набатей узнал, что его бессмертный спаситель не стал приспосабливаться как предки, и не принял ни веры современников, ни тех, что были до того, он был поражён поведением сира. Набатей не был особо религиозным при жизни, но узнав о существовании подобных существ, он не мог мыслить иначе как в религиозных терминах. Спустя долгие ночи он наконец-то набрался мужества спросить господина, почему тот выбрал угасающую Петру, почему решил спасти бедного мусульманина только лишь затем, чтобы обречь его на вечное проклятие.

– Я не обрёк тебя на гибель, – последовал ответ, – Я тебя сохранил.

– Но почему? Почему меня? – спросил Набатей.

– Потому что, может статься, в одну ночь ты окажешься последним из рода.

Два мира

Впоследствии Набатей исколесил весь Левант, Святую землю и Плодородный полумесяц и в этих поездках узнал не об одном мире, а о двух: мире живых и тайном мире проклятых мертвецов, скрывающихся в тенях. Сир и дитя,

они бывали при дворах Аширры, исламского общества вампиров, беседовали с халифами, пировали с султанами и расспрашивали имамов. Известный мир вобрал их в себя, и они вобрали в себя мир. А вместе с тем крепла и взаимная приязнь между двумя сородичами.

Но как это часто бывает с проклятыми, такое времяпрепровождение не могло длиться вечно, и совместным путешествиям настал конец. Когда в первой половине XI века Аль-Андалус распался на так называемые тайфы, наша парочка остановилась у собрата ласомбра по имени Бакр ибн Сафван аль-Кушайри, провозгласившего себя султаном Малаги. Султан пригласил их на совместную молитву, но сир Набатея вежливо отказался. Султан, рассудив, что перед ним «человек Писания» (т.е. христианин или иудей), предложил воспользоваться местной церковью или синагогой. Когда тот отказался опять, султан понял, что его гость не мусульманин и не зимми (свободный представитель другой веры), а настоящий неверный и потому нуждается в наставлении.

И тогда каинит и султан Малаги вызвал соклановца и гостя на состязание. Если султан проиграет, он расстанется с половиной своего домена в пользу гостя (который на тот момент не обзавёлся земными владениями). Победит – гость должен будет принять если не ислам, то хотя бы другую религию Писания. Посчитав состязание в худшем случае насмешкой, а в лучшем – развлечением после трапезы, сир согласился. Память Набатея не сохранила деталей соревнования, но его сир проиграл и, как они подозревали, не без обмана. Друзья сглупили, решив, что их умудрённый летами хозяин не станет жульничать по таким мелочам.

Когда сира призвали сдержать обещание, тот ещё раз вежливо отказался, но не стал упоминать о нечестности самого султана. Когда гость-каинит нарушает данное хозяину-каиниту слово–жди беды, и этот раз не стал исключением. Уязвлённый попранием чести клана и надругательством над верой султан обратился в Amici Noctis, «тайный» трибунал ласомбра. Долгие годы аль-Кушайри предусмотрительно заводил себе друзей среди мусульман и христиан клана, поэтому для судей, собравшихся вершить судьбу кочевого товарища, его слово имело немалый вес. Вердикт был ясен и скор. Или сир Набатея исполняет обещание и принимает ислам, или он встречает окончательную смерть.

Зная, что тот ни за что не примет нелюбимой веры, Набатей, который до этого хранил молчание, выступил вперёд. Он предложил свою нежизнь за нежизнь сира.

К его удивлению, ни сир, ни султан не только не стали протестовать, но и не слишком расстроились. Аль-Кушайри сразу же согласился и оповестил судей, что вердикт следует аннулировать при условии исполнения Набатеем своего слова. Спустя почти три сотни лет, проведённых вместе, дитя и сир разлучились, простившись одним только понимающим кивком и безрадостным напутствием.

И вновь, как в ночь своего Обращения, Набатей приготовился встретить смерть, и вновь он её не дождался. Наивная прямота соклановца-мусульманина тронула султана, пусть и не до такой степени, чтобы простить его сира до конца, поэтому он избавил Набатея от окончательной смерти… в обмен на вечность небытия. Аль-Кушайри вонзил в

сердце Набатея деревянный кол и положил гроб с телом в свою сокровищницу.

Не прошло много времени, как султаном вновь овладела страсть к соревнованиям, и он проиграл Набатея ласомбра-христианину в весьма ожесточённой борьбе.

Весть о «набатейском трофее» понеслась по округе со скоростью лесного пожара, и тело стало переходить от одного бессмертного хранителя к другому по капризу тех, кто превзошёл Набатея в жестокости и бессердечии. Некоторое время он провёл в склепе одного мудреца-каббалиста, который освобождал пленника раз в несколько лет, чтобы задать один и тот же вопрос: «Как тебя зовут?» Когда тот уже не мог ответить, мудрец продал Набатея очередному сородичу, желавшему завладеть бессмертной диковиной. Неизменным в этой жизни по приговору оставались лишь условия содержания; согласно им Набатей не мог покидать гроба и клана, но они же защищали его душу от амаранта и окончательной смерти. Спустя несколько столетий Набатей уже не знал, удача это или проклятие.

Когда в ходе реконкисты большая часть Аль-Андалуса вернулась в руки христиан (и, что более важно, других кланов), Набатей снова оказался на Ближнем Востоке в качестве досужей забавы шейха эль-Хали по прозвищу Пустой шейх. Человек нескончаемых баек и загадок, шейх завёл привычку вынимать кол из сердца Набатея и разыгрывать из себя радушного хозяина, принимающего гостя издалека. В конце долгого вечера, полного хмельных напитков и разговоров, Пустой шейх предлагал пленному

слушателю загадку. Разгадает её Набатей вовремя – получит свободу.

Нет – обратно в гроб. А так как шейх прекрасно знал, что представления гостя об окружающем мире ограничены стыком тысячелетий, он всегда мог подобрать такую загадку, чтобы не сомневаться в исходе.

Под конец Второй мировой Набатей попал в руки Мирри аль-Лама, потомку короля Шерифа, которая приходилась монарху ласомбра Северной Африки сестрой по крови. Набатей так и не понял, как и почему оказался под её опекой, ведь Мирри просто держала его в погребе, не доставая из гроба и не общаясь, как это делали остальные. Впрочем, всё это неважно, так как она стала последним вампиром, который владел его телом.

Мирри аль-Лама была единственным представителем клана (и де-факто княгиней) ливийского города Сирт. Даже когда Сирт пережил период расцвета под покровительством своего щедрого сына, полковника Муаммара Каддафи, вампиры города держались в тени, словно главный старожил всеми правдами и неправдами избегала контактов с сородичами. В октябре 2011 г. Арабская весна наконец постучала в дверь полковника, и в результате вооружённых столкновений от Сирта и самого Каддафи осталось лишь мокрое место.

Но было у Арабской весны и другое последствие, немаловажное для каинитов, но прошедшее незамеченным – после долгой тысячи лет кошмаров во сне и наяву Набатей оказался на свободе.

Он очнулся под водой. Осада Сирта сопровождалась не только бомбардировками и уличными боями, но и затоплением города. И хотя подземелье, где он покоился, было надёжно защищено от грабителей и солнечного света, оно не было водонепроницаемым. Кол отошёл от сердца, а хозяйки нигде не было видно, и впервые за тысячу лет Набатей был сам себе господином. Он бы наверняка вышел на солнце или впал в безумие, если бы не наводнение и не умение спать в любых условиях.

Внезапное пробуждение выбросило Набатея в жестокий и непонятный мир. Непередаваемо долгий торпор не свёл его с ума, но всё-таки лишил львиной доли воспоминаний, значительной части сострадания и даже индивидуальности, включая само имя. Первым делом он выбрался из могилы, бывшей ему домом, и оставил Сирт, который к тому моменту ещё лежал в руинах. Инстинкты и память направили Набатея на Восток, к развалинам Петры.

По дороге он остановился в Египте, чтобы посмотреть на последствия Арабской весны. Он бывал в Египте вместе с сиром, но теперь страну, конечно же, было не узнать. После краткой стычки с кочевой стаей Шабаша (с которой он расправился с головокружительной быстротой) Набатей снова пошёл по следу политических бурь и перебрался сперва на Синай, а затем – в Палестину, где встретил знакомое лицо тирании и гнёта. Добравшись до Петры, Набатей понял, что не зря боялся найти не живой город, а музейный экспонат. На данный момент Набатей добивается только одного. Он жаждет воссоединиться с сиром. После веков беспокойного сна ни в чём нет уверенности, но что-то

подсказывает Набатею – сир ещё не встретил окончательную смерть, и если найти его, то, быть может, осколки прошлого сложатся воедино и он сможет двигаться дальше. Рядом нет никого знакомого и неоткуда начать поиски, поэтому он обречён бродить, покинутый людьми и богом, по ставшими незнакомыми землям, которые когда-то знал. И вот он бродит по земле, как в стародавние ночи, и раздумывает, не оказался ли он и в самом деле последним из рода.

Сир: Антипатр Хуфский.

Клан: Ласомбра.

Натура: Идеалист.

Маска: Мученик.

Поколение: 7-е.

Обращение: 747 г. н. э.

Видимый возраст: около двадцати лет.

Физические: Сила 5, Ловкость 4, Выносливость 5.

Социальные: Обаяние 2, Манипулирование 3, Внешность 3.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 3, Сообразительность 5.

Таланты: Бдительность 4, Атлетика 3, Шестое чувство 3, Драка 4, Хитрость 2.

Навыки: Этикет 4, Фехтование 3, Скрытность 2, Выживание 5.

Знания: Академические 1, Ремесло 4, Расследование 3, Оккультизм 3.

Дисциплины: Прорицание 2, Стойкость 3, Власть над тенью 4, Могущество 4, Превращение 3.

Дополнения: Наставник 4 (но воспользоваться помощью наставника Набатей пока не может), Статус 1 (ласомбра).

Добродетели: Совесть 1, Самоконтроль 5, Смелость 5.

Мораль: Человечность 7 (но пока прозрение не вернёт Набатею утраченную человечность, считается равной 5).

Сила воли: 8.

Запас крови / трата за ход: 20 / 4.

Внешний вид. У Набатея привлекательная, но неброская неопределённо-арабская внешность, средний (около 175 см) рост и телосложение каменотёса. Но кое-что выделяет его среди сородичей. Как у человека, который прожил десятки лет без солнца и ветра, кожа Набатея чрезвычайно «жива» и полнокровна, что просто невероятно для такого старого вампира. Отсутствие мертвенной бледности, ставшей визитной карточкой каинитов, уже сыграло злую шутку с молодыми и дерзкими вампирами, которые посчитали Набатея лёгкой добычей. Он успел раздобыть современную одежду, чтобы не привлекать ненужного внимания, но зоркий наблюдатель сразу поймёт, что перед ним – буквально человек другого времени.

Советы по отыгрышу. Пока Набатею не на кого положиться; он всё ещё открывает для себя современное состояние человека, чтобы вернуть утраченную человечность. Она возвращается, капля по капле, но пока Набатей не обвыкнется, ему придётся балансировать на тонкой грани между крайностями собственного бытия, не уклоняясь ни влево, ни вправо. Болезни роста древнего

ночного хищника могут принести немало вреда, особенно тому, кто решит поохотиться на него.

Убежище. Сир научил Набатея гангрельскому трюку, с помощью которого можно спать в сырой земле, поэтому каждый день на заре он уподобляется диким зверям. Он, конечно, мог бы обустроить настоящее убежище, но ему просто не до того.

Как в былые ночи у него только дорога на уме, и пока он не найдёт либо сира, либо ответы на вопросы, это вряд ли изменится.

Влияние. Если сир Набатея действительно сохранил нежизнь до современных ночей, он, должно быть, стал весьма влиятельной фигурой. Разумеется, сам Набатей этого влияния лишён. С таким возрастом и физическими способностями он легко займёт высокое положение в Камарилье или Шабаше, но пока его знания о сектах довольно ограничены, а сам он далёк от честолюбивых замыслов. Как только он освоится, Набатей станет силой, с которой нельзя не считаться, но до тех пор его главная задача – найти сира и своё место.

SVEIN FORTINBRAS: Azrael

(стр. 35-38, требуется переводчик)

Леди Маргарет Виллоуби: Хранитель Утраченного Секрета

(стр. 40-45, переводчик: Лианна ап Лиам)

Одной мрачной шотландской ночью пять самозваных ведьм собрались в гостевой комнате восточного крыла замка Балморал. Их небольшой шабаш преследовал зловещую цель – ввергнуть в плен магии гостеприимную хозяйку замка, королеву Викторию, которая впала в тоску после смерти своего возлюбленного супруга, принца-консорта Альберта. Возглавляемые предательницей, леди Лизой Паульманн, ведьмы собрались в библиотеке, чертили запретные магические символы на полу и зажигали свечи, чтобы призвать призрак Альберта и заставить его поманить свою царственную супругу воссоединиться с ним, что должно было ввергнуть королеву в отчаяние. Даже если Виктория не попытается шагнуть сквозь Саван в призрачные объятья своего принца, как только Ее Величество публично заявит о том, что ей нанес визит призрак ее возлюбленного, в глазах подданных королева будет считаться непригодной к управлению империей, несмотря на весь романтический мистицизм той эпохи.

Со своей стороны леди Паульманн желала зачаровать королеву, чтобы недавно объединившаяся Германия, чья мощь все возрастала, могла держать своего конкурента на европейской арене под контролем. Для остальных ведьм идея такого предательства была немыслимой, но они соблазнились той мыслью, что королева будет им обязана. Сама Паульманн проживала в Соединенном Королевстве, управляемом

королевой Викторией, и не планировала отдавать свой новый дом на разграбление воинственным германцам, так как она слишком уж привыкла к комфорту и финансовому благополучию, которыми она наслаждалась в Британии. Без сомнений, она была шпионкой на благо своей родины… но предпочитала не помогать своей отчизне слишком уж много.

На самом же деле леди Паульманн была гулем, работающим на котерию немецких Вентру, которые вели своей тайный Джихад против Князя Лондона, Митры. Действия, напрямую направленные против королевы Виктории, были отважным и отчаянным шагом с их стороны, и мошенничество было разоблачено лишь благодаря своевременному прибытию агентов Лорда Тремер Шотландии, Харгау.

Долгое время большинство удельных владений вампиров в Шотландии принадлежали Тореадорам благодаря связи между Каледонскими Дегенератами и династией Валуа, которая приобрела владения в Шотландии во время правления Марии Стюарт и ее брака с королем Франции Франциском II. Лишенные своих владений французские Тореадоры перебрались в Шотландию, присваивая владения независимых мелких Князей из кланов Вентру, Бруха и Гангрел. Их захватническая политика поддерживалась могуществом французской короны вплоть до восшествия королевы Елизаветы на английский престол, к которому были причастны многие английские Вентру.

Заговор леди Паульманн против Виктории вызрел именно в этом вековом омуте политических хитросплетений смертных и Сородичей. И в ночь спиритического сеанса он

был прерван прибытием Харгау, который в то время был верховным Лордом объединенных доменов. Прибытие Харгау было чистейшим совпадением, но виноватый вид других гостей Ее Величества, когда вампир представился, испортил весь ритуал и вызвал подозрения. Под испепеляющим взглядом Тремер одна из собравшихся «ведьм», леди Маргарет Виллоуби, выдала весь план, и после быстрого допроса с применением Доминирования Харгау подтвердил как наличие сговора, так и предательство.

В большинстве случаев это означало бы смертный приговор для уклоняющихся от признания предателей, так и для той, что их выдала, так как правосудие Тремер неумолимо. Но исход той ночи изменился из-за великого смятения в клане Тремер, и заговор против королевы Виктории стал катализатором более значимой схемы, плана, реализация которого впоследствии распространится на несколько континентов. Из кризиса родилась возможность.

Однако, эта возможность не была приятной, чего, впрочем, следовало ожидать от предательства Проклятых. Из пяти ведьм Харгау убил троих, чтобы сохранить тайну заговора – и утолить свою жажду крови. Затем Лорд Тремер заперся в капелле анциллы в Глазго в обществе леди Паульманн и Виллоуби, которые были его «гостьями». Все желания гостей исполняли подобострастные гули и странные порождения тауматургического колдовства. Обе леди по-разному реагировали на гостеприимство их хозяина, а Харгау в свою очередь дал им ясно понять, что у него на их есть планы, которые включают намного более серьезные

магические искусства, чем их любительские попытки спиритизма в покоях Балморала.

В течение месяца Харгау обхаживал двух ведьм-недоучек, искушая их могуществом и беря с них кровавую дань, которую он использовал, чтобы начать их посвящение в тайны клана Тремер. В самую благоприятную для ритуалов ночь, безоблачную ночь долгого холодного зимнего солнцестояния, лорд Тремер привел своего ученика в подземелье капеллы, чтобы дать Становление леди Паульманн. Рассерженная леди протестовала – если секрет истинной темной магии содержится в крови, почему это ей должен давать Становление какой-то низкий простой подмастерье магических дел? Харгау заставил женщину замолчать оплеухой, напомнив ей, что структура пирамиды должна иметь основание, и что были… свои способы для того, чтобы повысить могущество Крови. Леди Паульманн затем нехотя проковыляла к ученику для Становления, пока леди Виллоуби в ужасе наблюдала ее смерть.

Когда нежить, которой стала Лиза Паульманн, восстала из смертного сна, лорд Тремер приказал ей выпить крови гуля. А затем, словно желая продемонстрировать кровную иерархию клана Тремер, он приказал Паульманн проделать с леди Виллоуби то же самое, что только что было проделано с ней – прервать нить ее жизни, заменив кровь ее вен полуночной кровью Проклятых. Выражение глаз леди Паульманн, когда та подходила к леди Виллоуби, парализовало пока еще смертную женщину, вызвав в ней чувство отчаяния. Маргарет всегда была смирной и покорной, присоединилась к шабашу ведьм в основном из

обязательств к другим, и панику в ней вселяло уже само зрелище этого чудовища, несущего проклятие, о котором любезно дало пояснения это дьявольское создание по имени Харгау – но время для этих ужасов прошло, когда жизнь Маргарет утекла из ее вен в страстной жажде крови ее ненасытной коллеги.

Затем Харгау преподал практический урок «повышения могущества Крови». Он пояснил птенцам, что когда ты пьешь кровь другого Сородича, и более того, саму душу, можно сконцентрировать силу в витэ, дистиллируя ее, алхимически концентрируя ее в более крепкий гумор и приобретая таким образом более совершенный контроль над способностями Сородичей. А затем, когда тауматургическая конструкция-сервитор зажала леди Паульманн в подобную тискам хватку, обездвижив ее, лорд Тремер велел Маргарет Виллоуби проделать именно это действие.

Амарант оставил след в сущности леди Виллоуби своей жестокостью, сутью плотского удовольствия и порочным святотатством самой своей природы. Пока кровь той, что была ее сиром в течение нескольких мгновений, струилась изо рта и носа леди Виллоуби, тело леди Паульманн рассыпалось в прах.

«Это было проделано для вашей и моей защиты», загадочно произнес Харгау, но леди Виллоуби лишь позднее смогла понять и оценить значение удаленности на Поколение от наследия ее грандсира. Пожертвовав своей человечностью, она приобрела мощь Становление своего грандсира – но и дистанцию между ними, разрыв в поколениях, который предполагал автономию от воли Харгау,

и являлся лишь иллюзией родства и наследия. «Кроме того», признался лорд Тремер, «самоуверенная наглость твоего покойного Сира не слишком-то хороша для основания будущей пирамиды».

К сожалению, недавно Становленная аристократка не преуспела в искусстве Тауматургии, находя эту практику отталкивающей и средневековой. Понукаемая Харгау, она попробовала свои силы на политической сцене клана, но и там ее дебют получился не слишком-то удачным. Политический вес у Тремер, которая была всего лишь супругой мелкого дворянчика в Шотландии, где преобладали Тореадоры, был незначительным, и для клана Колдунов мороки с ней было почти столько же, сколько пользы от нее. Примерно в тот же период карьера самого Харгау в клане пошла на спад, и он и Маргарет расстались.

Пытаясь покинуть Великобританию, и таким образом порвать со своим прошлым, леди Виллоуби собрала средства, оставленные ей после безвременной кончины ее супруга от чахотки, и вложила их в Трансандийскую железную дорогу. Перевод леди Виллоуби своих капиталов в Аргентину выглядел типичным шагом инвестора-эмигранта, и несмотря на сложности, с которыми столкнулась компания Трансандийской железной дороги Кларка в начале проведения работ, предприятие не только успешно стартовала, но и преуспела. Пока за счет скромных инвестиций Маргарет незаметно копила средства, она решила вложиться и в свое благоустройство. Создав себе скромное убежище в Мендозе, она выучила язык и

достаточно ознакомилась с аргентинской культурой для того, чтобы играть свою роль городской эмигрантки.

Однако Сородичам, как правило, недолго приходится наслаждаться подобным покоем, что и произошло с леди Виллоуби. Одним не самым счастливым вечером, когда в доме Маргарет в калифорнийском стиле был организован банкет для видных представителей городской элиты, на ее пороге появился гость: ее грандсир Харгау. Его звезда закатилась не случайно – он просто организовал свой тихий уход с поста Лорда Шотландии с помощью тихого покровителя где-то в Пирамиде. Все это входило в долгосрочные планы вампира, как тот признался, ибо он и его покровитель обнаружили секрет, который мог вызвать войну в Европе, а с учетом напряженности в Австро-Венгрии в то время, последнее, что нужно было Сородичам – конфликт на высоком уровне на фоне ухудшающегося политического климата смертных.

Харгау описал свою ситуацию: он нашел себе неожиданного союзника в сфере тауматургических исследований, когда в начале первого десятилетия XVIII века находился в Вене. В ходе различных исследований крови Сородичей, возникновения линии крови Горгулий и проклятой земли владений в Восточной Европе Харгау и небольшой кабал других Тремер, принадлежавших к Дому Горатрикс, открыли любопытное явление, процветавшее, если можно выразиться так, в витэ клана Цимисхов. И если эксперименты, проведенные капеллой, были верны, то у Харгау и его кабала была возможность сделать «аномалию» неактивной. Леди Виллоуби сначала не поняла, о чем говорит

Харгау, так что ему пришлось дать пояснения – если можно будет разработать этот ритуал магии крови, Тремер получат способность прервать Проклятие Каина в Цимисхах, запустив ритуал, который будет распространяться в магическом наследии Извергов подобно вирусу, превращая их в пепел на месте.

Леди Виллоуби еще не понимала деталей, но именно потому Харгау выбрал ее. Она не имела знаний и способностей, чтобы провести ритуал самостоятельно, так что он мог не волноваться, что Маргарет злоупотребит им без его ведома, а ее неэффективность в масштабной политике Сородичей означала, что Виллоуби не привлечен ничьего ненужного внимания. Она была отличным кандидатом для того, чтобы защитить секрет, который сейчас находился на грани раскрытия.

Проблема, разумеется, заключалась в том, что Дом Горатрикс заключил союз с Шабашем, организаций, возникшей после Мятежа Анархов как союз Ласомбра и… Цимисхов. Видя, что могущество Шабаша в Новом Свете возрастает, Горатрикс увидел возможность добиться выгодного положения для своей раскольничьей капеллы Тремер-антитрибу в их среде. Но это не погасило энтузиазм Дома Горатрикс в поисках ритуала. Скорее, как признался по секрету Харгау, его старый кабал был весьма мотивирован в таких поисках – просто их мотивация кое в чем отличалась от мотивов тех Тремер, которые все еще сохраняли верность Вене и Совету Семи. Приоритеты верности Чароплета включали в первую очередь верность себе, затем своему дому, а верность Мечу Каина в планах Узурпатора занимала

третье место с большим отрывом от первых двух. Для Горатрикса Шабаш был всего лишь полезным инструментом и могущественной сектой-покровителем, а не какой-то священной идеологией сам по себе.

С момента прибытия Харгау в Южную Америку, Шабаш наблюдал за ним, и несмотря на то, что он заметал следы умелым использованием Тауматургии, в распоряжении мятежников из Дома Горатрикс были куда более могущественные чары. Так как о передвижениях Харгау знали те агенты Шабаша, которым фракция Горатрикса сочла нужным об этом сообщить, вампир знал о том, что его время на исходе, но знал и о том, что кто-то помимо мятежной фракции должен знать секрет. Он оставался в убежище леди Виллоуби несколько месяцев, хотя временами исчезал на несколько недель, специально не сообщая Маргарет о своих передвижениях, чтобы никто не смог выпытать у нее его местонахождения вне зависимости от степени пыток.

За эти месяцы Маргарет Виллоуби размышляла над своей судьбой. Ее сир издевался над ней с ее первой ночи среди Проклятых, обращался с ней как с пешкой и как с марионеткой, сначала навязав на ее голову проклятие, а затем и свой план. К осени 1912 года леди Виллоуби решила, что натерпелась от Харгау достаточно. И когда на ее пороге объявилась стая Víboras de Dios[12] с убийством на уме и с факелами в руке, Маргарет предложила им сделку. Она выдаст им тело Харгау с колом в сердце, а они оставят ее в покое и позволят убраться из их домена. Разочарованные тем, что им не пришлось даже применять силу, чтобы заставить леди Виллоуби выдать своего гостя, Víboras de Dios

[12] (исп.) Аспиды Господни

покинули ее дом с мрачным предупреждением. Если она не будет соблюдать свою часть соглашения, они будут преследовать ее хоть на краю света и выставят ее освежеванные внутренности на погибель на солнце. Маргарет не имела никакого желания разрывать сделку, но она слишком уж долго изображала скромницу. Набравшись морально-волевых сил для исполнения своего плана, она спланировала предательство, которое в ее глазах было актом заслуженного правосудия.

На следующую же ночь леди Виллоуби прошлась по комнатам Харгау, обыскивая его скромные пожитки в поисках чего-либо, что могло иметь ценность с точки зрения Тауматургии. Однако Харгау не был глупцом и спрятал свои дневники с описанием ритуала, а также защитил свое импровизированное убежище от вторжений. Когда он вернулся в убежище Маргарет, покрытый дорожной грязью явно вынужденного путешествия, он потребовал от женщины показать ему свои руки. Там, под кружевом ее бальных перчаток, кровоточила магическая печать Харгау, вырезанная на плоти ее ладоней.

Леди Виллоуби призналась в прибытии и страшных угрозах стаи Шабаша, которая явилась к ней требовать выдать им Харгау, но она не имела понятия, где он. Затем, впрочем, она придумала ложь, которая весьма соответствовала ее робкому поведению – что они потребовали какую-то магическую безделушку из вещей Харгау, а она согласилась, обыскав его вещи в отчаянной попытке дать им что-то ценное.

Харгау повелся на обман, гордый своим собственным предвидением того, что ему могли сесть на хвост, и тем, что он предусмотрительно спрятал дневник с ритуалом. Он простил леди Виллоуби ее вторжения и попросил ее описать незваных гостей. Та описала Víboras de Dios, в которых вампир узнал членов Шабаша, но насколько он мог судить, они не были связаны с Тремер-антитрибу.

Домены Аргентины формальное не принадлежали ни к одной из сект, будучи конфедерацией территорий, на которых имели влияние как Князья Камарильи, так и Епископы Шабаша. Между наиболее населенными регионами простирались обширные, неизвестные домены, где единственную власть могли представлять Автаркии, или где стаи Шабаша или Анархи могли урвать себе владение. Таким образом, как пояснил Харгау, единственные власти, с которыми они могли столкнуться, были властями местного уровня, и если у Князя Мендозы нет каких-либо личных счетов с Шабашем, она может легко выдать проблемного вампира жаждущей его смерти стае, если это будет означать, что Меч Каина уберется с ее владений на свои собственные. Это означало, что безопасность Харгау и Виллоуби была в их собственных руках, и что бегство было лучшим решением.

Плача кровавыми слезами, которые Харгау посчитал вызванными страхом, леди Виллоуби согласилась. Они покинут ее дом в калифорнийском стиле следующей ночью, и она направится туда, куда сказал Харгау, и будет ждать, пока он не свяжется с ней снова, перед тем, как сделать свой шаг. Она даже предложила, чтобы Харгау не говорил ей, куда он направится, чтобы тайна была сохранена. Харгау усмехнулся.

Дитя его Дитяти знало свою роль прекрасно. Он сделал превосходный выбор. В следующую ночь, когда их пути снова разойдутся, он направится в индейскую деревню-макондо, где местные индейцы чулупи с благоговейным страхом почитали его как Десмода. Там он сможет практиковать свои ритуалы, давая «Становление» жертвам, которых предоставят чулупи, вызывая у них магическое подобие проклятия Цимисхов и тех уз, которые оно создает между птенцом и землей. Он собрал свои вещи, включая мешок из непромокаемой ткани, в котором хранились его зашифрованные дневники. В дневниках хранилось местонахождение секретного тауматургического тайника близ деревни чулупи.

Но его плану не суждено было сбыться. Когда Харгау погрузился в самоуверенный дневной сон, леди Виллоуби отряхнулась от спячки и прокралась в его комнату в состоянии мучительной летаргии. Внутренне она боролась с желанием пробудить своего грандсира в момент непосредственно перед исполнением приговора, чтобы тот увидел, что его бестолковая подчиненная наконец натерпелась достаточно, но слишком уж многое было на кону. Решив не получать удовольствие от его предсмертного признания, Маргарет воткнула кол из рожкового дерева в сердце Харгау и вбила его поглубже серебряным молоточком, который нашла в скромных дорожных пожитках своего бывшего повелителя. Промокшая от его истекшей крови и надеясь, что Харгау узнал ее в тот момент, когда его глаза открылись от нападения, леди Виллоуби прокралась назад в

собственные уютные покои и проспала нервным сном весь оставшийся день.

Когда Маргарет пробудилась вечером, она связалась с Víboras de Dios и дала лидеру их стаи понять, что она была готова выполнить часть своего соглашения. Когда стая прибыла, она позволила ей ограбить спальню Харгау. Там был беспорядок, как пояснила леди, поскольку она и Харгау планировали бежать той же ночью, но она ввела его в заблуждение, чтобы усыпить подозрения. Также она пояснила, что они краткое время боролись, когда она застала Харгау врасплох и вбила в него кол. Как сказала Маргарет, ее совершенно не интересовали его наполовину собранные вещи, и стая могла взять все, что ей было нужно. Стая искала информацию об открытии Тремер в области Тауматургии для своего покровителя-Доминиона, но у них не было ни малейшего повода думать, что леди Виллоуби будет знать, что им нужно. Маргарет, в свою очередь, продолжила разыгрывать робкую жертву, убедив Víboras так же хорошо, как до этого убедила Харгау.

На самом деле леди Виллоуби забрала сумку Харгау еще до того, как позвала стаю забрать свой кровавый приз. Она знала, что в сумке не хранился сам бесценный секрет, но знала, что там хранятся подсказки по поводу его местонахождения. Затем она попросила о защите у Víboras de Dios, прося убежища у Шабаша, так как когда новость о ее предательстве достигнет Вены, за ее голову явно назначат награду.

Просьба леди Виллоуби превышала масштаб полномочий Víboras de Dios, особенно в спорных владениях Аргентины и в

домене, который, по крайней мере, номинально, принадлежал Принцу Камарильи. У них было достаточно здравого смысла, чтобы понимать, что они не имеют дело с дрожащим неофитом, которого насадили бы на кол на следующем же Танце Огня Меча Каина – они знали историю Харгау и то, что могущественная соперничающая группировка в Шабаше обеспечила ему определенное покровительство. Вместо того, чтобы пытаться ненароком оскорбить эту неизвестную организацию, они направили Маргарет к Нестору Лаванье, тогдашнему Епископу клана Ласомбра, который поддерживал цивилизованный политический диалог с Князем Мендозы.

Аудиенция с Епископом прошла так хорошо, как это было возможно. Со своей стороны леди Виллоуби была в основном откровенна. Епископ Лаванья вытащил несколько проясняющих ситуацию воспоминаний и из разума Маргарет, загладив затем разрывы в ее памяти, чтобы она не смогла вспомнить допрос- и его заинтриговали выводы, которые он смог сделать из признания леди Виллоуби. Вопрос был лишь в том, как использовать эту информацию для получения максимальной выгоды. Если мистические познания, которыми она обладала, были правдой, соперничество Цимисхов с кланом Ласомбра за политическое влияние в Шабаше утратит значение, так как Изверги больше не смогут представлять политическую угрозу Хранителям. Однако оружие было слишком уж опасным, так как без Цимисхов у Шабаша было мало шансов удержать свои и так не прочные владения против Камарильи, а без достаточной военной мощи Меч Каина никак не смог бы противостоять

ненавистным Патриархам. Епископу Лаванье пришлось смириться с правдой – он был Епископом отдаленной спорной территории, который обладал невеликим пониманием глобального конфликта между Камарильей и Шабашем. Так что он сделал то, что у Сородичей выходит лучше всего. Он обменял свою информацию на услугу.

Ласомбра умеют подмазываться друг к другу так, как ни один другой клан, и леди Виллоуби вскоре пригласил в домен Сан-Паулу сам Архиепископ. Последний раз, когда кто-либо видел Маргарет, был весной 1917 года, когда она находилась под защитой группы Избранных Каина, а затем ее следы исчезли из памяти Проклятых.

Может показаться, что история леди Виллоуби заканчивается тут - она стала пленницей Меча Каина, скорее всего в каком-то кровавом аду под улицами Сампы, где она лежит пронзенной колом или прикованной к столу писаря, вычеркивающего возможные искажения ритуала, который Харгау стащил из-под носов всего Дома Горатрикс. Однако это не так. Или, скажем прямо, теперь это не так. Тремер Шабаша и впрямь связали леди Виллоуби договорами и магией, привязав ее к подземной библиотеке Понтифика-раскольника Бразилии. Там она оставалась пленницей, изучая не сам ритуал, а дневники Харгау, которые хранили тайну ритуала, могущего покалечить Цимисхов.

Одной ночью ритуал, привязывающий Маргарет к библиотеке, просто… исчез. Она почувствовала, как магическая защита внезапно исчезла, словно оковы спали с запястий раба. Это было больше десяти лет назад. Она все еще не покинула библиотеку – да и есть ли у нее такая

возможность? Она в неизвестном городе, не знает языка, в домене Архиепископа, который может оказаться как знакомым ей, так и нет, может быть среди Проклятых или покинуть этот мир, и с какой-то точки зрения собственность клана, который исчез, о чем она не подозревает. Несмотря на все свои усилия по избавлению от ига Харгау, Маргарет оказалась в куда худшей ситуации, и у нее не было смелости выпутаться из нее самостоятельно снова. Вместо этого она приковала себя к обширной подземной библиотеке отсутствующего Понтифика, кормится кровью все более уменьшающихся в числе служителей (постойте, разве не должны они все быть к этому времени мертвы?), носит безупречно сохранившиеся остатки гардероба вековой давности и хранит секрет, которым на самом деле не владеет.

Понемногу, впрочем, леди Виллоуби начла набираться храбрости для того, чтобы попробовать на прочность оковы своей темницы. В ночь новолуния, как она говорит, к ней является посланник Черной Руки – Малкавианин, говорящий на испанском языке, чтобы проверить, какого прогресса она достигла с дневниками Харгау. Она не доверяет ему, и он знает, что она врет ему, когда говорит, что приложила все возможные усилия, так что эти двое ведут свой собственный приватный Джихад. Посланник Черной Руки, впрочем, разрешает ей поддерживать контакты с внешним миром, и добросовестно относит на почту все написанные ею от руки письма, а также забирает те немногие ответы, которые ей приходят. Этот Чудак из Избранных Каина имеет странный кодекс чести, так как он не читает переписку Маргарет,

полагая, что когда-нибудь он узнает, что именно заставляет его возвращаться к ней.

Так кто же переписывается с леди Маргарет Виллоуби? Валькар де ла Роса, испанский Тремер, которому дали становление, возможно, лет за десять до того, как ритуал Понтифика исчез. Когда посетитель Маргарет из Черной Руки пришел к ней в первый раз, она написала письмо сиру Валькара, но оно оказалось в руках Дитяти. После этого де ла Роса продолжил переписку из чувства долга, и с тех пор узнал секрет, который леди Виллоуби, как она думает, скрывает, а также собрал неполную копию дневников Харгау, которые Маргарет закодировала собственным шифром, отсылая ему по одной странице. Почему леди Виллоуби выбрала для переписки сира Валькара? Почему она продолжает переписку, хотя знает, что письма получает не тот Сородич, которому они были изначально адресованы? Только Маргарет сама и знает, но она надеется вскоре попытаться вновь, желая теперь связаться с другим Сородичем, чье последнее местонахождение она надеется определить по данным из мистической библиотеки в подземельях под Сан-Паулу. Так как она особо не обращает внимания на то, сколько времени прошло, скорее всего, она свяжется с другим потомком какого-либо названного Сородича, или даже Дитятей Дитяти, не считая тот факт, что адреса получателя может уже и не существовать.

Разрушение того, что осталось от нежизни Маргарет Виллоуби, впрочем, не самое худее в данной ситуации. Харгау, попавший в руки Víboras de Dios, так и не добрался до макондо индейцев чулупи. Неизвестно, преуспел бы он в

проведении своего ритуала или нет, но то, что он закопал высоко в Андах, сделало что-то с деревней, около которой оно было закопано. В наши дни никто из чулупи в деревне уже не является смертным. Они давно уже превратились в десмодов, наглоперов; от деревни осталось немногим большее, чем высушенный некрополь… и его обитатели голодны.

Сир: Леди Лиза Паульманн (мертва)

Клан: Тремере (возможно, антитрибу)

Натура: Одиночка

Маска: Опекун

Поколение:9

Становление:1864

Видимый возраст: Немногим моложе 40 лет

Физические атрибуты: Сила 2, Ловкость 2, Выносливость 2

Социальные атрибуты: Харизма 3, Манипулирование 3, Внешность 2

Ментальные атрибуты: Восприятие 5, Интеллект 2, Сообразительность 2

Таланты: Бдительность 4, Внимательность 1, Эмпатия 2, Уловки 3

Навыки: Этикет 3, Актерское мастерство 1, Маскировка 3

Познания: Академические предметы 2, Расследование (научные исследования) 2, Медицина 1, Оккультизм 1, Наука (устаревшая теория евгеники) 2

Дисциплины: Прорицание 2, Доминирование 2, Тауматургия (Путь Крови) 1

Тауматургические ритуалы: Связаться с Родным Сиром, Отклонение Деревянной Погибели, Привлечение Сосуда Передачи, Проснуться с Вечерней Свежестью

Дополнения: Контакты 1, Стадо 2, Слуги 2

Добродетели: Сознательность 1, Самоконтроль 2, Храбрость 2

Мораль: Человечность 4

Сила воли:2

Запас крови/максимальная трата крови в ход: 14/2

Облик: Леди Виллоуби была лишена возможности нормально обжиться в современном обществе. Ее статичность нежити особенно проявляется в ее гардеробе – Маргарет одевается по последней моде викторианской эпохи, когда отправляется покормиться или когда намеривается развлечь беседой ее соперника и доверенное лицо, Малкавианина из Черной Руки. Хотя на самом деле у нее нет особого выбора, так как единственной доступной ей одеждой является та, с которой ее погребли в библиотеке Понтифика Шабаша. Ее Становление произошло в холодном декабре, и на ее лице навечно сохранилась печать зимы, особо выделяющаяся среди тропического загара жителей – и Сородичей – Бразилии. Руки у Маргарет маленькие и изящные, почти всегда скрытые камчатыми перчатками, а ее длинные волосы должным образом уложены в стиле «волн Марселя».

Советы по отыгрышу: Вы – буря на море, медленно набираете силу, но когда ваша ярость разгорелась полностью – зрелище вашего гнева ужасно, ибо вы столь долгое время были заперты вдали от любого общества, если глуповатых

слуг и агента какого-то культа убийц с его расколотым разумом. И горе тем Сородичам, особенно ненасытному Шабашу, которые считают вашим уделом робость или самоуверенность. Будучи прикованной к темному и пугающему логову, вы превратились в львицу этой территории. Если вам когда-либо удастся сбежать, скорее всего, вас повергнут в шок все те изменения, которые произошли в мире с тех пор, как вы были от него отрезаны. Все будет казаться достаточно знакомым для того, чтобы внести беспокойство в ваш давно атрофировавшийся разум, но достаточно пугающим в своих отличиях, чтобы вогнать вас в буйство от страха или даже еще похуже.

Убежище: Библиотека потерянного отступника в Сан-Пауло является чудом, но незаконченным чудом, а отсутствие у леди Виллоуби практических навыков в области Тауматургии превращают ее в позолоченную клетку. Или, лучше сказать, превратили бы, если бы у нее были хоть какие-нибудь амбиции в области магии крови. Вместо этого она скитается среди обширных рядов полок, словно ревенант, будучи привязанной к библиотеке уже не ритуалом, а извращенным чувством безопасности, которую Маргарет находит в соблазнительно хорошо знакомых интерьерах. Ее память с точностью сохранила местонахождение каждой книги и свитка, но не их содержание. Так как смертные слуги, присматривающие за библиотекой, уже начали покидать этот мир, она устроила в их память что-то вроде алтаря в ранее неиспользованном алькове хранилища. Там она выставляет их отрезанные головы и иногда общается с ними в форме диалогов, подражающих монологам, дословно

повторяя фразы, что слетали с губ ее слуг, когда те еще были живы.

Психоз: С учетом ограниченных контактов и немногочисленных возможностей для нормального общения леди Маргарет Виллоуби подвержена патологическим приступам истерии, и именно в этом состоянии она срывает головы с плеч своих обожаемых? – нет, все же это не то слово – смертных приспешников, когда те наконец сдаются на милость старости, а она начинает скорбеть. На самом же деле, очевидно, леди Виллоуби страдает от ужасного обострения психопатологии, напоминающей стокгольмский синдром. С учетом комбинации этой патологии, ее истерик, и бесконечного однообразия проживания в освещенном свечами «некрополе печатного слова», общество леди Виллоуби можно считать весьма опасным и не слишком-то благотворным.

Мэйсю: Принцесса Чёрный Дракон

(стр. 47-52, переводчик: Тахиил)

Сородичи давно старались лучше понять своих «двоюродных братьев» с Дальнего Востока, так называемых Катаян. Эти таинственные вампиры представляют собой как угрозу, так и препятствие для Сородичей, немногие из которых пытаются закрепиться в Азии, остальные же стараются не допустить подобных достижений Катаян в доменах Запада. С этой целью, Камарилья, в частности, старалась наладить дипломатические отношения со своими родственниками куай-цзинь; в большинстве своём осторожным приветствием определённых Восточных Сородичей в своих доменах в качестве своего рода эмиссаров, у которых они могут по крупицам собирать информацию и, возможно, сформировать влияние, до некоторой значительной степени.

Намного реже западный Сородич в самом деле поедет в Китай, Японию или другой домен Катаян, чтобы напрямую контактировать с местной нежитью, будь то по какой-то дипломатической функции или по более личным причинам. При всей своей бдительности насчёт посторонних, они дети малые в сравнении с недоверчивыми Катаянами, с позиций ксенофобии защищающими свою территорию. Даже Сородичи, приглашённые в качестве гостей, обычно ограничены сроком, до которого они должны уехать, чтобы не «отвлекать» Восточных вампиров. Во время пребывания они часто мирятся с тщательным изучением хозяевами, и им строго запрещено любое поведение, которое может нарушить

сложные обычаи, которыми управляется сообщество куай-цзинь. Особенно это касается создания гулей из Азиатских смертных. Однако ничто так не запрещается, как Становление представителю своего народа. Истории, которые повествуют о наказаниях за такое преступление, столь же отвратительны, сколь поучительны. Следовательно, немногие признанные Сородичи Запада обзавелись сиром в доменах Катаян.

Одна из таких редкостей имеет убежище в Вашингтоне, округ Колумбия. Наиболее примечательно то, что она совершенно не осведомлена об уникальности своего Становления. С тех пор как её похитили из числа живых, она убедилась, что не похожа на других созданий ночи, крадущихся по столице нации в поисках крови. За более чем два десятилетия она поверила, что является одной из Катаян, одной из Десяти Тысяч Бессмертных, и что её долг или карма – низложить тех Катаян, которые одержимы демонами Дию, Китайского Ада. Она стремится стать достаточно сильной как лично, так и посредством тех, кем может командовать, чтобы свергнуть Коммунистическую Партию Китая (КПК) которую она считает инструментом этих одержимых бессмертных, и таким образом открыть врата Рая, которые в ином случае будут навеки закрыты для неё.

Мэйсю училась на последнем курсе Китайского университета политики и права (КУПП) в Пекине в 1989 году. Её отец получал средней руки жалование у производителя автомобилей, человеком, которым она гордилась, хоть он и редко появлялся, предпочитая проводить большую часть времени с любовницей и бутылкой, а не дома с болезной

женой и смышлёным ребёнком. У Мэйсю было обычное детство, хотя успехи в школе дали ей перспективу успешного будущего. Однако, по мере её превращения в женщину её родители посчитали, что новообретённая красота была даром, которому нельзя дать пропасть втуне, и они попытались выдать её замуж за племянника начальника её отца. Она отказалась от предложения в ярости от того, что даже мать позволила использовать её таким способом, и искала способ избежать такой судьбы.

Чэнь Чжаосин был профессором правоведения КУПП, с которым Мэйсю была знакома по посещению нескольких общедоступных университетских семинаров. Она восхищалась его обаянием, даже если не соглашалась с его политическими взглядами. Чжаосин был убеждённым сторонником Ху Яобана, бывшего генерального секретаря Коммунистической Партии, известного длительной прореформистской политикой, которая в конечном счёте привела к его смещению и дурному отношению режима. Иронично, но именно её красота привлекла его внимание, которое позднее сменилось полным патронажем. Чжаосин, очарованный девушкой, использовал своё влияние, чтобы она поступила в университет. Учитывая плохое состояние экономики и слабые перспективы для выпускников, отец разрешил ей учёбу, уверенный в том, что по завершении неё из дочери получится ещё лучшая невеста.

Она проявила себя как достойный студент, но учёба занимала второе место по сравнению с другими, намного более насущными делами. Мэйсю впуталась во всё более резкое студенческое движение, требовавшее конца

правительственному блату и коррупции, а также решения проблем загнивающей экономики, подгоняемая любовником и наставником Чжаосином. Она вступала в разные студенческие организации и носила плакаты на многих митингах под влиянием эмоций того времени.

Когда Ху Яобан умер от сердечного приступа 15 апреля 1989 года, Мэйсю стояла лагерем на лужайке перед университетом со многими тысячами других студентов, поющих дифирамбы Ху и требующих от КПК официально отказаться от своей критики его политического достояния. Она шагала с толпой на площадь Тяньаньмэнь вместе бок о бок с толпами из Пекинского университета и университета Цинхуа и помогала возлагать импровизированные венки двумя днями позднее, чтобы помянуть вклад Ху в реформу и либерализацию. После того как их оттеснили с площади, Мэйсю и тысячи других пришли назад той ночью и составили серию требований к правительству о публичном признании необходимости реформ.

То, что началось как протест против унижения достоинства дорогого либерального политика, за следующие семь недель переросло в международную трагедию, которая навсегда изменила нацию, породив волны революционного движения, заменяющие друг друга много раз, пока их, наконец, не подавили. Студенческие собрания объявляли бойкоты и забастовки, и, воспалённые страстью и страхом того, что их проигнорируют, вспыхнули открытым мародёрством и хаосом. Правительство пыталось установить диалог со студентами, хотя и не собиралось уступать требованиям молодёжи.

Печально известная передовица Ежедневной Народной газеты (контролируемой коммунистами) 26 апреля изображала студентов предателями, планировавшими государственный переворот, внесла ещё больше неразберихи. Откликнулось более 100 000 студентов, к которым присоединились фабричные рабочие и другие, видевшие в низ истинных патриотов, и все вместе они прошли по Пекину. Даже когда правительство пыталось удовлетворить хотя бы часть требований протестующих, ситуация ухудшалась. На площади Тяньаньмэнь организовывались голодовки с целью скомпрометировать руководство Коммунистической Партии накануне исторического визита советского лидера Михаила Горбачёва.

20 марта китайское правительство объявило военное положение, и в первых числах июня военные, в конце концов, двинулись танками и солдатами, чтобы силой очистить площадь Тяньаньмэнь от десятков тысяч расположенных лагерем протестующих, которые обосновались там больше чем на месяц. Даже после расчистки ужасное насилие вылилось на близлежащие районы, и тысячи людей с обеих сторон были ранены или убиты в боях. Когда всё закончилось, мир ужаснулся жестокости и ответил бурным осуждением и санкциями.

Лидеры коммунистов старались сгладить события и дистанциироваться от наихудшего насилия, но в основном они пытались заставить молчать или арестовать любого, кто мог бы посметь возродить такие протесты.

Для Мэйсю эти семь недель были ещё более преобразующими.

За несколько месяцев до бойни на площади Тяньаньмэнь малкавиан по имени Колин МакАллистер прибыл в Пекин из Гонконга, где он формировал сеть влияния больше года как представитель финансовых интересов его сира. В феврале он почувствовал непреодолимую потребность посетить Запретный Город в Пекине, убеждённый, что там было что-то или кто-то, кого ему нужно было найти, хотя он и не был уверен зачем. По прибытии он предстал перед Катаянами столицы империи, был формально принят, но к нему приставили соглядатая на время его пребывания. Когда протесты впервые разразились в апреле, сопровождающий Колина ограничил его передвижения, не допуская его к университетам и площади Тяньаньмэнь, обеспечивая, чтобы малкавиан не был самоличным свидетелем того, что потенциально могло стать культурным скандалом.

Но любопытство и убеждённость Колина в том, что ему нужно попасть в Запретный Город убедили его проигнорировать предупреждения и избежать сопровождения своего соглядатая. При случайном отвлечении внимания на яростные протесты ему удалось ускользнуть в имперский дворец и найти вещь, которую ему было уготовано найти – реликвию из древней кости, испещрённую надписями, имевшими почти гипнотическое воздействие на восхищённого Сородича. Он скрылся с артефактом и сбежал с остальными мародёрами в ночь, избегая поимки своим отчаявшимся сопровождающим тем, чтобы прятаться среди студентов. Когда в него попали из автомата, Зверь вырвался, и он скользнул в кровожадное,

гневное бешенство, которое закончилось почти на рассвете, когда он понял, что алый гнев понемногу стихает.

У него на руках была красивая, молодая Мэйсю, тоже с ранами от стрельбы, лёгкая добыча для буйствующего малкавиана среди кошмарного хаоса на залитой кровью авеню Чан’ань. Поскольку к нему вернулось некое подобие контроля, Колина переполнил ужас того, что он натворил, а также страх того, что случится, если Катаяны его найдут. Не раздумывая более, он Становил девушку во всё более обречённой надежде спасти её, затем он притащил её в безопасное место – развалины уничтоженного магазина, пока он искал более безопасное убежище подальше от места преступления.

Мэйсю пробудилась к существованию по-новому, совершенно не зная, как это произошло. Единственной вещью, которая связывала её с сиром, был артефакт, который он украл из Запретного Города, так как он оставил ей артефакт из чувства вины, которое овладело им в последний момент перед тем, как её покинуть. Больше месяца она привыкала к – кем она была? Хищником? Паразитом? – хотя это и отнимало всю без остатка хитрость, силу воли и духовные усилия. Когда, наконец, её поймали Катаяны и привели к старейшему, Ча’ан Ли, Мэйсю сначала тщательно допросили о её происхождении, а после подвергли серии изуверских допросов – как физических, так и сверхъестественных. Так как она была неспособна что-либо выдать, её объявили внебрачным ребёнком какого-то незваного гостя *лаовай*, и приговорена к уничтожению.

Скорее по политическим причинам, нежели из интереса к запуганному малкавиану этот приговор был «нивелирован покупкой», и вместо того, чтобы убить, её доставили Мартино делла Пассаглиа из клана Джованни. Он знал, что она осведомлена о местонахождении Кости Пророчества – артефакта, который сир оставил с ней, и который имел огромную важность для некроманта. Под его защитой она достала его из тайника. Более не заинтересованный в ней и не желающий нести ответственность за неё, особенно с учётом суровых перепадов настроения, которые мучили её и представляли регулярную угрозу для его домена, он послал её в Америку в 1993 году, чтобы расплатиться с долгом Чесу Вояджеру, влиятельному тореадору из Вашингтона, округ Колумбия, с которым он поддерживал существенные финансовые отношения.

Чес был членом Примогената и одним из наиболее влиятельных гарпий в домене Вашингтон, округ Колумбия. Он был в экстазе, когда получил свой «подарок» от делла Пассаглии, в особенности оттого, что он не мог определить истинную природу Мэйсю. То немногое, что юное создание знало о собственном роде, только затрудняло вычленение хоть какой-то правды, так как она заполнила множество огромных пробелов в происхождении её Сородичей своими собственными надуманными и довольно эгоцентричными объяснениями её состояния, из того, в чём её не опроверг попечитель-Джованни. её ответы на множество вопросов, которые задавали ей Сородичи домена, сделали её фавориткой состоятельных Проклятых, даже если её

рассматривали скорее в качестве развлечения, чем как равную.

Как и всегда, восхищение Мэйсю на элизиуме испарилось, и с той же скоростью утратил пыл примоген Тореадор. Её формально отпустили, и принц Маркус Витель даже признал за ней маленький домен рядом с территорией Университета имени Джорджа Вашингтона в надежде, что когда-нибудь она ему пригодится. С учётом демографии города, он надеется, что это даже может привести к некоему соглашению с влиятельным катаянским дипломатом.

Будучи отпущенной, Мэйсю соорудила собственную космологию, объяснявшую её состояние, основываясь на легенде, которую она собрала по кусочкам своим расстроенным рассудком. В первую очередь, она была уверена, что не являлась одной из Сородичей Запада, особенно этих гиблых малкавиан. Нет, она была Катаян, по крайней мере, как она их себе представляла, да и к тому же не простой Катаян. Она начала определять себя как Хэй Лун Гунчжу, или Принцесса Чёрный Дракон, титул, к которому она устремилась на основе своих фрагментарных воспоминаний о китайской легенде. Она верила, что ей уготовано однажды победить «принцев-демонов», тех Катаян, которые на тот момент правили её родиной и были одержимы демонами из нечистого мира Дийю.

Она считала состояние своего вампиризма, как и вампиризма всех остальных Катаян, просто наказанием за прегрешения против морали при жизни. Только выровняв карму она могла вернуться в предыдущее состояние, а для достижения этого ей нужно было бы стать образцом

аскетичной морали. Однако, её собственное спасение подождёт до уничтожения принцев-демонов, ибо только как одна из Десяти Тысяч Бессмертных она имеет шанс победить столь могучих врагов. А для этого ей сперва нужно очень увеличить свою собственную мощь.

Неправильное исследование Мэйсю привело её к выводу, что этого она добьётся, добыв Бай Цзе Ту, легендарный гримуар за авторством никого иного, как божественного Жёлтого Императора; гримуара, который содержал тайны всех 11520 типов сверхъестественных созданий. С этой книгой в руках она будет знать все силы и слабости её врагов, и с этой мудростью будет неостановима. Конечно, сперва ей придётся найти священный свиток, но она уверена, что нашла способ выполнить и эту задачу. Кость Пророчества, которую её сир оставил ей, и которую забрал Джованни, была не единственной, которую она изучила. Пусть они очень редки, но археологи обнаружили несколько подобных артефактов за много лет. Эксперты утверждают, что надписи на этих иссохших костях и черепашьих панцирях – старая запись на языке, который был в ходу во времена династии Шан. Её исследования привели к убеждению, что Бай Цзе Ту записана на одной или более Кости Пророчества. Таким образом, она сосредоточилась на добыче и расшифровке стольких из них, скольких могла, пока не найдёт скрытое место, где покоится таинственный свиток Бай Цзе Ту.

За сравнительно короткое время Принцесса Чёрный Дракон приобрела заметную степень влияния на свой неродной город, большую часть которого она использует для помощи ей напрямую добыть больше Костей Пророчества и

их расшифровки. Как можно было ожидать, она сперва искала поддержки местной китайской общины, главным образом умасливая помочь студентов и других, которые посчитали бы её равной.

Некоторым протестантам Тяньаньмэнь удалось сбежать из Китая после восстания, и более, чем немного проложили себе путь в Вашингтон, округ Колумбия, и в его университеты. В Университете имени Джорджа Вашингтона хвастались несколькими такими, и Мэйсю первыми проверила их на предмет помощи в её задании. Она также расширила своё влияние от студентов до большего китайского сообщества, даже на дипломатический корпус, используя свои привлекательные физические качества наравне со сверхъестественными дарами, чтобы переделать их под её способ мышления.

Её самая большая ценность произошла от её участия в движении Фалунь Гун, которое основал Ли Хунчжи в Чанчуне в 1992 году. Это физическое, моральное и духовное учение взяло за основу цигун и стало популярным в середине 1990-х годов, но постепенно Китайская Коммунистическая Партия стала рассматривать его как угрозу обществу и правительству. Жёсткая кампания по клеймлению Фалунь Гун как ересь, нацеленная на то, чтобы сбросить правительство, проложила путь массовым протестам в 1999 году, которые были почти столь же впечатляющи, как закончившиеся бойней на площади Тяньаньмэнь. При том, что Ли Хунчжи перебрался в Нью-Йорк, протесты потерпели фиаско, многих участников посадили в тюрьму, или сделали

ещё хуже, крыло активистов движения передислоцировалось за пределы Китая.

Мэйсю помогает Фалунь Гуну в Вашингтоне, округ Колумбия, направляя ресурсы местной организации движения, Ассоциации Фалунь Дафа. Избранная группа членов принадлежит к Слезам Чёрного Дракона, культу гулей, созданному Мэйсю, основная цель которого – служить ей как стадо. Его члены верят, что она в самом деле Принцесса Чёрный Дракон, и, не имея полного её природы или целей, они достаточно обработаны её заблуждением, чтобы быть мотивированными и полезными инструментами. Каждый день эта группа и организация побольше имеют своих агентов на Национальной аллее и переел Белым Домом, раздавая листовки и собирая мелкие митинги в надежде окончательно завоевать американскую поддержку в этом деле, хотя ищут некоторые среди них больше сосудов для утоления нескончаемой жажды Принцессы Чёрный Дракон.

Ча’ан-Ли и его Кровавый Двор поначалу не обращал никакого внимания на слухи о ещё одной их рода в столице Соединённых Штатов. Однако за последнее десятилетие они узнали больше, что убедило их в том, что некий вампир в Вашингтоне, округ Колумбия, активно поддерживает Фалунь Гуна, и, таким образом, должен быть против их более широких интересов. Они слышали имя Хэй Лун Гунчжу, и, пока они не понимают, стоит ли её бояться, они беспокоятся. Больше всего они боятся влияния, которое Принцесса Чёрный Дракон может оказать на их слуг в Вашингтоне и других местах на Западе. Чтобы открыть правду, они

внедрили смертных агентов в китайское сообщество Вашингтона в поисках информации о загадочном вампире. Кровавый Двор попытался исследовать, в частности, Фалунь Гун и его различные совместные организации, включая офис официальной западной газеты в округе Колумбия, основанную в Нью-Йорке «Времена Эпохи» (TheEpochTimes). Очень недавно Квинтет послал своих расследовать, обеспокоенный тем, что пока что они ничего конкретного не добились; и это в век, когда цензурировать всё труднее и труднее.

Некоторые Сородичи округа Колумбия относятся к Мэйсю с неутихающим интересом, хотя, в основном, не рассматривают её как конкретную угрозу. Хоть её статус диковинки давно исчез, она всё ещё имеет некую степень восхищения и уважения ввиду таинственности её сущности, особенно среди политических неудачников домена. Некоторые Сородичи города пытались донести до неё её происхождение примечательным действом трёх малкавиан, довольно буквально называвших имя её сира и обстоятельства её Становления, но природа демонстрации вкупе с репутацией участников только более запутало всё дело.

Сейчас Мэйсю реже появляется на элизиуме; в особенности потому, что ей стало известно, что Катаяны, похоже, двинули свои силы на неё и её интересы. Предпринимая поиски Костей Пророчества всё дальше от Вашингтона, она надеется выстроить сильные союзы с Сородичами других доменов и, таким образом, привлечь больше союзников для защиты её от таких угроз, если они

станут серьёзны. Однако её биполярное состояние эти вылазки в другие домены затруднительными, и они более, чем однажды мешали её целям, волнение принцев и епископов о её стабильности и дальнейшие предположения о том чём-то, к чему она действительно причастна, могло пробудить гнев некоего таинственного мстителя. Всё равно, её сеть контактов простирается намного дальше, чем известно Сородичам или противникам Катаянам, включая связь с Тремером из нового Орлеана по имени Элеонора Лабонте (EleonoreLabonte), чьими познаниями она пользуется в вопросах сверхъестественной эзотерики.

К чести своей, Мэйсю чувствует, что здорово продвинулась в деле Костей Пророчества. Она держит пять этих артефактов в специальном помещении в своём убежище в округе Колумбия и держит ещё два в поле зрения. Один на данный момент находится в общественном музее, а другой -- в частной коллекции известного смертного плутократа. Её попытки перевести тысячелетние вырезанные надписи, однако, были намного менее успешны. Три раза она дорого заплатила за консультации сомнительных «экспертов», которые, по её предположению, открыли бы её желанную добычу на основе её лучшей работы переводчика, и четыре раза ей не удавалось обнаружить мифический Бай Цзе Ту. Но эти неудачи её не отпугивают. Напротив, с каждой ночью заблуждения Мэйсю всё сильнее и она всё больше побуждается следовать своей судьбе как Принцесса Чёрный Дракон, наследница Жёлтого императора.

Сир: Колин МакАллистер

Клан: Малкавиан

Натура: Фанатик

Маска: Загадка

Поколение: 10-е

Становление: 1989

Видимый возраст: 20 с небольшим.

Атрибуты –

Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 3

Социальные: Харизма 4, Манипулирование 3, Внешность 5

Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 3, Сообразительность 2

Таланты: Осведомлённость 1, Запугивание 2, Хитрость 3

Навыки: Этикет 1, Скрытность 3

Познания: Академические 2, Компьютер 1, Законы 1, Оккультизм 2, Политика 2, Экспертные Знания (китайская мифология) 4

Дисциплины: Прорицание 3, Помешательство 4, Затемнение 3

Ритуалы некромантии: Прозрение, Камень Знания. Формально Мэйсю не имеет познаний в дисциплине Некромантия, собрав по кусочкам то немногое, что она знает от скрытого наблюдения за своим «патроном» делла Пассаглиа. Сложность этих ритуалов для неё всегда равна 10 и требует траты пункта Силы воли, чтобы иметь хоть какие-то шансы сработать. Тем не менее, *что-то* время от времени оказывает ей поддержку в некромантии, несмотря на то, что ей не понятны принципы Чёрного Искусства…

Дополнения: Контакты 4, Домен 3, Слава 1, Стадо 3, Ресурсы 3, Слуги 1, Статус 1

Психозы: биполярное расстройство (клановая слабость), Заблуждения

Добродетели: Сознательность 5, Самоконтроль 3, Мужество 2

Принципы морали: Человечность 6

Сила воли: 5

Запас крови/максимум в ход: 13/1

Имидж: Мэйсю появляется в качестве китайской студентки магистратуры и обычно одевается таким образом, который соответствует этому предположению. Волосы она обычно собирает в длинный хвост и носит очки, чтобы придать дополнительный вес своим словам. Она среднего роста, но высокие каблуки и командное поведение создают впечатление, что она выше, чем на самом деле. Среди Сородичей она часто прибегает к неприятному стереотипу загадочного азиатского вампира с длинных украшенных шёлковыми узорами одеждах и со сложными причёсками.

Намёки по отыгрышу: в качестве Принцессы Чёрный Дракон вы придерживаетесь особого кодекса чести, который ценит правду, правосудие и строгую моральность превыше чего-либо ещё. В то же время вы не остановитесь почти ни перед чем, чтобы добыть вещи, которые нужны вам, чтобы выполнить своё предназначение. Вы издеваетесь над своей таинственной природой и неумирающей красотой юности для приобретения любого влияния, но вы носите их как оружие, когда это оправданно. Сородичи недостойны вас, но вы

будете их терпеть, пока не придёт время показать вашу истинную природу им и вашим истинным врагам.

Убежище: убежище Мэйсю – это четырёхэтажный таунхаус в сердце Госдепартамента рядом с территорией Университета имени Джорджа Вашингтона. Интерьер обставлен как маленький частный музей, с вазами, артефактами, произведениями искусства и украшениями повсюду, некоторые из которых – репродукции. Верхний этаж – её частное помещение и содержит большой стенной шкаф, который она укрепила так, чтобы он защитил самые ценные для неё вещи, включая Кости Пророчества.

Влияние: Мэйсю достаточно хорошо сработала с Фалунь Гуном и прислужниками-студентами. Она также подкапывается под китайских дипломатов; обычно через их потомков, которые охотно верят сказкам о Принцессе Чёрный Дракон. Мэйсю знает, что её время в округе Колумбия, вероятно, ограничено, однако она ищет, как «побить Сородичей на их собственном поле», выстраивая баланс предварительных услуг и розданных обещаний, которые она ещё не решила, сдержит ли.

Эдгардо Роббиа: Грабитель

(стр. 54-57, переводчик Лианна ап Лиам)

Все началось с одного сицилийского рыбака, которому надоело быть австрийцем.

В течение столетий Сицилией правили различные империи. До 1713 года город находился во владении Испанской империи, но по Утрехтскому миру Сицилия перешла под власть Савойской династии. Именно в период правления савойцев и родился Эдгардо Роббиа, старший из двух братьев в семье. Отец Эдгардо был рыбаком, ужасно гордящимся своей сицилийской кровью. В 1720 году Эдгардо возвращался на рыбацкую пристань со своим отцом, и помогал тому швартовать их лодку, когда подбежал сосед и сообщил новость: Сицилию передали австрийскому императору Карлу VI Габсбургу. Теперь они все были австрийцами.

Отец Эдгардо был в ярости. Он отпускал высокомерные реплики о том, что он «истинный сицилиец», и брал втридорога с австрийских торговцев и купцов. Когда Эдгардо было 14 лет, его отец, наконец, сорвался и ударил австрийца, который пытался заплатить ему на несколько монет меньше согласованной цены. Мужчина упал, ударился головой о ближайший камень и умер на месте – а испуганный рыбак убежал.

Эдгардо больше не суждено было увидеть своего отца. Теперь он был кормильцем семьи.

С годами Эдгардо становился все более мрачным. Он часто отпускал ядовитые реплики о том, что его отец был

трусом и бросил свою семью на произвол судьбы. Он лез в драки со всеми, кто придерживался какой-либо националистической позиции, совершенно не имея понятия об иронии такой ситуации. Его мать и младший брат страдали от его острого языка, и все чаще страдали от его рукоприкладства. Они начали бояться Эдгардо, который при этом все время заявлял, что защищает их.

Дела приняли плохой оборот в 1734 году, когда Сицилию снова завоевали – на этот раз король Испании Карл III. Король из династии Бурбонов отбыл в Неаполь, чтобы забрать свой приз, но австрийские войска в его тылу все еще пытались сражаться с его армией. Брат Эдгардо рыбачил близ островов у побережья Сицилии, когда он заметил, как флот герцога Монтемара приближается к острову, около которого он забросил сети. Рыбак пытался убраться с линии огня, но его лодка застряла там, где была привязана, и при этом была слишком ценной, чтобы ее просто так бросить. Австрийский гарнизон на острове вступил в сражение с войсками Монтемара, и брат Эдгардо погиб от шального ядра в перестрелке. Мать Эдгардо была безутешна и спустя несколько дней свела счеты с жизнью, бросившись с обрыва.

Эдгардо наконец все это надоело. Он выступал и против Австрии, и против Испании, и требовал независимости Сицилии от любых иностранных государств. В одну ночь в 1736 году после долгой вечерней пьянки Эдгардо орал на местной площади, во весь голос проклиная и оскорбляя Карла III. Несколько солдат из армии Бурбонов, которым надоело слышать оскорбления в адрес своего короля, утащили мужчину в темную аллею. Один из них караулил,

пока другой достал шпагу и приставил ее к горлу Эдгардо. Эдгардо просто плюнул ему в лицо, проявляя демонстративное неповиновение перед лицом собственной смерти.

И тут дозорный закричал. Напавший на Эдгардо солдат повернулся и увидел, что над ним стояла хорошо одетая женщина с каштановыми волосами. Шарф, не по сезону теплый для этого времени года, соскользнул с ее лица, открывая вывернутую челюсть и неровные шрамы на нижней половине лица – а еще ее клыки. Эдгардо с изумлением смотрел, как напавший на него испанский солдат умер, сраженный ударами женщины со шрамами, нанесенными с нечеловеческой силой и скоростью. К ногам Эдгардо натекла лужа крови, а женщина предложила ему руку, чтобы помочь подняться. «Меня зовут Катерина», - сказала она со странным акцентом,- «и я знаю, каково это – быть беспомощной». Она дала ему шанс получить силу и принести в мир реальные перемены, и молодой сицилиец согласился. В ту ночь Эдгардо умер.

За следующие несколько ночей женщина со шрамами рассказала Эдгардо о вампирах, клане Бруха и древнем Карфагене. Она наблюдала, как Эдгардо страстно выступал против завоевательной политики империй, пусть в краткосрочной перспективе и ведущей к экономическому процветанию завоеванных регионов, и это чувство оказалось сродни ее внутренней ненависти к знати.

Однако, пока Катерина тренировала и обучала Эдгардо, она поняла, что то, что она приняла за политическую ненависть к сильным мира сего, на деле оказалось глубоко

засевшим в душу личным гневом. Она думала, что встретила мудрого человека, но на деле он был просто зол на себя и своего отца, а кровь Бруха сделала только хуже. С годами отношения Сира и Дитяти становились все более и более проблемными, и в начале XIX века Катерина прекратила оказывать свое покровительство Эдгардо, а их пути разошлись.

Годами Эдгардо пытался не лезть в политику смертных и Сородичей. Он видел, куда это все приводит, и помпезность Вентру так же действовала ему на нервы, как и чванливость смертной знати. Так что Эдгардо не высовывал голову, и подрабатывал наемником, работая как на смертных, так и на Сородичей. К 30-м годам XIX века, однако, он начал уделять все больше внимания деятельности движения «Молодая Италия», возглавляемого Джузеппе Мадзини. Это движение выступало за освобождение и объединение всей Италии. Пламя, которое тлело в груди Эдгардо почти век, снова разгорелось. Вампир пытался убедить себя, что участие в движении «Молодая Италия» являлось всего лишь легким источником крови и шансом создать собственное стадо, но его все больше зачаровывала перспектива наконец-то не быть подданным заморской империи. В первый раз за свое существование Эдгардо мог по-настоящему почувствовать себя итальянцем.

Он выступал тихим сторонником движения, дергая по мелочи за ниточки то тут, то там. Вампир узнал о Джузеппе Гарибальди, которого изгнали из Италии после провалившейся попытки свергнуть действующее правительство, и следил за его деятельностью в Южной

Америке. Гарибальди носил красную рубашку южноамериканских гаучо, и его яркий, почти театральный имидж пришелся по нраву как итальянским повстанцам, так и Эдгардо. К 1848 году восстание вспыхнуло по всей Италии, а Гарибальди вернулся домой, чтобы возглавить борьбу.

Эдгардо, который к тому времени уже долгое время поддерживал борьбу против королевской власти, организовал встречу с Гарибальди. Он убеждал себя, что хочет дать Становление Гарибальди, разрушить его идеализм так же, как его собственный идеализм был разрушен, показать смертному лидеру, что его борьба и ярость истлеют и погибнут под весом империи. Вместо этого Эдгардо встретил честного, страстного человека, который искренне верил, что социализм поможет страдающим королевствам его родины. Он не был ожесточенным и разгневанным, как Эдгардо, а был честным и преданным своей идее. Эдгардо понял, что Гарибальди был именно таким человеком, за какого его самого поначалу приняла Катерина, и устыдился собственных желаний. Вместо того чтобы дать Становление Гарибальди, Эдгардо надел красную рубашку и сражался на стороне гарибальдистов много лет, ведя войну во мраке ночи за объединение и независимость Италии.

С годами, однако, социалистические идеи Гарибальди превратились в фашистские. Он дошел до того, что провозгласил себя диктатором, захватив Неаполь в 1860 году. Когда Эдгардо увидел эти перемены, его запал угас. Его первое впечатление оказалось верным – все страстные идеи в итоге порабощаются империями в том или ином виде. Когда Италия, наконец, объединилась, Эдгардо было уже все равно.

Наступила Великая Война и Эдгардо «обрабатывал» одну группировку за другой, сосредоточившись на возможности нажиться на каждой идеологии или битве. Он отточил свои националистические речи, подражая их пустым словам, чтобы убедить каждую группировку в том, что он твердо убежден в их правоте. Затем он выжимал из своих жертв деньги и припасы, и шел дальше. Он продавал опыт, познания в тактике, разведывательную информацию, оружие – все, что было нужно бунтарям. Он стал известен как «Роббиа-Грабитель», загадочный бандит с большой дороги среди солдат, сражавшихся по всей Европе.

Война подошла к концу, но Эдгардо не желал конца своего коммерческого предприятия. Он связался с рядом военных организаций, которые действовали в мирное время, и переделал их в группировки, которые он мог «доить», выжимая из них ресурсы. В итоге он вернулся в свою родную Италию, где он связался с фашистским движением Бенито Муссолини. На тот момент Муссолини формировал ополчение, которое он назвал Добровольной милицией национальной безопасности. Эдгардо нравилось, что они носили черные рубашки, а в их рядах приветствовалась та же солидарность и молодцеватость, что и среди «краснорубашечников» Гарибальди. «Чернорубашечники» быстро приобрели известность, а символ рубашек стали использовать и другие группы повстанцев в Британии и Индии. Эдгардо годами выжимал из этой организации кровь и деньги.

Он распространил свое влияние еще дальше, вдохновляя «Синих рубашек» в Ирландии и «коричневых рубашек» в

Германии. Ни одна из этих группировок не была связана друг с другом, и они даже не имели полной информации друг о друге, но это удовлетворяло интересам Эдгардо, так как он «присасывался» к каждой из фашистских или анархистских групп и поставлял им оружие и ресурсы, прежде чем начинать пить из них соки. К тому моменту, когда началась Вторая Мировая Война, Эдгардо смог спокойно перейти к тому, чтобы наживать капитал на войне, что он прекрасно умел делать.

После Второй Мировой Войны в мире осталось не слишком много места для явно фашистских организаций. Эдгардо пытался уйти на покой, взять то, что он неправедно нажил своей кровью, потом и слезами, и начать строить что-то свое. Но годы шли, и Эдгардо осознал, что ему просто не дано остепениться и жить спокойно.

С недавних пор подпольные террористические группировки создали процветающий рынок для тех, кто наживался на войне, но Эдгардо понял, что его интересуют только группы с революционными идеями. В 70-е годы XX века он тесно связался с группой Баадера–Майнхоф. Хотя он говорил себе, что это просто очередная прибыльная операция, просто высасывание соков из очередной группы, Эдгардо знал, что он сам себя обманывал. Ему больше не нужны были деньги, но тихий голос в глубине его сознания или где-то глубоко в его крови нашептывал ему, что он должен поддержать еще одно чье-то правое дело, и отравить еще одно правительство. Большую часть второй половины XX века Эдгардо переходил от одной европейской террористической группы к другой, каждая из которых была

более радикальной, чем предыдущая, хотя он всегда предпочитал борьбу за националистические идеи, а не за религиозные.

После 11 сентября 2001 года репутация продавца оружия террористам стала очень вредной для прибыльного бизнеса. Эдгардо быстро избавился от своих активов, «убрал» несколько ключевых контактов и разорвал все связи с Европой. Он решил перебраться в Нью-Йорк, где он снова наткнулся на свою Сира, которая теперь звала себя Катерина Вейз. Она заметила Эдгардо, что война между Камарильей и Шабашем набирала обороты, а напряжение в отношениях с Анархами также нарастало. Было пора выбрать сторону, выбрать, чье правое дело он хочет отстаивать.

Эдгардо осторожно переговорил как с вампирами из каждой из сект, а также независимыми кланами. Он нашел, что Камарилья слишком уж похожа на тех вельмож, которых он ненавидел в бытность смертным. Шабаш был очень похож на те террористические организации, которых он избегал; радикальная религия не слишком полезна для бизнеса. Анархи были для него слишком уж слабы, в том смысле, что они не были достаточно готовы к тому, чтобы отстаивать свои идеи с оружием в руках, а многие из их концессий до ужаса походили на тот самый имперский бред, который приветствовался Камарильей. Каждая группа, впрочем, оказывала на его давление, чтобы заставить его присоединиться к ним, заставить его выбрать сторону, когда наступит Геенна или война разгорится уже не на шутку.

Эдгардо решил, что он будет делать то, что у него получается лучше всего: возьмет у них всех все, что сможет,

и будет надеяться, что он не станет в очередной раз сторонником одной из их идеологий против своей воли.

Сир: Катерина Вейз

Клан: Бруха

Натура: Фанатик

Маска: Капиталист

Поколение: 8

Становление: 1736

Видимый возраст: Немногим старше 20 лет

Физические атрибуты: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 5 (Встать после нокдауна)

Социальные атрибуты: Харизма 2, Манипулирование 3, Внешность 2

Ментальные атрибуты: Восприятие 3, Интеллект 2, Сообразительность 4

Таланты: Бдительность 3, Драка 2, Запугивание 2, Знание улиц 5, Хитрость (слиться с толпой) 4

Навыки: Вождение 1, Этикет (военные подразделения) 4, Огнестрельное оружие 4, Взлом 2, Фехтование 1, Выживание 2

Познания: Академические предметы 1, Компьютер 2, Финансы (отмывание денег) 4, Правоведение 2, Политика (военные подразделения) 4

Дисциплины: Прорицание 2, Стремительность 3, Доминирование 2, Могущество 3, Присутствие 5

Дополнение: Личина (Эдвин Роджерс) 4, Контакты 5, Ресурсы 4, Слуги (телохранители) 2

Добродетели: Сознательность 2, Самоконтроль 2, Храбрость 4

Мораль: Человечность 4

Сила воли: 6

Запас крови/максимальная трата крови в ход: 15/3

Облик: Эдгардо – невысокий смуглый мужчина. У него тонкие пальцы, но его кулаки огрубели от драк, а ладони покрылись шрамами от бесчисленных часов сражений с рыболовными снастями. У него короткие и темные волосы с простой стрижкой, которая позволяет зачесать или уложить их гелем для придания любой нужной формы. Эдгардо говорит по-английски с сильным акцентом, частично потому, что он владеет английским не настолько хорошо, как романскими языками, а частично потому, что он понял, что изображать из себя иностранца в США полезно, даже если имеешь дело с Сородичами. Он специально тренирует пустое выражение лица, но в темных глазах сицилийца часто вспыхивает пламя.

Когда Эдгардо не занимается активным внедрением в какую-либо группу, он одевается в темные рубашки на пуговицах и слаксы. Он старается выбирать одежду так, чтобы выглядеть одетым со вкусом, но не слишком уж роскошно разодетым. Он пытается создать для себя имидж неформального профессионализма, так, чтобы хорошо и уместно выглядеть везде - от холла дорогого отеля до распутной вечеринки в ночном клубе. Единственной его слабостью являются лодки: Эдгардо часто выбрасывает деньги на новейшие и самые технически совершенные прогулочные яхты, которые только может себе позволить, и использует каждую возможность, чтобы похвастаться ими.

Однако, как только он выбрал группу, которую он решил «поддерживать», он меняется. Эдгардо постепенно изменят свою внешность, чтобы соответствовать идеалам группы, с которой он связался. Он использует идиомы и лозунги, которыми его цели пользуются для самоидентификации, и сознательно подражает языку тела предполагаемых жертв. Он тщательно старается проявлять ровно столько несогласия, чтобы его можно было «убедить», но не слишком много, чтобы не подумали, что его бесполезно пытаться в чем-либо убедить. Небольшая доза Присутствия и Доминирования обычно помогает завершить внедрение Эдгардо в группу. Это все еще узнаваемый Эдгардо, но его новые товарищи полагают, что он страстно верит в их идеалы и правоту их дела.

Советы по отыгрышу: Эдгардо мастерски научился обманывать самого себя. За века он сумел убедить себя, что он не похож на других Бруха. Он считает и идеалистов, и иконоборцев своего клана наивными – а при этом по уши влезает в очередную националистическую борьбу.

Перед тем, как внедрится в группу, он старается выглядеть спокойным и собранным. Его природа Бруха, впрочем, часто берет над ним верх, и он часто становится раздражительным в ходе бурного обсуждения. Сицилийский вампир постоянно злится на себя за свои вспышки гнева, не понимая, что именно эти взрывы страсти часто вдохновляют как раз тех людей, в среду которых он хочет внедриться. Как только он попал в группу, его самообман начинает работать уже в другом направлении: Эдгардо убеждает себя, что притворяется, что вкладывает всего себя в правое дело своих

новых товарищей, но он столь хорошо изображает притворный фанатизм именно потому, что какая-то часть его «я» отнюдь не притворяется. Военные и террористические группы хорошо отточили навык обнаружения внедренных агентов, и успех внедрения Эдгардо зависит именно от этой маленькой искры искренности, а не от тщательно придуманной лжи и вампирских Дисциплин.

Результатом этого является то, что Эдгардо – спонтанный манипулятор, убедивший самого себя, что он является гением интриги. Когда все идет так, как ему хотелось, он собирает картину событий у себя в голове так, что кажется, что он это все заранее спланировал, хотя на деле он часто действует на инстинктах и страсти. Однако, все это относительно. То, что другой старейшина вроде Эдгардо посчитает спонтанно придуманным планом, с точки зрения неоната будет подразумевать месяцы планирования и подготовки. При этом, несмотря на свой возраст и знания, Эдгардо все еще относительный новичок в сложных хитросплетениях Джихада.

Иногда, когда у Эдгардо случается депрессия, он сделал неверный ход или ему просто надо на некоторое время убраться с глаз долой, он берет одну из своих лодок и отправляется на ночную рыбалку. Он почти всегда отпускает свой улов, но его успокаивает сам монотонный неторопливый процесс рыбалки. Если потенциальный клиент или другой Сородич заводят разговор о рыбалке, Эдгардо с изрядным энтузиазмом включается в разговор на эту тему, детально обсуждая новейшие техники и технологические новшества этого спорта.

Убежище: Эдгардо имеет основное убежище, по совместительству – центр деловых операций – в Нью-Йорке. Однако у него есть несколько дополнительных убежищ в ключевых городах Северной Америки, так как он путешествует между ними, ведя дела с различными группами смертных и Сородичей. Также ему принадлежит несколько переделанных на заказ прогулочных яхт по всему США, которые в чрезвычайной ситуации также можно использовать как убежища. Все эти убежища приобретены и зарегистрированы на его личину – Эдвина Роджерса.

Каждое из убежищ Эдгардо спланировано так, чтобы быть удобным, но не роскошным. Эдгардо не зарабатывает деньги только для того, чтобы тратить их на свои пороки (за исключением рыбной ловли). Вместо этого он инвестирует свои средства в безопасность убежища: оружие, укрепленные ставни, системы пожаротушения и смертные телохранители. Регулярно имея дело с фанатиками, Эдгардо понимает, как важно обеспечивать свою безопасность.

Влияние: Влияние Эдгардо сложно понять многим вампирам. С точки зрения Сородичей, Эдгардо соткан из противоречий. Он слишком быстро действует для старейшины, слишком мало интересуется политикой для анциллы и слишком задумчив для неоната. Он не оказывает полной поддержки ни одной из сект, но активно участвует в политике Сородичей, в отличие от большинства Автархов. Однако он является чем-то большим, чем простой наемник или торговец оружием. Эдгардо очень хорошо осведомлен о современной политике смертных, но он застрял в националистическом мировоззрении, в то время как мир

эволюционирует в направлении глобализации. Эдгардо заявляет, что выше «борьбы за правое дело», однако, к примеру, он знает все последние новости о движении «Оккупируй Уолл-Стрит». Проще говоря, Эдгардо просто не вписывается в культурные категории большинства Сородичей.

Несмотря на относительное отсутствие влияния на Джихад, Эдгардо не является неизвестным Сородичем. Он вел дело с большим количеством других Проклятых в Европе, а некоторые из Сородичей, с которыми он сейчас ведет дела в Северной Америке, также являются европейцами, которые перебрались в Новый Свет. Однако он не использовал связь со своим сиром в политических целях. Эдгардо не придавал огласке свои отношения с Катериной, и на данный момент, по-видимому, она тоже не хочет «светиться». Отношения между сиром и его Дитятей в лучшем случае прохладные, и со стороны большинство чужаков видят просто двух старейшин Бруха, у которых иногда имеются общие интересы.

Дастур Анош: Воскресший Серафим

(стр. 59-65, переводчик Adrax)

Фанатики из рядов Черной руки Шабаша до сих пор гадают, где родился мученик Дастур Анош. Его вклад в дело Руки невозможно переоценить. Этот каинит имел такую важность для культа убийц, что после его окончательной смерти была утверждена должность серафима для исполнения тех обязанностей, которыми раньше занимался Анош. Историки Шабаша подчеркивают, что для руководства Рукой потребовалось сразу четверо серафимов – настолько важна была работа Аноша.

Жизнь и становление

Согласно непроверенным источникам в Черной руке, Анош был выходцем из незнатного рода в древней Персии. Своим последователям в то время он являлся исключительно в сопровождении Золотой звезды – мудреца, облаченного в белые одежды и нареченного впоследствии Заратустрой. Некоторые шабашиты современности сомневаются в правдивости этих слухов, но для большинства членов Черной руки это практически догмат веры в историю своего культа.

В то время Анош был одним из многих волхвов из окружения Золотой звезды. Он был не настолько образованным, как некоторые астрологи и волшебники, но с рождения у него были видения. Благородные мудрецы не принимали их всерьез, но один старый писарь, часто посещавший эти собрания, проявил интерес и расспрашивал Аноша о его видениях и об их толковании.

Эти двое стали верными друзьями. Старик записывал каждое видение юного Аноша, и они могли ночами напролет спорить о том, что они означали. Когда Анош рассказал о том, что видел странный камень, сочившийся кровью, и слышал женский плач в ночном ветре пустыни, писаря это не на шутку взволновало. Он тщательно записал все, что Анош смог вспомнить об увиденном камне. Плачущий камень вновь и вновь представал перед юношей в видениях, и с каждым разом Анош видел его все отчетливее.

Писарь настоял на том, чтобы они покинули Заратустру и его окружение. Сперва Анош думал, что они станут странствовать, но писарь дал понять, что они должны найти камень. Испуганный, но взволнованный, юноша путешествовал вместе с писарем больше года. Старик настаивал, чтобы они спали днем, а шли ночью – Анош этого не понимал, но это не обсуждалось. Видения становились все красочнее – странники были все ближе к камню.

Наконец они его нашли. Камень был вкопан глубоко в землю в странной заброшенной лощине, песок в которой был богат железом и в тусклом свете луны казался озером крови. Камень был высок и причудливо изогнут и источал медный запах крови, заставивший писаря вздрогнуть. По поверхности камня бежала струйка крови, веками точившая базальт и прорезавшая для себя дорожку.

Писарь облизал камень, пробуя кровь на вкус. Когда писарь повернулся спиной к камню, его лицо не было лицом человека – то был лик клыкастого зверя, искаженный яростью и горем. В припадке безумия каинит убил юного

провидца, но до наступления рассвета дал ему становление и тем самым вверг Аноша в пучину проклятия.

Бегство из Аламута

Вместе они направились к тайной цитадели Аламут – дому сира юноши. Во время путешествия Анош обнаружил, что у него больше нет видений, зато писарь стал видеть кошмарные сны во время дневной спячки. Они пришли к выводу, что писарь каким-то образом получил пророческий дар, иссушив юношу. Старик при этом настаивал, что к этому причастна «кровь Циллы», однако не отвечал на дальнейшие расспросы до самого прибытия.

В Орлином гнезде Аноша встретили холодно. Оставшись один в темной келье где-то в глубинах крепости, он совершенно потерял чувство времени. Те, кто приносил юноше его порцию крови, уведомили его о том, что сир совершил грех, дав Аношу становление, а за грех придется отвечать.

Наконец Аноша вызвали на допрос, где он честно отвечал, боясь за свою не-жизнь. Их отпустили, а Аношу дали понять, что это заслуга сира, а не его. Эти двое в спешке покинули Аламут.

Во время путешествия сир Аноша рыдал кровавыми слезами и с криком просыпался после дневной спячки. Анош выяснил, что старик видит, как убивают Еноха, Ирада и Циллу. В словах сира слышалась ярость к Третьему поколению и их ужасным злодеяниям.

Когда Дастур спросил, почему они не идут к камню, сир улыбнулся и ответил, что за ними следят. Вампиры в Аламуте

хотели знать, где находится камень, но старик не сказал им этого. Перед рассветом и после заката он обучал Аноша искусству боя, использованию сил крови и наследию не только Хакима, но и других потомков Каина.

Они уходили все дальше от Аламута, но одной из ночей сразу после заката на краю их стоянки показались трое темнокожих вампиров. Трое посланцев из Аламута приказали беглецам возвращаться в Орлиное гнездо, но сир Аноша отказался. В ответ посланцы схватились за мечи, а Анош поспешил спрятаться. То была чудовищная бойня, которую умеют устраивать лишь старые вампиры. В конце битвы на ногах остался только сир Аноша.

Вместе они отправились в Африку, где повстречали многих странных сородичей. Сира Аноша окрестили Плачущим владыкой за то, что тот часто лил кровавые слезы, но при этом был ужасно силен. Африканские вампиры быстро поняли, что лучше не мешать темнокожему старцу и его ученику.

Время шло, и Анош стал замечать, что его сиру становится хуже. Он мог рыдать вечера напролет, полностью отдавшись своим видениям. Плачущий владыка забыл, кем был, и чуть не убил Аноша, когда тот обратился к сиру по имени. Для старика все сложнее становилось возвращаться из мира грез. Неоднократно он впадал при этом в безумие и дал становление немалому числу жертв, заставив Аноша заботиться о птенцах.

Потерянное племя

У Аноша возникала мысль о том, чтобы рискнуть вернуться к своему клану в Аламут, но он понимал, что лучше этого не делать. В один из редких моментов просветления Плачущий владыка назвал себя и свое потомство Потерянным племенем Аламута, которое никогда не отважится вернуться в легендарную цитадель.

Спустя некоторое время они пришли к Плачущему камню. Анош последним из детей Плачущего владыки попробовал кровь из камня. Остальные, отпив из кровавой струйки, погрузились в странные грезы, а Анош впервые со дня своего перерождения вновь погрузился в транс, испытав ужас, обиду и горе от произошедшего с Циллой.

Это видение изменило его. Раньше бормотание и выкрики Плачущего владыки пугали его, теперь же он стал их понимать. Анош осознал, что безумие Плачущего владыки – не проклятие, а дар Каина. Анош решил записывать бессмысленные речи сира, превратив их в целостное учение.

В течение следующих нескольких веков Потерянное племя росло, давая становление и привлекая вампиров со стороны. Спустя некоторое время племя превратилось в секту: Плачущий владыка стал пророком, а Анош – верховным жрецом и толкователем. Потерянное племя основало убежище возле Плачущего камня, став его хранителями.

За эти годы Анош стал лучше понимать себя и осознал, что ему близок свод принципов Пути крови, которому его безуспешно пытался обучить сир. Смешав их с религиозными догматами собственной секты, Анош создал основы того, что позже станет шабашитским Путем Каина. До сих пор

ноддисты всего мира чтут Аноша как одного из основателей этого пути просветления.

Но все когда-нибудь кончается. Потерянному племени стало известно, что разведчики Аламута вновь взяли их след. Племя оставило Плачущий камень, надеясь, что сможет скрыть его местонахождение путем обмана и диверсий.

Они обосновались в Александрии, где странные верования Потерянного племени получили подтверждение. Они нашли доказательства существования Третьего поколения, и это прибавило им фанатичной решимости уничтожить патриархов. Анош рекомендовал не торопиться – несомненное могущество Третьего поколения побуждало к тщательному планированию и наблюдению.

Здесь Потерянное племя обнаружило фрагменты Книги Нод. Прочитанное укрепило их веру и заставило продолжить свои изыскания. Но не успели они разработать план по нахождению и уничтожению кого-либо из патриархов, как бойцы Аламута атаковали их убежище. В яростной битве пали многие из Последнего племени. Аношу удалось тайком вывести нескольких своих собратьев, но Плачущего владыку пленили и забрали в Аламут.

Анош считал, что их сдали александрийские Последователи Сета. С той ночи он возненавидел Сетитов настолько, что это стало частью устава Черной руки. Змеям света очень сложно стать членами Руки – они «все еще близки к мертвому богу».

Скорбящий Анош приказал своим последователям рассеяться, заботясь об их безопасности. Он обещал им, что когда-нибудь призовет их, а до того они должны держать в

тайне свою цель и узнать как можно больше о великих врагах – о Третьем поколении.

В 139 г. до н. э. Анош вернулся к Плачущему камню, подкрепился его кровью и погрузился глубоко под землю, предавшись скорби и впав в торпор.

Возвращение Аноша

Несколько веков спустя Анош вернулся в мир, причем сделал это эффектно. В анналах Аламута говорится о тяжелых временах, когда Ассамиты боролись с переходом молодых членов клана в ислам. В тех летописях сказано о том, что отступник Дастур Анош, дитя Плачущего еретика, был обнаружен в архивах цитадели.

Притворившись недавно обращенным неонатом, он заявил, что искал своего сира, а когда его хотели отвести к повелителям Аламута, Анош смог улизнуть. Анош оказался непревзойденным мастером обмана и убеждения – впоследствии Ассамиты выяснили, что он провел среди них почти год.

Сразу после этого он явился всем своим старым последователям, рассеянным по Европе, Евразии, Ближнему и Среднему Востоку и Северной Африке, внушив им желание путешествовать. Следуя сильнейшему подсознательному желанию, эти каиниты стали подтягиваться к месту, где находился Плачущий камень. Там их встретил сильно изменившийся Дастур Анош.

Когда-то он был спокойным ученым мужем, преданным своему господину и учителю. Теперь это был пламенный бунтарь. К тому времени он уже несколько лет провел в поисках Плачущего владыки и свидетельств истории каинитов. Анош пробудил в своих последователях религиозный экстаз: они устроили вакханалию, пили кровь Плачущего камня, опьянели и впали в религиозный восторг, делясь друг с другом своими видениями.

Спустя 10 ночей, когда луна превратилась в узкий серп в небесах, а последователи Аноша отупели от пресыщения кровью, он перебил треть из них. Когда остальные пришли в себя, он обратился к ним как к верным членам Потерянного племени. По его словам, убитые были предателями, нарушившими его приказ действовать тайно. В его отсутствие они не стали собирать знания о Третьем поколении, а ненависть к убийцам Циллы угасла в их гнусных сердцах. В обмен на богатство и расположение князей и посланцев Аламута они рассказали им все, что знали о Дастуре Аноше.

В знак того, что они оказались достойны пережить устроенную Аношем резню, уцелевшие члены Потерянного племени смешали кровь Плачущего камня с грязью и сделали себе татуировки, изображающие серп луны в ночном небе. Впоследствии такие татуировки стали знаками членства в Черной руке Меча Каина.

У Аноша осталось не более дюжины последователей, которые, обменявшись полученным знанием, вновь разошлись в разные стороны. На протяжении сотен лет они встречались в годовщину очищения племени – такое

название получила зачистка, устроенная Аношем. Бывало такое, что члены племени не приходили, а случалось, что они приводили с собой одного-двух потомков или последователей, чья вера была сильна.

Так Потерянное племя существовало в течение многих поколений до тех пор, пока не произошло покушение на патриарха Ласомбра. Шпионы с Мальты быстро донесли эту весть до остальных членов Потерянного племени. Мнения разделились. Кто-то советовал быть осторожнее и тайно наблюдать за мятежниками, помогая им по мере сил. Другие предлагали саботировать заговор, использовав его в своих целях.

Анош выбрал компромиссный вариант. Потерянное племя не раскрывало себя, но присоединилось к зарождающемуся Шабашу. Вампиры, отмеченные татуировкой с полумесяцем, внедрились в число заговорщиков, притворившись, что не знают друг о друге. Члены Потерянного племени участвовали в нападении на патриарха Ласомбра и в последующем диаблери патриарха Цимисхи.

Черная рука

Когда в творящемся хаосе зародился Шабаш, поправший порядки вампирского общества и совершивший диаблери над двумя патриархами, Потерянное племя приступило к исполнению собственных планов. Назвавшись Черной рукой и заявив о своей верности крестовому походу Шабаша, они стали сражаться на передовой. Закрытый характер их сообщества и татуировки в виде полумесяца быстро сделали

их известными среди новой секты и привели к ним новых рекрутов.

Хотя Анош стал лидером Черной руки, вскоре стало ясно, что властью придется делиться. Могущественные каиниты Шабаша, многие из которых прославились своей отвагой и жаждой насилия, стали членами Руки и отняли у Аноша часть влияния на культ убийц.

К моменту начала колонизации Нового света Анош понял, что Потерянного племени больше нет. То, что было маскировкой, стало новой сутью. Рекруты больше не клялись делить тяготы Потерянного племени, да и знало о нем все меньше и меньше каинитов.

Осознав это, Анош сделал то, о чем члены Потерянного племени даже и подумать не могли – он раскрыл их существование. Собрав руководство Черной руки, включая тех, кого впоследствии сделали серафимами, Анош в присущей ему страстной манере рассказал о происхождении знака черного полумесяца, о своем вкладе в создание Пути Каина, о своем жизненном пути и даже о местонахождении Плачущего камня.

И вновь ораторское искусство Аноша сослужило добрую службу ему и его потомкам. Черная рука возрадовалась своему происхождению, более древнему, чем сам Шабаш. Собравшиеся старейшины попросили отвести их к Плачущему камню, чтобы вкусить слез окаменевшей Циллы – той, за кого им предстояло отомстить. Паломничество к Плачущему камню стало одним из ритуалов Черной руки, а история Потерянного племени – ее историей.

Однако об этом стало известно старейшинам Шабаша, и тайны Черной руки стали достоянием всей секты. Потрясенные таким внедрением в свои ряды, шабашиты посчитали, что их оставили в дураках, хотя Анош предпринял решительную попытку смягчить ущерб, нанесенный гордости старейшин этим открытием.

Тем не менее верность Аноша оказалась под сомнением – о его вероломстве твердили все от прискуса до священника, когда действия Дастура шли наперекор их планам. Анош был спокойным и терпеливым вампиром, но даже его стали раздражать эти назойливые пересуды. Один особо въедливый епископ – Альцай из клана Цимисхи – клеветал на Аноша перед руководством секты, и Дастур спокойно парировал обвинения всю ночь напролет.

Ближе к рассвету он вызвал Альцая на мономахию и разорвал его на части, хоть тот и был намного крупнее Аноша.

Анош обладал непоколебимым спокойствием – его облик не наводил на мысль об умении нести разрушительное насилие. Собственно, мало кто из шабашитов видел его в деле. Присутствующие на собрании каиниты поняли, насколько стар Анош, и были в ужасе.

Анош знал о своей репутации и использовал этот акт насилия, чтобы убедительно донести свой ответ. Он спокойно объявил о том, что любой, кто усомнится в его верности, имеет право в законном порядке вызвать его на судилище. Но если обвинитель не предоставит доказательств предательства Аноша, то Дастур бросит ему вызов. После этого Анош

покинул собрание, и с тех пор никто не смел бросить ему обвинение.

Другая Рука

Шабашиты не перестали ненавидеть Аноша, но говорить о нем стали гораздо осторожнее. В свою очередь, большинство членов Черной руки были фанатично преданы своему высшему жрецу – особенно это касалось молодых каинитов, восхищенных самоотдачей Аноша, его презрением к традициям и пламенными речами, полными искренней надежды и ярости к патриархам.

Много лет он провел в уединении у Плачущего камня, встречаясь лишь с теми старейшинами Черной руки, кого пригласил лично. Возобновилась ежегодная инициация членов Руки, когда те вкушали витэ Циллы и получали татуировки в виде черного полумесяца.

Однако Анош замечал зарождение среди членов Руки странных традиций. Будучи мастером шпионажа, он был достаточно хитер, чтобы распознать происходящее в их рядах. Молодые члены Руки, явившиеся к Плачущему камню, хвастались ритуалами, которые проводили, и покровителями, которых удалось найти, а Анош понимал, что не он один управляет сектой.

Он передал опеку над Плачущим камнем одному из своих потомков и исчез. Спустя некоторое время по Шабашу пошли слухи о том, что Аноша видели среди шабашитов, направлявшихся в Новый свет. Он не разделял их стремления заявить права Меча Каина на новые земли, а просто время от времени появлялся на территории новопровозглашенной

епархии Шабаша – зачастую в поисках укрытия от гнавшихся за ним люпинов.

Никто не знает, почему Анош, одержимый поиском своего сира, отправился в Новый свет. Никто точно не скажет, что именно он там искал. Старинный дневник неоната Ласомбра – одного из первых метисов, получивших кровь Клана тени – описывает долгую беседу автора дневника и странствующего Аноша. Согласно дневнику, Аноша вновь посетили красочные видения.

Спустя десятилетие Анош вернулся в Старый свет и с восторгом поведал о воинских традициях коренных народов обеих Америк, некоторые из которых переняла постоянно меняющаяся и развивающаяся Черная рука. Пока все обсуждали эти изменения, Анош привел к присяге три камута[13], которыми руководили бывшие члены Потерянного племени, и увел их за собой в новый храм на гору Вашингтон в Новой Англии.

Там они стали наблюдать. Анош принял командование Черной рукой в Новом свете и нанимал рекрутов, отдавая предпочтение новообращенным каинитам из числа коренного населения и переселенцев, а не вампирам из Европы. Так шли годы, и в Черной руке заговорили о том, что у Аноша становится все больше странностей, и о том, что высший жрец может быть безумен.

Заявив о себе в Новом свете, Анош вернулся к старым привычкам. Он заявил о том, что отправляется в тайное убежище в сельской местности близ горы Вашингтон, чтобы лечь в торпор, а сам объявился в Мехико, маскируясь под

[13] Камут – стая шабашитов, состоящая исключительно из членов Черной руки.

неоната – жертву недавнего массового становления. Он привлек внимание Черной руки и был принят в их ряды, где ему открылись интересные обстоятельства.

Ритуалы, созданные Аношем для последователей, были извращены, причем изменения шли снизу – на уровне жрецов стай и отдельных одиночек. Неспеша Дастур шел к источнику влияния и однажды вечером, когда его инструктор в Черной руке – отступница Носферату и одна из таких одиночек – тренировала его, Анош сбросил маскировку. Несмотря на силу вампирши, Анош с легкостью одолел ее.

В течение недели он допрашивал ее, пронзенную колом, в ее же убежище. Анош использовал как слова, так и чтение мыслей, которым овладел за века до того, как его пленница получила становление. В мыслях и воспоминаниях своей жертвы Дастур обнаружил шокирующее признание: закулисным кукловодом оказался какой-то культ смерти, связанный с древним городом Енохом.

В конце концов Аношу удалось узнать название культа: Тал’маэ’ра. На следующую ночь на них налетело войско призраков при поддержке скрывающихся за Саваном вампиров. Нападающие убили пленницу Аноша и попытались сокрушить его самого, но недооценили его силы. Анош практически полностью перебил их.

Анош вновь исчез, скрывшись в знакомых ему пустынях Мексики, где странствовал и размышлял. Спустя много месяцев Дастур он объявился в цитадели Черной руки в Нью-Гэмпшире, где узнал о начавшихся стычках между шабашитами.

В 1766 г. Дастур Анош погиб. Его смерть стала потрясением как для Черной руки, так и для всего Шабаша. Шабашиты, ненавидевшие Аноша, обвиняли друг друга в его смерти или пытались свалить вину на мнимых врагов Потерянного племени. Сразу же после этого в рядах Меча Каина разгорелась Первая гражданская война Шабаша.

Воскресший серафим

Естественно, Анош не погиб на самом деле. Однако покушение на него было настоящим – предприняли его посланцы так называемой «Истинной Черной руки», жаждущие сместить Дастура с поста лидера. Анош уничтожил убийц и убрал все улики, оставив лишь кучу пепла, куда положил несколько своих вещей. Дастур лишил пепел следов его принадлежности убийцам, чтобы не дать некромантам Тал’маэ’ра неопровержимых доказательств какой-либо версии произошедшего.

Анош отказался разом от своей личности и руководства Черной рукой, сбросив бремя ответственности и получив возможность найти ответы на свои вопросы. Он опасался, что после завершения Гражданской войны Шабаша Черная рука погрязнет в открытых стычках между кандидатами в ее лидеры. К счастью, Черная рука учредила в честь Аноша должность серафима, на которую были назначены четверо каинитов.

С тех пор Анош неоднократо выдавал себя за неоната Шабаша, называя себя то жертвой массового становления в ходе последнего крестового похода, то потомком недавно погибшего сира. В половине случаев он становился членом

Черной руки, проходя ритуалы посвящения и вновь вкушая кровь Плачущего камня. Иногда он внушал молодым шабашитам, что это они дали ему становление – так Анош мог в любой момент стать членом секты. Завершив замысел, он вновь инсценировал свою смерть.

Одиночество сказалось на рассудке Аноша. Иногда он забывал о том, кого ищет. Забывал о патриархах, о своем сире, о Тал’маэ’ра. Иногда это все перемешивалось у него в голове, и ему казалось, что Черная рука служит патриархам, что патриархи уничтожили сира, за которого Анош поклялся отомстить, или что Тал’маэ’ра похитила Плачущего владыку.

Все эти годы серафимы Шабаша следили за появлением в Черной руке странных каинитов. Джалан-Ааджав располагает достаточным количеством информации, чтобы предположить, что древний Анош, первый серафим и высший жрец Потерянного племени, все еще не-жив.

До Джалан-Ааджава и остальных дошли слухи о том что Анош ведет тайную войну с казалось бы несвязанными группами и отдельными вампирами Черной руки. Эти стычки возникают и заканчиваются внезапно, как буря в пустыне.

Сир: Плачущий владыка

Клан: отступники Ассамитов

Каста: визирь

Натура: мечтатель

Маска: человек-загадка

Поколение: 5

Год становления: неизвестен. Согласно непроверенным источникам внутри секты, Анош получил становление во времена Заратустры.

Видимый возраст: 30 с небольшим

Физические атрибуты: Сила 4, Ловкость 6, Выносливость 5

Социальные атрибуты: Обаяние 6, Манипулирование 5, Внешность 3

Ментальные атрибуты: Восприятие 5, Интеллект 3, Сообразительность 4

Таланты: Бдительность 6, Атлетика 4, Сверхъестественная осведомленность 5, Драка 3, Эмпатия 3, Выразительность 7, Запугивание 3, Лидерство 5, Знание улиц 2, Хитрость 5

Навыки: Этикет 3, Кража 2, Фехтование 6, Маскировка 6, Выживание 2

Познания: Образование 4, Расследование 5, Правоведение 2, Медицина 2, Оккультизм 6, Политика 3

Дисциплины: Прорицание 7, Стремительность 5, Доминирование 6, Стойкость 4, Затемнение 7, Могущество 3, Присутствие 5, Превращение 3, Смертоносность 6

Дополнения[14]: Легенда 3, Членство в Черной руке 2 (5*), Контакты 8, Ресурсы 4, Ритуалы 5, Статус в Шабаше 4*

Добродетели: Убежденность 5, Инстинкты 3, Храбрость 3

Мораль: Путь Каина 9

Сила воли: 8

Запас крови/возможная трата крови в ход: 40/8

Описание. Низкорослый мужчина (5,5 футов) с глубоко посаженными глазами и обсидианово-черной, почти блестящей кожей, какая бывает лишь у древних Ассамитов.

[14] Дополнения, отмеченные звездочкой, доступны только в том случае, если Анош раскроет себя.

Одет соответственно своей нынешней легенде. Большую часть времени не попадается никому на глаза. Свою личность скрывает с помощью грима и могучего Затемнения и избегает старейшин секты, если только не собирается покарать их за что-либо из содеянного.

Советы по отыгрышу. Анош подобен океану страстей, подернутому хрупким ледком внешнего спокойствия. Он тщательно выбирает слова, если только разговор не идет о чем-то близком ему лично. Тогда его речь наполняется страстью, не хуже Дисциплин привлекающей окружающих. Истинная причина той опасности, которую представляет Анош, – то, что ему все сложнее вспомнить цели своего личного крестового похода. Бывает такое, что он не может даже сказать, что ему нужно, но его страстное стремление никуда не исчезает. В моменты просветления он подозревает, что становится кем-то другим. Анош опасается, что его Зверь берет над ним верх, несмотря на следование Пути Каина. Слишком уж многого он не помнит из своей длинной не-жизни.

Контакты: в своих поисках и странствиях Анош тщательно заводил полезные знакомства по всему миру, причем все знают его под разными именами.

Лоретт Морель: Каннская Кокетка

(стр. 67-72, переводчик: Samouse)

Французская Ривьера, или правильнее, Лазурный берег… для многих это место – больше мечта, чем реальность. Это отрезок поразительно чистой береговой линии, где наиболее богатые и знаменитые действительно берут от жизни все. Они заказывают на обед блюда за тысячи долларов, покупают в магазинах вещи за десятки тысяч долларов, делают на тотализаторах ставки в сотни тысяч долларов, устраивают пирушки на яхтах за миллионы долларов, а когда день клонится к закату, они возвращаются на свои прибрежные виллы стоимостью в десятки миллионов долларов, [засыпают] и видят сны о завтрашних сделках на сотни миллионов долларов. Люди здесь притворяются, что все так и должно быть, что деньги неважны и что «знаменитость» – лишь глупая идея, которая мало что для них значит. Эта зона отдыха для богатых и красивых, раскинувшаяся от казино Монте-Карло до художественных галерей Сен-Тропе, залита ярким солнечным светом, сделавшим загар модным, благодаря любезности Коко Шанель. Местные ночи, возможно, великолепны, но именно безупречное сочетание средиземноморского климата и слепящего солнца, составляющее идеальный, как с почтовых открыток, имидж, и делает Французскую Ривьеру тем, что она есть.

Тем более удивительно, что одна из самых могущественных, хоть и неизвестных, обитательниц [Лазурного берега] избегает солнечного света, хоть и доверила ему развитие популярности региона и собственную

выгоду задолго до того, как сонные рыбацкие деревушки стали анклавами владений миллиардеров, кинозвезд, царственных особ и президентов. Вовсе не из скромности ее имя не слетает с уст тех, кто веселится на улицах, в магазинах и ресторанах, на пристанях для яхт и гоночных трассах, в казино и, конечно, на пляжах. Причиной скорее служит ее природа: она – одно из созданий тьмы, одна из Проклятых; на Лазурном берегу, невзирая на его залитую солнцем репутацию, действительно существуют вещи поважнее славы и благосостояния – вещи, пропахшие хаосом, насилием и смертью, которые не рассеются подобно туману в свете нового дня в раю.

Лоретт Морель была еще худенькой стройной девчонкой, когда ее отец, отложив рыбацкие сети, присоединился к числу буржуа. Пользуясь присущими ему обаянием и удачей, он основал успешную судоходную компанию с базой в близлежащей Ницце, хотя сам предпочитал жить в небольшом доме в Больё-сюр-Мер[15] ради жены, чья смуглая красота досталась ей от мавританских предков. Маленькая Лоретт, унаследовавшая, в свою очередь, ослепительную внешность от матери, свою юность провела в играх на берегу моря, слушая рассказы рыбаков и матросов о чудесах, непохожих ни на что в ее жизни. Она любила мечтать, и ее воображение, зачарованное красотой ее родины, полнилось бесконечными картинами магических существ и стран.

Лоретт взрослела, и ее облик милой девчушки превратился в черты и изгибы женственной фигуры; все больше удовольствия она находила в музыке, танцах и,

[15] Небольшой прибрежный городок примерно в 10 км к востоку от Ниццы

особенно, в живописи. Ее сердце пленил молодой художник и поэт по имени Шарль Белроз. Вместе они придумывали далекие от знакомой им реальности миры, хрупкие пределы, где правила Красота, опираясь на Истину и Любовь. Они были счастливы и не нуждались ни в чем, кроме друг друга и своих фантазий. Поскольку отец девушки питал явную неприязнь к Шарлю, влюбленные сбежали в Париж, веря, что там их сны станут явью; Лоретт было семнадцать.

Яркое пламя любви и надежд, подпитывавшее побег молодых людей, оказалось не столь долговечным, как им грезилось. В 1787 году жизнь «третьего сословия»[16] – тех граждан, кто не принадлежал к духовенству или дворянству – была весьма трудна. Особенно тяжело было людям, которые размещались на нижней ступеньке социальной лестницы, не имея денег, связей или какого-либо ремесла; именно среди таких и оказались Лоретт и Шарль.

Они обвенчались, как только прибыли в город; Чарльз перебивался заработками портретиста и писца, но крышу над головой паре удавалось поддержать только попрошайничеством и кражами. Лоретт зарабатывала небольшие деньги, работая моделью для художников, но в основном занималась несложной работой в обмен на еду и прочие необходимые вещи. Не прошло и года, как все их общие чудесные грезы разбились о суровую реальность парижской жизни. Романтика ушла, оставив боль, и пара почти что смирилась со своим нищенским существованием.

---

[16] Во Франции в период с конца Средних веков до 1789 года – все группы населения за исключением привилегированных, а именно — духовенства (первое сословие) и дворянства (второе сословие). В отличие от первых двух сословий, третье сословие платило налоги.

Хотя Лоретт, по большому счету, не интересовалась политической прозой жизни вокруг них, прятать голову в песок и дальше не было возможности. Экономика Франции трещала по швам, и сводить концы с концами становилось все труднее. Продуктов и прочих товаров становилось все меньше, а цены на них взлетали. Король Людовик XVI, по мнению простых людей, слишком далеко отстранился от их положения и обычной жизни; он отчаянно искал способы задобрить нарастающий гул голосов оппозиции, требовавшей решения проблем. Франция накопила баснословные долги за многие годы войн, а тяжкий гнет уплаты этих долгов был несправедливо возложен на «третье сословие», что и стало последней соломинкой, сломавшей спину страны.

В мае 1789 года король созвал Генеральные Штаты, совет представителей всех трех сословий, задачей которого было найти решение финансовых проблем Франции – это случилось впервые с 1614 года. Однако чем больше «третье сословие» настаивало на значимых реформах, тем сильнее их противники от духовенства и аристократии старались подавить любые изменения. Лоретт, подобно многим ее современникам, охватил пыл этой борьбы; поначалу из чисто практических причин, но затем вся ситуация задела какую-то струнку в ее душе. Идея настоящих революционных перемен, мысль о том, что чаяния простых людей смогут попрать традиционную мощь «ансьен режим»[17], который существовал долгое время лишь потому, что «так было всегда» – все это

[17] «Старый порядок» (фр. Ancien Régime), политический и социально-экономический режим, окончательно сложившийся во Франции приблизительно к концу XVI века и существовавший до Великой Французской революции; характеризовался неразвитостью товарно-денежных отношений, монархическим абсолютизмом и жесткой сословностью общества.

казалось достаточно фантастичным, чтобы девушка ощутила себя охваченной новой жаждой жизни. Мечтательница в ней проснулась вновь, и романтические надежды и воодушевление, бывшие столь важной частью ее души, вернулись с поразительной силой, что, впрочем, обрадовало Лоретт.

Шарль, хоть и разделял с ней общие идеи, предостерегал ее, но Лоретт не обращала внимания на его слова, да и на все остальное тоже. Когда летом было созвано Национальное собрание, девушка чувствовала, что ее буквально распирает от гордости. Она участвовала в горячих обсуждениях проекта будущей конституции на рыночной площади и даже посещала собрания в своем округе[18], где она нашла себе товарищей, разделявших ее надежды на лучшее завтра. Ее природный шарм помог собрать вокруг внимательных слушателей, и девушка обнаружила, что присущее ей живое воображение способно сообщать другим ее видение будущего.

Лоретт восхваляла печально известное взятие Бастилии, произошедшее в июле, и последующее принятие Декларации прав человека и гражданина[19], события, означавшие конец феодализма и ненавистного «ансьен режим». Могущество короля было существенно урезано в пользу Национального учредительного собрания, которое теперь успешно завладело всей полнотой политической власти, и монарх удалился в Версаль, под уединенную защиту своего двора. Это, однако,

[18] Фр. arrondissement – административно-территориальная единица между департаментом и кантоном

[19] Важнейший документ Великой французской революции, определявший индивидуальные права человека (свобода личности, свобода слова, свобода убеждений, право на сопротивление угнетению). Принят Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 года.

удовлетворяло не всех. Подстрекатели цеплялись за любую сплетню и распространяли ее, чтобы волнения продолжались; особенно им нужны были сведения, выставлявшие короля и его ненавистную жену-чужестранку Марию-Антуанетту в образе равнодушных монархов, предавших свой народ.

Лоретт всегда была более склонна поверить в приукрашенную историю, соответствовавшую ее мировоззрению, чем в правдивое, но неинтересное повествование. Она доверяла самым худшим сплетням, ходившим по рыночным площадям, и когда 5 октября ставшие уже обычными жалобы на нищету и дороговизну хлеба и прочих продуктов вылились в разъяренные призывы толпы к свержению короля, она присоединилась к выступлениям без лишних раздумий. Вскоре полномасштабное восстание уже стремительно распространялось по таким же площадям по всему городу, пока все сердце Парижа не начало бурлить, забитое рассерженными горожанами. Толпа была настолько распалена потребностью действовать – неважно, как – что люди отправились к Версалю, чтобы напрямую изложить монарху свои мольбы; возглавлял их один из обретающих влияние в обществе героев зарождающейся революции, Станислав Майяр[20].

Толпа расположилась вокруг дворца и потребовала аудиенции, но людям было отказано. В поисках способа отогнать угрозу от ворот [Версаля] Людовик XVI согласился

[20] Французский революционер, один из вожаков санкюлотов (революционно настроенных бедняков) Парижа, активнейший участник таких событий Великой французской революции, как взятие Бастилии и поход на Версаль

принять небольшую делегацию, чтобы обсудить проблемы парижан. За свою красоту и способность управлять человеческими эмоциями Лоретт была выбрана толпой вместе с пятью другими женщинами[21], которые встретились с королем и представили ему требования третьего сословия.

Всецело приготовившись твердо отстаивать свое мнение, Лоретт была так потрясена роскошью дворца и выпавшим ей шансом увидеть самого короля, что обмерла и осела на пол. Позже, когда девушка пришла в сознание, она убедила себя, что встреча увенчалась успехом, и произнесла перед толпой речь, призванную донести эту новость до всех присутствующих, восхвалявшую короля Франции за его сострадание и понимание, и за его сердечное намерение заботиться о простом народе. К ночи она вернулась в город вместе с Майяром и небольшой кучкой других [участников похода], веря, что их настиг триумф и что с этой ночи все переменится. Лоретт была абсолютно права, но совершенно не в том смысле, который сама подразумевала.

Еще с прошлой зимы за девушкой наблюдал Эмерик де Совтер из клана Тореадор, потомок потомка княгини Беатрис; поначалу его увлекла прелестная внешность девушки, но окончательно вампир был сражен ее очевидной страстью и романтическими идеалами. Непоколебимый приверженец «ансьен режим», долгое время определявшего образ жизни не только общества смертных французов, но и стиль существования Сородичей, де Совтер так возжелал Лоретт, что разбудил [в своем сердце] страсти, которым

[21] Во-первых, женщин было не шесть, а пятнадцать, и возглавлял их сам Майяр, а во-вторых, направлялись они не к королю, а в Учредительное собрание.

Проклятые обычно позволяют впадать в дремоту. Он поклялся себе в том, что девушка будет принадлежать ему.

Пока объект его одержимости находился в Версале, де Совтер приказал своему упырю убить Шарля так, чтобы это можно было списать на безрассудство, охватившее город; таким образом, Лоретт некуда было идти, и о ней некому было позаботиться. Однако вампир оказался не в состоянии выждать и разыграть как должно запланированный им сценарий: продолжительный процесс соблазнения, в итоге которого Лоретт сама бы молила о Становлении. Его собственные сильные эмоции взяли верх, и де Совтер проник в ее жилище и там дождался возвращения девушки, чем удивил ее. Затем в совершенно неромантической манере служитель Тореадор совладал с Лоретт и, наконец, достиг своей цели.

В суете, охватившей дворы и смертного, и бессмертного правителей Парижа, сир Лоретт не мог позволить себе уделить должное время, чтобы познакомить ее с принципами сообщества Сородичей, или хотя бы с основными условиями ее нового состояния. Делегация к Людовику XVI, в составе которой была Лоретт, потерпела неудачу, поскольку толпа позже осадила дворец и вынудила короля и его двор вернуться в Париж, где обстановка становилась все менее стабильной. Французская Камарилья, холодной рукой дергавшая ниточки чересчур многих марионеток среди аристократов и духовенства, оказалась на столь же нетвердой почве. Сородичи стремились защитить себя, даже когда сами плели интриги в салонах и в группах философов – и даже среди радикально настроенных якобинцев – и многие

хватались за любую увиденную возможность, какой бы опрометчивой или презренной она ни была.

Клан Тореадор контролировал большую часть Франции, и его члены не очень-то скрывали свои действия, создавая в стране невыгодные условия для прочих кланов Сородичей. Эта схема, разработанная сенешалем княгини Франсуа Вийоном[22], привела к значительному недовольству вампиров, принадлежащих к другим кланам, в первую очередь Бруха, небольшие группы которых обитали в Париже и других крупных городах и были источником постоянного беспокойства. Тем не менее, клану Тореадор до поры удавалось удержать Сброд от союзничества с Вентру и Тремерами (члены этих кланов рассчитывали использовать распри, чтобы помочь реализации собственных стремлений к власти во Франции), тем самым не давая Бруха стать серьезной угрозой.

Де Совтер преданно поддерживал княгиню, но Вийона он презирал. Сенешаль некогда принадлежал к движению Анархов, а де Совтер был не из тех, кто позволил бы предать забвению столь бесчестное прошлое вампира, пусть и княжеского любимчика. В сущности, расположение Беатрис к Вийону лишь усиливало ненависть к нему де Совтера, и пока Париж все больше погружался в хаос, а Традиции Сородичей прогибались и разбивались под напором революции, недоброжелательный служитель искал возможности подорвать позиции Вийона, чтобы выдвинуться вперед самому за счет падения сенешаля.

---

[22] Французский поэт, первый французский лирик Позднего Средневековья (род. 1431, год и место смерти точно неизвестны).

Лоретт стала инструментом де Совтера на его пути к собственным целям, но оставалась и объектом его безрассудной страсти. Он всецело верил, что сможет отвратить ее пыл от революционных идеалов и нацелить его на культурные устои, сменив ее тягу к переменам на поддержку статус-кво. Вампир был уверен, что с помощью его убеждения и осторожной помощи девушка станет бесценным приобретением, вроде великолепного ювелирного изделия, которое обеспечит ему и зависть гарпий, и престиж и [привилегированное] положение в Элизиуме; а уж это позволило бы ему сбросить, наконец, Вийона.

Юная вампирша-Тореадор быстро освоилась в не-жизни. Она стала воплощением того, в чем революционеры обвиняли аристократов, и это знание поначалу ужасало ее, но девушка приняла Становление как спасение от неудавшейся жизни. Свободная от смертных нужд, охваченная жаждой власти, которая давала ей ощущение, будто некоторые из ее детских грез становятся реальностью, Лоретт не теряла времени, поудобнее обустраиваясь в ночи, что отныне и навеки стала ее золоченой клеткой. Мечты обнажили перед девушкой свою истинную кошмарную сущность, но и в сказках всегда были свои темные стороны.

Лоретт учитывала распоряжения своего сира, но также осознала, что ее держат на куда более длинном поводке, чем прочих [юных] Сородичей такого же, как она, положения. Пока Элизиум дрожал от звуков барабанов и пушечных выстрелов, юная Тореадор налаживала с другими Сородичами связи, которые в иной ситуации были бы немыслимы. Члены Генеральных штатов считали ее своей

госпожой, дипломаты добивались ее привязанности на устраиваемых Людовиком пирах во время чумы, и, разумеется, третье сословие все еще считало ее одной из своих. Каждый вампир вокруг отчаянно искал хоть какую-нибудь счастливую возможность, стремился заполучить любых союзников, и Лоретт оказалась в отличном положении, чтобы извлечь выгоду из своих связей. Сам Вийон питал к ней уважение и даже уделял девушке некоторое внимание, что де Совтер осторожно поощрял, считая похотливые взгляды сенешаля слабостью, которую можно было бы использовать против него.

Лоретт, однако же, оказалась куда более независимой, чем представлял себе де Совтер. Она отказалась принять устаревшие политические и культурные взгляды своего сира, как ни пытался тот втолковать девушке, что и сама она теперь в некотором роде стала благородной, хоть и во мраке; вместо этого Лоретт хранила верность грезам своей юности, ставя идеалистический романтизм и красоту выше традиционного понимания власти. Она применила свои подрывные союзы с прочими Сородичами, чтобы напрямую манипулировать отдельными выдающимися смертными, особенно среди клуба якобинцев; таким был, например, либеральный политик Виктор де Брольи[23]. Поскольку внимание де Совтера было целиком сосредоточено на Вийоне, он мало заботился о действиях его собственного дитя; а ее поступки преследовали совершенно

[23] Виктор Франсуа, герцог де Брольи (1718 - 1804) – маршал Франции, в течение короткого периода времени в 1789 году – военный министр Франции. Отряду де Брольи поручили усмирять бунтующий Париж, однако войска отказались подчиняться ему. Эмигрировал в Англию, затем в Россию, где в 1797 году получил звание генерал-фельдмаршала Российской армии.

противоположные цели. Даже когда Лоретт все теснее сотрудничала с Бруха и другими Анархами, толкая революцию вперед, ее сир сознательно закрывал глаза на ее планы.

В 1791 году Анархи, возглавляемые кланом Бруха, достигли своей цели – свергли Камарилью и установили на территории всей Франции баронство Анархов. Парижские Сородичи были потрясены таким поворотом событий, и, чтобы спастись от кровожадной свирепости неожиданных триумфаторов Бруха, большая их часть покинула свои округа и бежала в Лондон; там эмигранты-Тореадор, пребывавшие в смятении, подчинились власти Вентру.

На родине остались лишь самые могущественные и уверенные в себе члены клана, осознающие как собственную доблесть, так и собственное предчувствие того, что восстание, в конце концов, потерпит крах, и они вновь обретут законную власть. Княгиня Беатрис была уничтожена Анархами; она бежала из Парижа, узнав новость о том, что Людовик XVI арестован и заключен в тюрьму. Франсуа Вийон, окруженный врагами, продолжал сражаться в неравной схватке, но в сентябре также был вынужден проститься со своей любимой столицей и искать безопасного убежища за Каналом[24], чему не в последнюю очередь был обязан предательству де Совтера.

Сир Лоретт выжил в Париже в основном потому, что Бруха признали его заслуги в устранении Вийона. Им было известно об антипатии де Совтера к бывшему сенешалю, и не ставили помех на его пути, пока вампир своими интригами добивался падения Вийона. Более того, они обещали оставить

[24] Условное разговорное название пролива Ла-Манш

его в покое, пока Лоретт оказывала им помощь в достижении их масштабной цели – овладении всей Францией. Однако как только король Людовик XVI, к которому теперь обращались просто «гражданин Луи Капет»[25], был отправлен на гильотину в начале 1793 года, маятник качнулся в обратную сторону. Анархам более не требовалась помощь де Совтера или его потомка. Осознав последствия этого, Лоретт убедила своего сира в необходимости покинуть город.

Сир и дитя, однако, не последовали за своими собратьями в Лондон. Вместо этого, по совету Лоретт, они оплатили поездку через всю страну и формально испросили защиты в итальянской Ницце, тогда принадлежавшей герцогству Савойскому. Местные Сородичи были только рады вновь прибывшим; городу все больше угрожал Шабаш, и князь Ниццы видел в парочке союзников, которые могли бы посодействовать укреплению влияния [Камарильи]. Кроме того, Лоретт радовалась сверх меры возвращению на южное побережье и издалека приглядывала за отцом, тайком помогая ему развивать торговую империю; он, однако, оставался в полнейшем неведении, кто же его таинственный покровитель. С точки зрения девушки, это стало вознаграждением отцу за ее бегство и небольшим искуплением для нее самой за то, чем она стала.

Окончание Великой Французской революции и возвышение Наполеона в ночи ознаменовалось возвращением в Париж Франсуа Вийона и восстановлением власти Камарильи. В 1805 году Вийон объявил себя князем, и одним

[25] После свержения монархии республиканские власти лишили Людовика XVI титула короля и дали ему фамилию Капет (фр. Capet), по имени его предка Гуго Капета, основателя династии Капетингов (ветвью которой являлась династия Бурбонов)

из первых его действий на этом посту стало приглашение де Совтера к своему двору, дабы тот ответил за свое предательство по отношению к бывшему сенешалю. Де Совтер был приговорен к Окончательной Смерти. Лоретт не присутствовала на суде над своим сиром, задержавшись в Ницце из-за всплеска активности Шабаша, и была заочно приговорена к наложению князем неполных Кровавых Уз, что должно было обеспечить ее послушание старейшине. Когда юная вампирша прибыла [в Париж], у нее не осталось иного выбора, кроме как подчиниться воле нового князя; она отпила глоток его крови перед советом Первородных, отмечая про себя, сколь многие из них когда-то были приверженцами «ансьен режим», затем переметнулись к Анархам, а теперь снова стали сторонниками наполеоновских империалистов. Услышала Лоретт и шепотки о том, что к «всплеску активности Шабаша», задержавшем ее, мог быть причастен сам Вийон, но суд и исполнение приговора не располагали к обдумыванию этих подозрений.

Последующие сто лет Лоретт оставалась в Париже, и судьба ее сира превратилась в тяжкий груз, осложнявший ей путь к укреплению своего статуса среди Сородичей; одновременно она поддерживала тесную связь со своей родиной на побережье. Когда Ницца после Австро-итало-французской войны[26] стала владением Франции, а затем в течение десяти лет вдоль Лазурного берега пролегла железная дорога, Лоретт смогла обосновать собственный

[26] В оригинальном тексте приведено итальянское название войны – Вторая война за независимость Италии (Second Italian War of Independence), во Франции ее называют «Итальянская компания», в Австрии – «Сардинская война». Военные действия шли в течение 1859 года. Ницца и Савойя отошли Франции по Туринскому договору 1860 года в обмен за ее участие в войне против Австрии.

общепризнанный домен, раскинувшийся вдоль Средиземного моря – то есть достаточно далеко от Вийона и его подручных, чтобы не спрашивать разрешения быть независимой.

Все побережье, за исключением Ниццы, было свободно от Сородичей, за исключением нескольких бродячих Гангрелов и кочующих стай Шабаша; ни те, ни другие не были особо заинтересованы оставаться в регионе надолго. Лоретт воспользовалась этой пустотой: при полной поддержке савойских Джованни, поселившихся в этих местах во времена стычек Камарильи и Шабаша, она направила все свои силы и растущее богатство на то, чтобы превратить сонное побережье в нечто более похожее на идиллический мир из ее детской мечты. Но время и [суровая] жизнь исказили ее грезы, и то, что когда-то представлялось причудливым королевством, на деле несло на себе отчетливое клеймо Проклятых. Роскошь прикрывала разложение, удовольствия уступали место порокам, а вкусы богатых и уважаемых [в обществе] людей делали их опасно похожими на Сородичей.

Лоретт использовала свое влияние в Париже, чтобы убедить многих художников, а также представителей аристократии и состоятельных торговцев посетить Французскую Ривьеру. Ее проект оказался настолько удачен, что на рубеже веков регион превратился в главный курорт для европейских венценосных особ и богатеев, а также для знаменитых художников, таких, как Огюст Ренуар, Анри Матисс и Пабло Пикассо.

В самом Париже Лоретт также находила себе занятие. Ее успехи на Французской Ривьере придали ей некоторый

авторитет среди гарпий, которые искали встречи с ней, чтобы найти способы влияния на интересы смертных или даже управления ими. С финансовой помощью Вентру по имени Жорж Сен-Пьер Лоретт поддержала создание киностудии в пригороде Парижа Нёйи-сюр-Сен[27], где у нее было убежище. Через подставного владельца, давшего компании свое имя, вампирше удалось с самого начала установить свое влияние на традиции быстро развивающегося французского кинематографа.

С первого же кадра короткометражного фильма, увиденного ею в погруженном во тьму театре, Лоретт прониклась благоговением и не могла сдержать восхищения этим видом искусства. Ничто другое не смогло столь близко подобраться к изображению всего того, что рождалось в ее богатой фантазии. Она знала, что просто обязана стать частью этого исключительного явления, и ее кинокомпания обеспечила исполнение ее желаний. Лоретт оказалась настолько заворожена фантастическим миром кино, что на роль своего первого потомка выбрала чрезвычайно влиятельную постановщицу фильмов, непосредственно управлявшую павильонами компании в Ла-Вилет.

После окончания Первой мировой войны влияние Лоретт росло в геометрической прогрессии, когда к европейским промышленникам и литераторам присоединились их американские коллеги; они проводили время на берегу Французской Ривьеры бок о бок с такими личностями, как Коко Шанель, чей золотистый загар стал последним писком

[27] Предместье Парижа, приют состоятельных жителей города, в особенности бизнесменов и представителей творческой интеллигенции. Расположено к северу от Булонского леса.

моды. О Лоретт узнали американские члены клана Тореадор; менее озабоченные пятнами на ее репутации, чем их французские собратья по крови, они расхваливали ее достижения, особенно после Второй Мировой войны, когда набирающая влияние вампирша-киноман стала покровительницей одного из самых престижных кинофестивалей.

Пока рос ее престиж среди клана Тореадор, Лоретт также приняла участие в делах других кланов. Вентру оценили ее деловую сметку, когда в 1975 году вампирша поработила всю семью медиамагната и [его] наследника, который и так уже обладал крупным пакетом акций ее кинокомпании. Поставив его во главе студии, которая боролась с упадком европейской киноиндустрии, Лоретт пустила его капиталы в оборот и, таким образом, превратилась в крупного «игрока» за кулисами киносъемочного бизнеса. Она также приложила определенные усилия, чтобы пригласить в свой круг [нескольких] Малкавианов, поддержав работу над несколькими фильмами, которые жаждали создать эти Лунатики.

Власть Лоретт продолжает расти. Теперь она обитает в Каннах, где фактически является княгиней; тем не менее, она не взяла себе этот титул, так как это привлекло бы к ней внимание Вийона, а уж тот наверняка бы вновь заинтересовался ее процветанием и доменом. Она также продолжает питать уважение к савойским Джованни в Ницце, не только на словах, но и в твердой валюте. Как оказалось, ее сир, в то время как они искали укрытия в

Ницце после бегства из Парижа, заключил с Джованни договор, который она продолжает соблюдать; а сами Некроманты обитают в городе гораздо дольше, чем она полагала. Вампирша ищет способа расторгнуть эту сделку, но некоторые действия, которые она предприняла в этом направлении, встретили незначительное, но твердое сопротивление агентов Джованни в кинобизнесе.

Несмотря на события своего прошлого, Лоретт стала одной из самых влиятельных гарпий континента. Каждый год в мае она закатывает непомерный по роскоши прием, по времени совпадающий со знаменитым кинофестивалем, на который приглашаются только избранные ею лично и ее потомком (которая является ее ближайшей помощницей) Сородичи. Франсуа Вийон получает приглашение всякий раз, но еще ни разу не посетил это собрание, предпочитая отослать вежливый ответ с извинениями и отказом от любезного предложения. В Элизиуме существует мнение, что если Вийон примет приглашение, то двухсотлетнее пятно на репутации мадмуазель Морель официально исчезнет; однако само это бесчестье гарантирует, что вампирша не сможет возвыситься достаточно, чтобы представлять реальную угрозу власти Вийона и [других] старейшин Парижа.

Для смертных травма, нанесенная Великой Французской революцией и последовавшей за ней Эпохой Террора[28], лишившей голов Людовика XVI и его супругу Марию-Антуанетту, почти уже стала давней историей, но для князя Парижа и его современников она остается напоминанием о

[28] Период насилия (05.09.1793 – 27.07.1794) в ходе конфликта между соперничающими политическими группировками (жирондистами и якобинцами), в течение которого были осуществлены массовые казни «врагов революции»

том, сколь ненадежным предприятием является выживание Камарильи и ее Традиций, особенно когда из-за каждого угла секте одновременно угрожают Анархи и Шабаш. Эта угроза выглядит особенно серьезной сейчас, когда долговой кризис, терзающий Европу, угрожает спокойной жизни граждан Франции – и Сородичей, которым для существования необходима их кровь. Несмотря на все достижения Лоретт и ее престиж в кругах Камарильи, Вийону известно, что Каннская кокетка, как иногда называют вампиршу в Париже, прежде всего и всегда будет созданием, исполненным страстей, и она всегда будет готова идти к своей цели, куда бы ни привел ее путь. Вийон же видит в ней былую сущность Анарха, и хотя наедине он восхищается ею, ничто другое не доставляет ему большего беспокойства.

Сир: Эмерик де Совтер

Клан: Тореадор

Натура: Идеалист

Маска: Щеголь

Поколение: 8

Становление: 1790

Внешний возраст: 20-25 лет

Атрибуты:

Физические: Сила 2, Ловкость 3, Выносливость 3.

Социальные: Внешность 5, Манипулирование 4, Обаяние 5.

Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 3, Сообразительность 4.

Способности:

Таланты: Бдительность 2, Осведомленность 2, Эмпатия 4, Экспрессия (Риторика) 4.

Умения: Вождение 1, Этикет 5.

Знания: Финансы 2, Политика 4, Специальные знания (Кинофильмы: отрасль и производство) 5.

Дисциплины: Прорицание 5, Стремительность 4, Некромантия (Путь Склепа) 1, Присутствие 4.

Окружение: Союзники 4, Контакты 4, Домен 5, Слава 1, Стадо 2, Влияние 3, Ресурсы 5, Сторонники 3, Статус (Камарилья) 3.

Добродетели: Совесть 4, Самоконтроль 3, Храбрость 2.

Путь: Человечность 6.

Сила Воли: 7

Запас крови/Макс. трата в ход: 15/3

Внешность. Лоретт обладает прекрасной внешностью, подернутой, однако, дымкой тьмы. Ее длинные темные волосы водопадом спускаются на эксклюзивные костюмы от лучших дизайнеров, и она всегда выглядит так, как будто готова ступить на красную ковровую дорожку. Она часто носит темные очки и ходит в сопровождении свиты, в числе которой обязательно присутствует ее дитя – она помогает держать папарацци на расстоянии.

Подсказки для отыгрыша. Лазурный Берег принадлежит вам; это сказка, которую вы сделали реальностью, и никто не сияет здесь ярче вас. Вы не выносите непродуманных политических и финансовых дискуссий и окружаете себя лишь персонами, столь же пышущими красотой, изобретательностью и романтизмом. Разумеется, у вас самой еще более высокие устремления, но

они ждут своего часа, ведь в вашем залитом лунным светом раю в них нет недостатка. За годы вы научились держать на расстоянии любопытные носы народца, жадного до сплетен из бульварных газетенок, но, существуя в мире информации, доступной круглые сутки, и вездесущих [репортеров] медиа, вы задаете себе вопрос, как долго еще вам удастся скрывать свой секрет, при вашей-то заметной позиции в обществе; эта проблема отнимает значительную часть вашего внимания, вплоть до того, что вас охватывает ненависть к Славе, от которой вам не уйти.

Убежище. Каннская кокетка владеет великолепной виллой на шикарном курорте, который соперничает с принадлежащими ее соседям – звездам Голлувуда, представителям финансовой и политической элиты. От большинства опасностей ее охраняют современные защитные системы, но в этом деле она полагается также и на свои сверхъестественные способности. Лоретт запросто принимает гостей – часто это другие Сородичи – и устраивает эффектные вечеринки, собрания, призванные содействовать ее интересам и расширять ее влияние на смертных и бессмертных.

Влияние. Технологии позволили Лоретт крепко обосноваться в американской киноиндустрии, а в настоящее время она старается понять, каким образом удобнее всего ориентироваться в стремительных переменах, которые несет с собой сам технологический прогресс. Ее крупное состояние позволяет ей свободно завладевать мелкими предприятиями и устанавливать контроль над отдельными индивидуумами как в Европе, так и за океаном; все это делается ради одной

цели: связать других Сородичей обязательствами, чтобы однажды ночью с их помощью вернуться в Париж в лавровом венке освободительницы от закоснелой критики Традиций. Кинематограф также может быть использован для самых разных целей, от показа утопических сказок до транслирования грубой пропаганды, а Лоретт обладает опытом в производстве чего угодно из этого спектра; из-за этого множество Сородичей чем-то ей обязаны и восхищаются ее дальновидностью.

MARYANN FLETCHER: The Hangman’s Bride

(стр. 74-77, требуется переводчик)

Нэш Черкес: Аспид В Кругу Монархов

(стр. 79-84, переводчик: TavarischTrubka)

Фырканье лошади, темной на фоне серебряных гор, с гривой, подкрашенной охрой заката. Смех сестры, задиравшей его рядом с мутным потоком. Насыщенный запах материнской стряпни, дополняемый отдаленными всхлипами деда. Внезапный вопль орла; то, как он, подобный копью, пронзает слепящее небо, в один жестокий момент настигает и разрывает добычу – змею, так надежно сокрытую в высокой траве. Это единственные его воспоминания о детстве, о времени до Египта, раньше зрелости, перед тем как стылые длинные тени Бесконечной ночи поглотили его. Эти последние крупицы, краткие вспышки образов и чувств – единственный якорь тающей человечности, держащий его над водами заветной жажды.

Нэш родился в краю бжедугских адыгов, одного из племен общей семьи, которую обычно называют черкесами, в землях мамлюков, господствовавших над ближним востоком во времена его юности. Как и множество черкесских мальчишек, он был горд, когда отец устроил его отъезд в Египет на службу в армии султана. То, что его продали в услужение странствующему торговцу, ему казалось не рабством, а ключом к свободе. Звуки и зрелища, повстречавшие его в Каире, превосходили воображение, и вскоре он внял горну Ислама и чарующе непостижимой культуре древней земли фараонов.

Мальчик стал собственностью Кулаба аль-Нахида, влиятельного чиновника, который не скупился на средства,

чтобы обеспечить своему молодому ратнику лучшее военное обучение. Его лук, копье, булава и меч стали членами его тела, а мастерство верховой езды так возросло, что его победы в турнирах заметно упрочили положение его покровителя при дворе султана.

Ближе к концу подготовки, Нэша обучили и военным наукам, что заставляло ученого Кулаба аль-Нахида еще сильнее гордиться своим выдающимся молодым подопечным. Юноша получил доступ к личной и религиозной библиотекам хозяина, и к сети его друзей, среди которых были люди, чтимые среди мусульман, христиан и иудеев. Нэш был пленен новыми знаниями и проявил себя как способный ученик, освоив арабский и ряд прочих наречий и стилей письма раньше, чем достиг совершеннолетия. Сильнее прочих он был очарован текстами, открывавшими историю древнего Египта, его царей и богов. Он даже обучился иероглифике, чтобы вытянуть из древних свитков тайны фараонов.

Достигнув возраста воина, Нэш получил свободу, коня и доспехи с оружием. Но это не избавило от обязательств перед аль-Нахидом. Как было принято у мамлюков, Нэш принес бывшему хозяину клятву верности на крови. Поначалу Черкесу это никак не мешало, но со временем стареющий аль-Нахид стал более взыскательным, и все так же относился к Нэшу как к трофею, который можно предъявить своим друзьям и упрочить с его помощью свое положение на зыбких песках политики. Когда Нэш стал противиться такому обращению, аль-Нахид начал распространять сплетни о своем «сыне», и открытые ранее двери стали закрываться

прямо перед его носом. Он оказался отрезан от научных изысканий, так занимавших его, знакомые отказывались видеться с ним, и все за счет аль-Нахидовых отравленных слов.

Только одна дверь оставалась открытой для загнанного мамлюка. Копт по имени Абул-Дарда Хашим аль-Мусайяб, соперник аль-Нахида, рвавшийся занять его место сборщика податей, открыто приветствовал Нэша и помог утолить его интеллектуальную жажду. Аль-Мусайяб вскоре изменил взгляды Нэша на клятвы его бывшему хозяину, убедив молодого человека, что отец, не воздающий дань уважения сыну, и сам не достоин, чтобы его уважали. Когда аль-Нахид узнал о сношениях Нэша со своим врагом, он прилюдно осудил его как заговорщика и изменника. Дошлый копт воспользовался этим обстоятельством, чтобы еще сильнее раздуть пожар в сердце Нэша, и призвал того действовать, пока аль-Нахид не зашел дальше. Так действенны были слова аль-Мусайяба, что когда Нэш стоял, склонившись над окровавленным трупом аль-Нахида, он был убежден, что убийство было его собственным замыслом.

Здесь история Нэша могла и закончиться, но нашлось два обстоятельства, спасшие его из петли. Во-первых, народ мамлюков обладал все нарастающей властью с тех пор, как Бейбарса провозгласили султаном, первым из новой династии, пришедшей на смену поколениям Айюбидов. Во-вторых, аль-Мусайяб был только слугой настоящего покровителя Нэша, старейшины Вентру Паламона.

Будучи набожным коптом, Паламон посвятил себя цели очистить Египет от ислама и вернуть ему былую славу. Он

наблюдал за Нэшем и увидел в нем превосходного потомка. Это он спланировал низвержение аль-Нахиба, заключив с «сочувствующими группами» среди Последователей Сета союз против мусульманской нежити. Пылкому Вентру не составило большого труда добиться от Нэша новой кровавой клятвы, и в 1263 году он принял его присягу на верность, скрепив ее Обращением. Освобожденный от земных забот, познающий неподвластные смертным оккультные тайны Сетитов, Нэш счел своего сира одновременно спасителем и своим настоящим отцом, который заслужил его вечную верность.

Подобно своему углублению в оккультные таинства, Нэш отдавал много сил на погружение в перипетии политики. Благодаря склонности к Присутствию, добиться мастерства в котором ему оказалось много проще, чем в присущем клану Доминировании, Нэш стал ценным и применяемым в полную силу орудием в руках сира. Их союз оказался удачным и достиг многих успехов ко времени, когда Нэш достиг пятидесятилетия своей новой жизни Сородича и был освобожден от служения сиру. Но их успех не продлился долго. Пока Нэш с сиром распространяли свое влияние на ключевых чиновников Египта и султановой Сирии, они не смогли заметить, как сами стали частью чужой игры.

Последователи Сета, вступившие в союз с Паламоном, входили в общество, скрытное даже по рамкам Сетитов: общество хранителей тайны, которую те стерегли от непосвященных всеми доступными методами. Называвшие себя Кругом Льва, эти Змеи были стражами клановой святыни, которая, как считалось, была усыпальницей самого

Патриарха Сета. Они не только знали ее положение, но и тысячу лет охраняли ее от обнаружения и вторжений, блюдя покой своего прародителя до тех пор, пока ему не настанет время вернуться. Помимо прочего, это обязывало их время от времени перемещать иссохший каркас, который, как они верили, был их Первородным. Близилась ночь очередного перезахоронения, и они воспользовались своими пешками из Вентру, чтобы сделать все чисто и гладко.

Замысел Круга Льва заключался в том, чтобы на время перемещения тела перевести внимание всех местных сородичей в другое место. Культ решил, что лучше всего послужит цели культурный и политический скандал, который они организуют, настроив Нэша против его сира. И также, как он поддался обманчивым наговорам на аль-Нахида, молодой Вентру воспринял все, что нашептали ему провокаторы лживых Сетитов. Он стал видеть в сире нового аль-Нахида, авторитарного хозяина, фальшиво изображающего уважение, которого не испытывает. Вскоре он поверил, что его освобождение было лишь уловкой, подстроенной Паламоном, чтобы заручиться его искренней верностью, что под видом свободы тот обрек его не неволю. В конце концов, Круг Льва убедил Нэша, что он, мамлюк и черкес, никогда не будет признан равным своему сиру или любому другому Вентру, и навсегда останется не более чем диковинным рабом.

К этому времени Паламон, не без существенной помощи своего излюбленного дитяти, достиг влияния почти на всех первых советников султана аль-Ашрафа Шабана. При поддержке Сетитов, Нэш сделал свой ход, поддержав

восстание мамлюков, которое началось в Сирии и быстро распространилось в Египет. Беспорядки захватили Паламона вместе с другими Сородичами врасплох, и хотя их не низвергли в одночасье, они уже не смогли взять ситуацию в свои руки. Смертный союзник Нэша Баркук, хитроумный черкес, как он сам, сыграл в восстании ведущую роль и после пяти лет политического и военного хаоса, воссел на трон султана, основав династию мамлюков Бурджитов.

Естественно, Паламон и другие Вентру не приветствовали предательство Нэша. Следуя принципу Талиона, они приложили все свои усилия, чтобы превратить жизнь изменника в ад. Нэш знал, что без помощи своих покровителей из Сетитов он, несмотря на свои потуги к сопротивлению, будет обречен. Именно в это смутное время Круг Льва совершил свою роковую ошибку. Уверенные в своей полной власти над погубленным Вентру, они стали небрежными, и вскользь проболтались о своих истинных целях, желая поддразнить воображение Вентру, которого считали своим с потрохами. Они недооценили его осведомленности в старых путях, и когда они потребовали его помощи в защите паломников на пути к некрополю Саккара, он знал, что ему представился долгожданный шанс захватить преимущество.

Зимой 1381 года, отвернув взгляды Сородичей в другую сторону, Круг Льва предпринял опасное путешествие, планы которого они так долго вынашивали. Когда мамлюки Нэша напали на маленький караван на следующее утро после его прибытия в Саккару, упыри и наемники Сетитов оказались к этому не готовы, и не смогли защитить свой груз. Налетчики

заполучили богато украшенный саркофаг; приспешникам Сетитов досталась Окончательная смерть. Лишь двоим, обратившись змеями, удалось спрятаться в толще охлажденного ночным ветром песка. Все, что осталось от каравана, было сожжено или запрятано внутри терзаемых пустыней гробниц. В одну из могил поместили и главный трофей, и охраняли его до заката.

Нэш восстал ото сна и стоял подле черного гроба, размышляя о том, что ему нужно сделать теперь. Пытаясь постичь суть Амаранта – Поглощения силы, он прочел множество книг и подслушал много отрывков речей, но все они были расплывчаты. Однако он был уверен, что после всего происшедшего, здесь и сейчас он стоит перед существом, которое шепоты (испуганные, благоговейные) нарекали не иначе как богом Сетитов, и что любой необдуманный шаг приведет его к смерти. Потому он задействовал каждого слугу, каждого информатора, каждую мелкую пешку и почти опустошил казну, чтобы заполучить хоть что-то, что теперь поможет ему остаться в живых и исполнить свой план.

И затраты его окупились. За пару недель до налета в пустыне он обменял у торговца крошечный осколок древней кости на то, чего тот отчаянно жаждал – «вечную жизнь». Торговец божился, что эта кость ни много ни мало фрагмент предплечья Осириса, заклятого недруга Сета. Нэш смаковал открывшиеся возможности, помня слова из отрывка гностического апокрифа, который гласил, что «один из рода предателя» может нанести колоссальный урон «его трижды проклятому потомству». Нэш опросил всех сведущих

сообщников, чтобы они подтвердили подлинность найденного осколка, и все же оставался в сомнениях. Однако время его истекало, и других вариантов не было – оставалось только поверить в подлинность артефакта.

Когда его рабы сняли последние печати и убрали на удивление невзрачную внутреннюю крышку, Нэш увидел лицо Патриарха и почувствовал, как мир двинулся с места. То, что началось как шепот, быстро переросло в мерный гул – заполняющее воздух шипение тысячи змей. Гробница вокруг него погружалась в черное ничто. Затем он обнаружил, что стоит на возвышении в огромном открытом храме посреди безбрежной пустыни. Перед ним лежало тело мужчины с головой неописуемой твари. На этом теле не было ничего, кроме повязки на чреслах. Саркофаг куда-то исчез. На мгновение Нэша охватил страх, на фоне которого даже Красный Ужас казался ничтожным. Он не мог пошевелиться. Он предвкушал свой конец. Перед ним был Сет, желавший утолить свою жажду его кровью и жизнью.

В следующую секунду Нэш вспомнил орла и змею. Не позволяя себе других мыслей, он рванулся вперед и вонзился клыками в темного бога.

О том, что произошло дальше, он не хочет или не позволяет себе задумываться. К нынешним ночам Нэш сохранил лишь отдаленное воспоминание о силе, непостижимой силе, лившейся сквозь него, и о невероятном реве, заглушившем все остальное. А еще была боль, как если бы он погрузился внутрь солнца. И конвульсивное сотрясание тела, нарожденное страхом столь всеобъемлющим, что с той ночи все прочие страхи потеряли над ним свою власть.

Пробудившись, Нэш обнаружил, что прошло десять лет. Он оказался в монастыре на Сицилии. Слуги устроили его перемещение сюда из Египта, но при нем остался только один, который немногое смог добавить к картине той роковой ночи в Саккаре. Нэш посчитал, что раз он до сих пор жив, значит, осколок кости Осириса был настоящим. Сперва он решил, что преуспел в совершении диаблери, но это убеждение продлилось недолго. Его сны наполнились странными образами; он видел змей, пожирающих мир, змей, сочащихся из деревьев и стен, и иные, еще более мерзкие вещи. Наяву же его всюду стало преследовать непрекращающееся шипение.

Но самым выдающимся признаком его неудачи стал он сам. Освободившись из торпора, Нэш стал костлявым, и теперь от него несло могильным духом. Он счел это следствием своего долгого сна, и ожидал, что его обычная внешность вскоре вернется, но ни время, ни свежая кровь не смогли обратить перемены. Он вскоре уверился, что желая поглотить сильную кровь Патриарха, или кем бы там ни был тот древний Сородич, он вместо этого отдал ему часть собственных сил. В тщетных попытках вернуть все назад, Нэш закатил кровавую оргию, опустошившую окрестности монастыря. Разумеется, слухи об этом скоро достигли местного старейшины Ласомбра, который едва пережил Век огня и не обнаружил желания, чтобы в его владениях вновь запылали костры. Растерявший свои деньги и слуг, и не желающий привлекать к себе чужое внимание, Нэш решил внять предупреждению и перебрался в Милан.

В течение следующих нескольких лет Нэш держался в тени, играя роль благовоспитанного скромного Служителя Вентру. Проявляя внешнюю верность своему клану, самые близкие связи он, однако, завел среди Тремеров. Вскоре после вступления в круг местных Сородичей, он начал вести расспросы о существовании неких тайных искусств или артефактов, которые смогли бы заглушить его присутствие, спрятать от Сета и его информаторов. Миланский оракул Малкавиан опознал ауру обреченности, довлеющую над Нэшем, и сделал все возможное, чтобы уклониться от встречи с ним и не разделить таким образом его роковой удел. Носферату просто не захотели учить своим дисциплинам прокаженного Вентру. Тремеры же оказались сговорчивей. На самом деле, маг Марко Пессина оказался немало заинтригован положением параноидального Аристократа и предложил свою помощь в обмен на знания Нэша о Последователях Сета и их циклопических ритуалах.

В 1402 году Пессина свершил ритуал, который, как он утверждал, должен был стать ответом на молитвы Нэша. Согласно его словам, Ритуал Сокрытия замаскирует присутствие Вентру так надежно, что ни один Сородич нечестивой линии крови Последователей Сета, даже сам их прародитель, не сможет его отыскать. Обряд воплотился с двумя оговорками. Во-первых, действенность ритуала зависела от поведения самого Нэша. Чем больше он сам афишировал себя, там слабее становилась его защита. Во-вторых, учитывая невероятную силу заклинания – скрыть смертного от взора бога, несомненно, большое искусство – со временем его действие должно было завершиться.

Единственной возможностью для Нэша возобновить действие ритуала был торпор, в течение которого магия восстанавливала свою мощь.

В качестве последней платы Тремеру за труды, Нэш подстроил убийство Пессины. Он подбросил достаточно информации птенцу клана Тореадор, очарованному распространяющейся молвой о скором Мятеже Анархистов, и просто дал природе Сородичей взять свое. Затем, чтобы полностью утопить концы, он предупредил Тремеров Милана о недобрых намерениях местных Тореадоров и призвал «отомстить за смерть Марко Пессины, который помог мне, когда я в том нуждался». Кроме почившего мага, еще один Тремер знал о предательстве Нэша. Нэш не смог отыскать его сразу после измены – в ночь смерти Пессины архонт Амврос Келемен был в другом месте.

Этот подход стал визитной карточкой Нэша. На протяжении многих лет, желая упрочить свое положение в Семье, он находил очередного забитого служителя или птенца и убеждал простака, что какой-то высокопоставленный Сородич стоит неодолимым препятствием на его пути, а сам тем временем подчеркнуто чтил Традиции и братался со всем высшим светом. Некоторые, вернее даже сказать многие, поддались его лжи, как если бы они попали под действие вампирских чар, однако чаще власть имущие раскрывали его игру и желали заполучить его голову за раскачку движения Анархистов. Пережить эти ночи ему помогал неразорванный союз с Тремерами, которые сочли стратегически выгодным до поры закрывать глаза на возможную причастность Нэша к

низвержению одного из них, пока он продолжал делиться с ними информацией о Сетитах и египетских ритуалах. В конце концов, в одну из ночей они решили, что его ценность подходит к концу, а вместе с ней должна подойти к концу и его жизнь.

Впрочем, пока Тремерам не представлялось подходящей возможности. Несмотря на подстерегающие его опасности, Нэш просто физически не мог избегать внимания публики. Его полагание на Дисциплину Присутствия поджигало костры восстания и жажды немедленных действий в любом, кто попадал под ее излучение, особенно в тех безвольных птенцах его племени, которых стало так много в те времена. Даже когда он намеренно избегал использовать Дисциплины, это не помогало, и вскоре в очередном домене Анархисты выходили на улицы с его именем на устах. Каждую ночь Милан становился полем боя между хранителями Традиций и провозвестниками нового порядка. Бунтари Милана во главе со своим «святым покровителем» Джан Галеаццо из клана Ласомбра провозгласили Нэша своим героем. А сам он тем временем трясся от ужаса, понимая, что ритуал Тремеров теперь не защитит его от мести Сетитов. А даже если и защитит, Тремеры, потерявшие к нему интерес, и сами приберут себе его голову. Но по иронии судьбы, настоящая опасность для Нэша скрывалась совсем в другом.

Анархисты были не единственной силой в Милане. Поднимающий голову Шабаш переманивал на свою сторону все больше Анархистов, поддавшихся увещеваниям Джан Галеаццо по своей воле или принявших веру Меча Каина под страхом мучений. Нэш не смог избежать водоворотов

Миланской политики и предстал перед Джан Галеаццо. В отчаянии он разыграл своего последнего козыря. Секретным уговором с Ласомбра он обменял свои знания о предполагаемой могиле Патриарха Сетитов на защиту от Меча Каина. «Святой» Ласомбра согласился и провозгласил его безопасность в Милане, в случае если Архиепископ удовлетворится содержимым захоронения.

Заручившись временной безопасностью, Нэш впал в торпор чтобы восстановить Ритуал Сокрытия Тремеров. Восстав спустя несколько десятилетий, он обнаружил, что Тремеры покинули Город Вепря. Удивленный избавлением разом от внимания разгневанных Узурпаторов и буйного Шабаша – и вновь защищенный полными силами Ритуала – Нэш поспешил скрыться из города.

С тех пор Нэш разменял не меньше двух дюжин городов, в каждом из них не привлекая внимания поначалу, но после не в силах обуздать веяния, разоблачающие его присутствие и заставляющие его вновь скрываться и искать забвения. Его испорченное влияние поражает как вирус, распространяя смуту, мятеж и насилие против власти еще долгие годы после того как он покидает око вызванной им бури.

В нынешние ночи Нэш все еще цепляется за немногие воспоминания о жизни до кошмара. Темная лошадь, его сестра, стряпня матери. Но последнее, воспоминание об орле, все чаще замещается видением будущего. В нем не орел пикирует на змею, но змея вползает в гнездо спящего хищника и хладнокровно вонзает в него свои зубы, и сминает его всей силой жестокого бога.

Сир: Паламон Копт.

Клан: Вентру.

Натура: Интриган.

Маска: Око Бури.

Поколение: 7-ое.

Обращение: 1263 н.э.

Видимый возраст: со временем увядал.

Физические: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 5.

Социальные: Обаяние 6, Манипулирование 5, Внешность 1.

Ментальные: Восприятие 3, Интеллект 4, Сообразительность 5.

Таланты: Экспрессия 4, Лидерство 4, Хитрость 5.

Навыки: Этикет 2, Ближний бой 3, Скрытность 3, Выживание 4.

Знания: Академические 4 (история фараонов), Оккультизм 5 (египетские ритуалы), Политика 4.

Дисциплины: Прорицание 1, Доминирование 4, Стойкость 5, Могущество 4,

Присутствие 6, Серпентис 1.

Дополнения: Контакты 2, Влияние 4, Ресурсы 3, Статус (Анархисты) 3.

Достоинства/Недостатки: Языки (адыгский, арабский, арамейский, коптский, древнееврейский), Запах могилы.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 1, Смелость 4.

Мораль: Человечность 3.

Сила воли: 8.

Запас крови/трата за ход: 20/4.

Внешний вид: Будучи среднего роста и возраста, из-за своей худобы Нэш кажется немного выше, а чрезвычайная

изможденность делает его черты стариковскими. Его некогда рельефные мускулы перетянули жесткие жилы, делая внешность еще более отталкивающей. Его темные волосы длинны и всклокочены, но лицо чисто выбрито. Сопровождающий его кладбищенский запах завершает образ чудовища. Только глубокие карие глаза светятся отголосками оставшейся человечности. Из одежды Нэш выбирает то, что подходит его окружению. Он выглядит изможденным, но оживляется в разговоре, не в силах сдержать свои страсти. Однако, он может внезапно замолкнуть в приступе паранойи, чем немало смутит окружающих.

Советы по отыгрышу: Черкес попеременно испытывает ужас перед жестокой судьбой, которая вскоре, несомненно, настигнет его – впрочем, поделом – и азарт построения планов, которые дадут ему как раз достаточно времени чтобы добиться ближайших целей до того как восстание вновь вспыхнет вокруг него. Он постоянно ведет войну с самим собой, стремясь ради собственной безопасности избежать внимания и в то же время алкая черного удовольствия, которое приносит ему любое предательство и мятеж. Он ужасное существо, творец лжи ради лжи, лукавый и злокозненный.

Убежище: Чаще всего, убежищем Нэшу служит собственный хорошо защищенный дом или небольшая постройка в стороне от обычных путей Сородичей. Он никого не приглашает к себе и всегда готов переехать, если его убежище обнаружат.

Влияние: В движении Анархистов Нэш превозносим как лидер и попрекаем как источник всех бед. Сведущие

Анархисты уважают Нэша за его роль в Восстании, но также видят, насколько он лжив и чего в действительности стоит его преданность секте. Осмотрительные Анархисты могут попытаться использовать Нэша в качестве мощного вдохновителя масс, а также козла отпущения в случае, если их революция не одержит победы. Как правило, такая уловка обречена на провал, ибо немногие могут устоять со своими планами перед господством Присутствия Нэша. Камарилья определенно не испытывает любви к предателю Вентру, но воздерживается от его уничтожения… прислушиваясь к тому, что шепчут о древнем черкесе Малкавиане и Носферату.

MARC de BRABANT: Shadow Prince-Apostate

(стр. 86-89, требуется переводчик)

Родриго аль-Дахиль: Лич Мертвого Города

(стр. 91-97, переводчик: meiner)

За всё время своего существования, Родриго аль-Дахиль хорошо помнил несколько ярких сияющих лет в роли одного из архитекторов судьбы.

Его первое прикосновение к волшебству едва не сломало его.

Как кастильский солдат в армии, которая борется за возвращение Кадиса, он проходил строевое обучение до того дня, когда он столкнулся с Маврами, как и многие молодые люди, которых он знал.

Но реальность очень сильно отличается от истории и сценариев, которые пылкий молодой испанец сплёл в своём воображении.

С помощью летящей Божей благодати

прогнанные монстры, которыми, по его убеждению, были Мавры, не тронули суверенитет его любимой Испании. (не точно)

Когда он пронзил мечом первого из своих врагов, тот застрял между ребрами как в ловушке.

Он ворчал, пытаясь вытащить меч, в то время как умирающий кричал и проклянал себя.

Реальность не была благородной или храброй - она была ужасающей.

Это было человек, мужчина с матерью и двумя младшими братьями, Родриго видел этого человека с любимой, которая в тот момент молилась за него, чтобы он смог вернуться к ней спокойно.

Он увидел всех, кто был важен для умирающего человека: любящего сына, преданного брата, страстную и нежную любимую.

И когда человек умер, душа Родриго была разбита.

Он проснулся, чтобы найти странного монаха, склоняющегося над ним на ночных остатках поля битвы.

Человек утихомирил его (приложил палец к губам) и приказал отдыхать.

Монах благословил тело его убитого врага и подозвал Родриго, чтобы рассказать, что произошло.

Он был одним из тайных ангелов мира, благословенных Богом с великой судьбой.

На его голове и душе был помещена отметка Уриэля, ангела смерти.

В течение года Родриго учился у своего нового наставника брата Фигероа.

Когда Кадис пал, Родриго отправился домой, и они вдвоём предприняли долгое путешествие по Шелковому пути.

В итоге они оказались в Турции, где брат Фигероа познакомил его с другими магами, как и он сам, в цитадели, вырезанной волшебством в вулкане под названием Nemrut Dagi.

Они не были мусульманами или христианами, ни даже людьми из Писания. (People of the Book)

Они принадлежали каждой вере, о которой Родриго когда-либо слышал и даже незнакомым ему.

И все верили в одну судьбу: положить конец миру, когда нить Судьбы была слишком длинной.

Там он изучал искусство судьбы, смерти и загробной жизни.

Он узнал великие тайны от этого ордена «смертельных» мудрецов.

Родриго встречал призраков древних цивилизаций и мистиков со всех уголков мира.

Он встретил странную персону, которая будет иметь продолжительное влияние на его существование, ученого и некроманта Mokhadaji Ranpur, древнего вампира.

Ranpur и Родриго провели много ночей вместе, обсуждая природу мертвых и саму смерть.

От Ranpura Родриго впервые узнал о душе целого города (the soul of a whole city), древнего города, затерянного в ветрах воющих призраков Преисподни. (howling ghost-winds of the Underworld)

Однажды, орден, к которому принадлежал Родриго, подвергся нападению со стороны своих врагов.

Ночью Ranpur исчез, вернувшись туда откуда пришёл, с письменным обещанием Родриго, что они снова встретятся.

Родриго счёл свои воинские таланты востребованными, поскольку их враги наслали великих и ярких ангельских духов, чтобы положить конец “духовной коррупции”, которая, по их утверждению, пустила корни в вулкане.

Он и весь его орден упорно сражались, но были побежден.

По предложению брата Фигероа, волшебники ордена совершили великий ритуал, чтобы переместить их цитадель в горы на севере Испании.

В течение следующих нескольких лет, Родриго и вампир Ranpur активно переписывались, посредством ветров Преисподней пользуясь голосами призраков.

К тому времени, шёл пятнадцатый год бытия Родриго в роли мага (sorcerer), его власть росла и впервые он решился отправлялся в Преисподнюю.

В Мёртвых Землях

Его путешествие было сопряжено с опасностями для души и тела, особенно для одинокого мага, и он преодолел свои страхи со помощью своей железной воли.

С помощью одного из призраков, связанных с его и перепиской с Ranpur’ом, он сумел найти свой путь к странному черному городу в самом сердце загробной жизни.

К сожалению, эти стены не давали ему убежище от многих опасностей с которыми ему довелось столкнуться.

В один миг на него обрушилась кара и черные ужасы, что скрывались в этих древних стенах, и погасил жизнь в Родриго alDakhil.

Прежде чем его душа полностью ускользнула из его тела, Mokhadaji Ranpur нашёл и Обратил (Embraced) его.

Таким образом он пробудился к жизни во второй раз, как измененное существо (творение).

На какое-то время он потерял связь с реальностью духов и волшебство сломало его, и он рыдал в тюремном лабиринте под древним городом.

В течение многих лет, Ranpur рисковал находиться у клетки (down into the cells), в которой новорожденный безумный жил, просто сидел и болтал.

Он говорил на многие темы – о индуистской теологии, философии древних, погребальных обычаях, роли судьбы в (fate) человечества.

Ranpur читал Родриго об Guarded Rubrics, священные тексты Tal'Mahe'Ra, секты, в которой Ranpur служил Рави.

Со временем, благодаря простой педагогике и упорству, Ranpur восстановил некоторое здравомыслие в его многострадальном дитя.

Около столетия Родриго остался в Мертвом Городе, обучаясь у ног своего мастера (хозяина).

Он прочёл рушащиеся библиотеки Tal'Mahe'Ra и говорил с его наиболее обученными мудрецами.

Он прислушался к философии загадочной Del'Roh и сделал его доступным для секты личей для любых задач, которые могут потребовать внимания от молодого и нетерпеливого Сородича.

Наконец, на заре 15-го века, он подал прошение Базальтовому Трону на получение разрешения для возвращения в мир смертных.

Del'Roh рассмотрела запрос в течение одной недели прежде, чем предоставил разрешение.

Родриго будет служить агентом Мертвого Города в мире смертных, однако, acting as the voice of the Del’Roh to those Cainites of the sect которая подняла Инквизицию против мятежного Дитя **Патриарха.**

Ищущий ересь

В течение многих лет Родриго неустанно работал в Испании, оказывая легкое давление на агентов Церкви.

Многие вампиры утверждали, что управляли Инквизицией на протяжении многих лет, но самым близким к этому был Родриго.

Его влияние было тонким, состоящее из шепота для нужных ушей, передающее информацию о местонахождении вампиров и иногда - самое главное – ограждение любых других Сородичей от получения необоснованной власти над Инквизицией.

Действуя в этой области, он нашел доказательства странной ереси среди Bogomils.

В то время как Tal'mahe'Ra специализировался на посеве свои странных ритуалов и верований в еретические понятия о смертных, он действовал по-другому.

По словам одного информатора, эти Богомилы использовали полные строфы из литургии Guarded Rubricsas в каких-то из безосновательных хтонических обрядах.

Кроме того, они цитировали стихи Rubricswith, о которых Родриго никогда не слышал, предполагая, что они могли иметь более полную копию Rubricsthan на сегоднящний день.

Переложив ответственность за продолжение своей работы другому агенту его секты, Родриго немедленно отбыл в Киевскую Русь.

После своего прибытия, он нашел решение этого вопроса довольно быстро.

Эти Богомилы действительно поклонялись злому демиургу своей Гностической веры, используя изодранную, но почти полную копию Guarded Rubrics.

Щербатый священник с мутными глазами лишь улыбнулся и указал на землю.

Очевидно, что некоторые Сородичи, (не точно) которые притворялись перед этими выродками как демоны или дьявол, оставили его с ними наедине. Но с какой целью?

Заинтригованный, Родриго остался, копируя Guarded Rubricsand, продолжая исследовать происхождение рукописи.

Несколько недель спустя, впрочем, он обнаружил истину его происхождения, когда древний Гангрел поднялся из земли в центре деревни.

Жест священника не был свидетельством инфернального действия; он указывал на погребённого вампира.

Родриго представился, объясняя, почему он присутствует в домене старейшины (elder’s domain).

Гангрел Mitru утверждал, что когда-то был принц, который был Проклят и уединился в скалах и лесах, вдали от городов Восточного Лорда Вентру (Eastern Lord Ventrue) и его жалких приспешников.

Это рвано (неровно) связанная, небрежно нацарапанная рукопись принадлежала к одному из них, прежде, чем он обезглавил её. (не точно) Рукопись была среди вещей, которые он забрал как трофей.

Так как это не принесло ему пользы, он отдал его этим выродившимся Гностикам, которые считали его апостолом их демиурга.

К сожалению, далекий от решения загадки, он задумался.

Истинное Ручное Священное Писание, украденное из рук светского Ventrue по кровавой прихоти принца который покинул его домен и ушёл в приют логова еретиков? Безумие.

В результате, (тем не менее), исследование Родриго и его вопросы вызвали подозрение Митру, и затем его ярость.

Когда его стадо богомилов стало считать Родриго важной фигурой за его знания Guarded Rubrics, это стало последней каплей.

Поздно вечером Митру напал на нарушителя и Родриго бежал, обманув Иноземца враждебными призраками.

Он бежал на запад, крадя потрепанную копию Guarded Rubrics, поскольку Mitru кричал в гневе всю ночь.

Среди цыган

Хотя Mitru преследовал его, Родриго нашел помощь и поддержку от странных кочевников, чьи люди стекались в Европу небольшими количествами в течение нескольких последних десятилетий.

Они называли себя Rroma, и те, кто помогал Родриго утверждали, что они делали это по воле их древнего покровителя, духа под названием Mokhadaji Ranpur.

Он узнал, что старший вампир наблюдал за его усилиями, и сообщал об его успехах в Del'Roh.

Его Сир предоставил свою помощь, где только мог, в основном через сеть временных связей, ему каким-то образом удалось сохранить нетронутыми на протяжении многих лет. (не точно)

Эти связи постепенно случались с Родриго.

Родриго и его караван (табор) цыган прибыл в Западную Европу как раз вовремя Черной смерти (чумы?) с ужасным опустошением.

Хуже того, они часто преследовались со стороны приспешников или Дитей (Childer) принцев западных областей, которые считали вторжение Родриго нарушением Традиций.

Один за другим они приходили, и Родриго побеждал или поставил их в тупик (запутывал).

Один такой агент Чешского князя понял, что не сможет убить некроманта в одиночку, и обратил одну из девушек из клана цыган Родриго по имени Ревека.

Этот агент Носферату надеялся использовать ее для нанесения удара по некроманту скрытно (изподтишка),но недооценил узы в Rroma друг с другом - даже с тем, кто бы стал проклятым shilmulo.

Его заговор не удался, Дитя принца бежал преследуемый призраками.

Стыдясь, что помощь его хозяев дала ему беззаветность, которая была возмещена смертью и проклятием (не точно) одной из их дочерей, Родриго поклялся мстить за нее.

Стремясь найти сбежавшего Носферату, Родриго нашёл Reveka следующюю за ним, настаивая, что она будет разрешена за её месть. (не точно) Сначала сомневающийся, Родриго согласился, приступить к её обучению тонкостям её нежизни.

В скором времени они нашли пешку принца и схватка была короткой и зверской.

Во власти безумства Reveka пила кровь её Сираи вырвала amaranth его души, поглотив его полностью.

Вернувшись в лагерь, Родриго и Reveka обнаружили, что малочисленное племя сбежало прерванные в десятке направлений (не точно), каждый идущий собственный путь, в надежде избежать shilmulo.

Родриго предложил утешение огорчённой Reveka, обещая ей, что она никогда не окажется в одиночестве.

С этой ночи и впредь, Родриго выступал в качестве (приёмного/заместителя/суррогатного) сира Reveka.

Два путешествовали по Европе какое-то время, хотя Черная смерть бичевала весь Христианский мир.

Посреди опустошения они стали любовниками – отвратительный дуэт, она прячущийся среди теней и он, пожирающий плоть тех несчастных, которых она доставляла ему.

Со временем, однако, обязанности Родриго вернули его обратно в Испанию.

Их пути разошлись, и Reveka чувствовала, что она не может назвать эту область её настоящим домом.

(В мыслях/про себя) Родриго подозревал, что она искала свою семью. Он надеялся - только не для убийства.

Мятежное восстание (Анархов)

В конце 1300-х годов, ярость охватила Кровь Каина, как безумие, постигшей её как расы.

Мятежное Восстание разъеденило всё общество Сородичей, и рассказы о зверствах стеклись к Родриго в убежище в Испании. Восстание шло своим чередом,

возникали строгие линии верности, и война фракций не оставила места для тех, кто хотел избежать ссоры (борьбы).

К сожалению, это не интеллект Родриго выбрал это место, а его привязанность (чувства).

Reveka вернулась в начале 1400-х годов, затравленное существо, полное страха.

"Спрячь меня," умоляла она его поцелуями, пропитанными вкусом старой крови и полыни.

Ее кошмары были ужасны, и какое-то время она очень боялась темноты.

В конце концов, Родриго оценил её полный рассказ об окончаний восстания.

Она присоединилась к тусовке Каинитов по имени Грациано, и вместе они делали невероятное.

Они пили кровь из сердца (heartsblood) Допотопного Патриарха.

Ужас её поступка был почти невыносим для Родриго.

Что бы сказали его мастера, которые уважали Древних (in some capacity)?

Зная, что этот поступок не пройдёт не замеченным в Чёрном Городе, Родриго нашёл надежное убежище для Reveka и вошёл в Преисподню.

Прибывая у подножия Базальтового Трона, он нашел Tal'Mahe'Ra, как он и подозревал, который мог быть в гневе от предательства своего протеже.

В поисках правосудия (справедливости) для уничтожения одного из Самых святых, его старейшины потребовали быстрого и страшное наказание для виновных.

Зная пути еретиков и богохульников, как и немногих других, Родриго выступал против этого плана.

Не было бы лучше, по его мнению, сформировать это зарождающийся инструмент для своих целей, а не разрушать его?

Почему делают мучеников из замешанных в преступлении, когда они могли бы покрыть причинённый ущерб за свои беды, желая того или нет? (не точно)

Родриго убедил многих врагов в Черном Городе той ночью, но Del'Roh просто прикрыл свои древние глаза, и жестом предложил ему продолжить.

(не точно)

Если эта сила управлялась далеко от фактических мест упокоения Патриархов, и вместо этого она была направлена против многих старейшин, которые построили империи в смертном мире, он может преуспеть там, где Инквизиция была предназначена для работы, но не удалось.

Церковь не пустила бы в ход всю силу против старейшин, которые накопили такую власть, которая позволила бы им бороться против Патриархов до Конца Дней. (не точно)

Голодная свора гончих, требующяя крови их сердца, с другой стороны …?

“Мы должны командовать ими и сформировать их”, сказал он своими тихим, изысканным тоном.

"С собой у них много способов, которыми мы никогда не могли бы использовать в Инквизиции,

так давайте прикуём цепью эту бешеную собаку, а не подавим её, и натравим её на наших врагов."

Дел' Рох рассмотрел пользу в предложении Rawisspoke.

Голос Сира Родриго был самым громким среди них, и, наконец, Del'Roh согласился.

"Давайте сделаем из них меч, с рукоятью в наших твердых руках," поступила команда из базальта Трона, и Родриго был уполномочен это совершить.

Возвращаясь к миру плоти, Родриго вовлёк Reveka в свой план.

Она уже показала себя в возрастающем Шабаше, и снова быстро нашла свой путь в его растущей толпе.

Из теней Родриго помог ей, убивая ее соперников и видя, что ее собственные цели были реализованы.

Даже сейчас, когда Reveka помогала формировать движение, Родриго стало известно о других сил, действующих внутри него.

Со временем, исследованием и допросом по крайней мере одного вампира, он нашел имя: Потерянное Племя (the Lost Tribe).

Его мастера в Черном городе, определены как секта вампиров из колыбели цивилизации, ованная древними повстанцами против власти Alamut.

Ко времени Родриго, она состояла из немногих изгоев и повстанцев взятых Хакимом.

Потерянное Племя стало практически культовым, посвященным уничтожению Древних в отместку за Zillah, которого они почитают.

Вынужденными скрывать себя более тщательно, усилия Родриго стали игрой кошки - мышки, требуя, чтобы он

избежал обнаружения,при выявлении тех, кто затаился в тенях этого движения Мятежников (Anarchs).

Ковка Меча Каина

В то время как Родриго сам не присутствовал при этом знаменательном событие,Reveka была рядом, готовая протянуть руку помощи ее соотечественников, если потребуется.

Самые дикими из анархов окрестили себя Шабашом, и Reveka была одним из первых их приверженцев.

Она казалось идеально подходящей для нового движения, ликуя в ритуалах, введенных старым orthopraxic Ласомбра,
который по-прежнему жаждал некоторой меры религиозного символизма, и почтенный koldunsamong Тзимици.

В короткие сроки Reveka стала уважаемым членом растущего Шабаша, хорошо зарекомендовавшая себя за её бесстрашную гордость и упорство.

Во многих отношениях, Nosferatu antitribucounted её как одну из первых среди них, и она была одной из первых в шабаше, чтобы использовать термин "группа (pack)", чтобы описать когорту, которую она собрала для себя.

Вернувшись из годового посещения Черного Города, чтобы сообщить о своих действиях и продолжить свое образование в теологии Tal'Mahe'Ra, Родриго обнаружил изменения в Reveka, одним из которых был странный черный полумесяц, вытатуированный на ее ладони.

Она присоединилась к фракции убийц и воинов, состоящих из остатков Потерянного Племени.

Более ужасающим было то, что она предложила назвать группу Черной рукой, именем которое прижилось.

Не раз приходилось Родриго упоминать вульгарную имя Tal'Mahe'Ra своему приёмному дитя.

(Not once had Roderigo ever mentioned the vulgar name of the Tal’Mahe’Ra to his adopted childe.)

Как она знала о нём? Кто-то предложил ей его?

Она уклонялась от этого вопроса, не предавала ему значения, О чем она думала в момент страсти, когда видела некоторые другие (спортивных) черные полумесяцы.

В Мертвом городе, Родриго утверждал, что способствовал воспитанию имени через своё приемное дитя, и быстрее потребовал Tal'Mahe'Ra проникнуть в Шабаш и его Черную руку.

В течение следующего десятилетия или около того, молодые члены культа и Обращённое Дитя (Childer Embraced) для конкретной цели посева его агентов, были введены в Меч Каина, в то время как Родриго продолжал видеть учеников Потерянного Племени.

Некромант быстро обнаружил, что его власть под угрозой смерти Reveka.

Опьяненные своей нарастающей мощью, служанка Nosferatu antitribudecided думала что ей причиталась позиция с более широкими полномочиями в Черной Руки, и глупо оспорила одного из её лидеров. (and foolishly challenged one of its leaders.)

Агенты Родриго сказали ему, что Ассамит отступник погасил её жизнь не только беспощадно,но сделал это с

такой непринужденностью, что он, возможно, он был гораздо старше, чем утверждал.

В ярости, Родриго вышел из Преисподни в приют убийцы своего дитя и убил его, когда тот дремал в течение дня, разбрасывая его прах в воющих бурях погибших земель.

В последние минуты существования Ассамита, он угрожал возмездием Потерянному Племени, и Родриго понял тогда.

Старшие руководители культа поклоняющегося Zillah не прятались за Черной Руки. Они были инициаторами, выдававшими себя за молодых вампиров.

Тогда он вернулся в Мертвый Город, убитый горем и разочарованием.

Не было никакого способа, которым он мог бы воздействовать на Шабаш.

Родриго понял это управляя несколькими агентами издалека.

Никакой контроль не устойчив как прямое управление, и его собственное происхождение и оккультные таланты были достаточно странными, для привлечения нежелательного влияния.

Вернувшись к Базальтовому Трону он умолял чтобы это бремя было снято с него, и Дел' Рох согласился.

Сир Ranpur хвалил его достижения перед Базальтовым Троном и других Rawis, и призывал Del'Roh рассмотреть положение, достойное его преданности и успехов.

К шоку Родриго он согласился, назвав его одним из Личей Древнего Города.

Третий Лич

В течение нескольких сотен лет, тем не менее, Родриго нашел свою новое решение, требуемое от него почти неизбежно.

Личи Древнего Города являются соперниками с масками вежливости под черепом, как и обязывает их положение.

Его Сир помогал ему, где мог, но самая большая его помощь потребовалась, чтобы Родриго обучился магии крови с рвением, с которым он когда-то учился магии как смертный.

В рамках своих исследований, Родриго часто предпринимал путешествия в мир плоти.

Это сделало его уникальным среди личей, и среди многих старейшин Истинной Руки. (не точно)

Он всегда делал это пунктом, чтобы изучить нюансы мира, который изменилось, с тех пор как он там был в последний раз. (не точно) Даже в Енохе агенты Шабаша Tal'Mahe'Ra часто узнавали, что они могли бы ускорить покровительство со стороны одного из почтенных личей, но он вел переписку с теми, кто хотел бы знать как можно больше о мире, насколько это возможно. (не точно)

В течение многих десятилетий, он изучал почтенные некромантии, высеченные в стенах Еноха, и шептался (не точно) в склепах Aralu, надеясь на ответ.

Родриго часто путешествовал в мир смертных, исследуя различные формы магии крови.

Tremere очаровал его, также, как и магия крови Тзимици и Ассамитов, но паранойя и ксенофобия тех кланов,

помешали его приобретению любых, даже самых элементарных тайн.

С Джованни, с другой стороны, были совсем другие дела.

Родриго давно уяснил, что патронаж был быстрым путём к послушанию среди Детей Каина, и самый легкий путь состоял в том, чтобы помогать наиболее амбициозным Сородичам в тайне, даже от них самих.

Родриго направил эти методы для огромной пользы, принимая на работу агентов и от имени Истинной Руки и для себя.

В своих исследованиях о Джованни, Родриго обнаружил древнего вампира по имени Apacia, изгоем Каппадокианцев, который не был ни брошен в их темницу учредителей, (не точно) ни поглощен Детьми Августа (хотя и не из-за отсутствия желания).

Ее присутствие в Шабаше привлекло его внимание, и он подошел к ней напрямую.

Подозревая, что его нормальная утонченность будет раздражать ее, Родриго вместо этого, принял решение подойти к ней с открытым предложением о союзе.

Очарованная другим Каинитом - некромантом не крови Августа, она приняла его предложение.

Вдвоём они провели почти тридцать лет вместе в 1600-е годы, она обучала его Вестнику смерти - знаниям из скифских народов и Каппадокийского клана, и он тонко помогал Шабашу в любой из его целей, которой интересовалась Apacia.

Во многих отношениях, она напомнила ему Ревеку, хотя родом из дикого племени, Reveka могла развить его

варварскую мудрость, если бы просуществовала достаточно долго.

В начале 1700-х годов, их цели и обязанности разделили их в разных направлениях, но они остались связаны клятвами и Vinculi, столь же верными, как старейшие узы крови Каина, которые могли когда-либо быть.

По возвращению в Енох, Родриго оказался в положении активного познания работ Шабаша, для которые Del'Roh опередил более предпочтительного агента от Вентру по имени Karnof.

Это сделало его новым врагом в Черном Городе, но Родриго публично оскорбил Ventrue перед Дел' Рохом, демонстрируя свои знания о Мече Каина.

С один из Rawis, Джоном Sidestorm, также произошёл случай связанный с именем Родриго, ссылаясь на описанный в Guarded Rubricsas прецедент, для искупления Карнофа:

Он должен принести свои извинения потерпевшему в течение тысячи и одной ночи.

В ответ на это Del'Roh поменял иерархию и Karnof теперь отвечал за Родриго.

Статус Шабаша в Истинной Руке перестал пренадлежать одной из политической личности. (не точно)

По велению Del'Roh, события Меча Каина теперь стали тайным делом, в пределах компетенции из личей.

Although he remained in the Ancient City almost exclusively, Roderigo has never allowed his understanding of the Sabbat to fade to the risible levels that Karnof did.

Раз в десятилетие или около того, он путешествует по миру плоти, чтобы поговорить с его агентами и посмотреть, как работает сам Шабаш.

Падре Кранео (Padre Cráneo)

В начале 1900-х, раздражаемый пакетом галлюциногенов священник в Гвадалахаре, Мексике заметил человека в маске из черепа среди перламутровых пещер под городом, где группа молодого Тзимици, принадлежала их Ritae.

Со временем, различные участники Шабаша видели, как он скрывается здесь и там, и рассказы о нём росли в течение долгого времени.

Лицу с черепом было дано имя - падре Кранео.

Некоторые группы взяли его в качестве тотемного рисунка, включая в смертные обряды для La Santisima Muerte в их Ritae, призывая Падре Cráneo, помочь им в предстоящем крестовом походе.

Другие считают, что он был глашатаем (herald) Предвестников Черепов, а третьи считают, что он был идентичен костюму Старейшин Шабаша из Черной Руки.

Другие задаются вопросом, не является ли он членом Inconnu, стремясь искоренить самое чудовищное из Шабаша, как посягательство на идеалы Inconnu, считающимися драгоценными.

От части, Родриго был рад всеми этими вещами и многим другим, пока эти городские легенды служить ему хорошо.

Он получает удовольствие неоперившегося юнца в предоставлении небольшой помощи тем группам, которые почитают его, или в преследовании тех, которые боятся его.

Когда Черный город был разрушен, Родриго был одним из немногих, среди верхних эшелонов, которым удалось спастись.

Некоторые среди Tal’Mahe’Ra шепчут, что он знал о страшной буре, благодаря его союзу с Apacia, который так или иначе предвидел опустошение водоворота.

Однако это произошло, Родриго был быстр, чтобы собрать части Tal'Mahe'Ra и создать для них новое святилище в мире плоти.

Рассказ совершил полный оборот, и он предложил разбитой секте (cabal’s sanctum) в горах северной Испании, который были заброшены там в течение многих веков.

Хотя он собрал многих агентов вместе, нельзя точно сказать, что Родриго alDakhil продолжал традиции Tal’Mahe’Ra.

Aralu ушли, как он предположил, и базальтового трона больше нет. В их отсутствие он сохраняет ресурсы и тактику Истинной Руки, subsisting on the stripped flesh of revenants bred to feed his hunger.

Он является кем-то вроде потерянного существа, самостоятельным старейшиной со своими собственными правами, и нет никакой другой власти управляющей им.

Некоторые из бывших агентов True Hand утверждают, что он объеденил власть Руки для своего использования ... и возможно, они правы.

Сир Mokhadaji

		Ranpur
Клан		Нагараджа
Натура		судья
поведение (Demeanor)		Око Бури
Поколение		6th
Обращён		1354 AD
Примерный возраст		за 30
Физические		
Сила	2	
Ловкость	3	
Выносливость	4	
Социальные		
Обаяние	4	
Манипулирование	5	
Внешность	2	
Ментальные		
Восприятие	5	
Интеллект	4	
Сообразительность	6	
Таланты		
Бдительность		4
Атлетика (бег)		2
Ощущение		4
Драка		3
Эмпатия		5
Запугивание, Устрашение		3
Лидерство		5
Хитрость		4
Навыки		
Этикет		4

Фехтование 4
Выступление 2
Маскировка, Скрытность 5 (город)
Познания
Академические 4
Финансы 2
Расследование 5
Правоведение 3
Медицина 4
Оккультизм 6
Политика (Шабаш) 4

Disciplines:

Auspex 5,

Dominate 4,

Fortitude 3,

Obfuscate 3,

Necromancy 6 (Sepulchre Path 5, Ash Path 5, Bone Path 3, Cenotaph Path 5, Corpse in the Monster 5, Grave’s Decay5, Vitreous Path 5),

Thaumaturgy 3 (Path of Blood 2, Elemental Mastery 2, Hands of Destruction 3, Movement of the Mind 2, Path of Corruption 1)

Necromantic Rituals: All Necromantic Rituals of up to •••••.

Thaumaturgical Rituals:

Defense of the Sacred Haven,

Devil’s Touch,

Domino of Life,

Wake with Evening’s Freshness;

Blood Walk, Recure of the Homeland;

Clinging of the Insect, Incorporeal Passage

Backgrounds:

Resources 3,

Rituals 5,

Status (True Hand) 4

Virtues:

Conviction 4,

Self-Control 5,

Courage 4

Morality: Path of Bones 8

Willpower: 6

Blood Pool/Max per Turn:30/6

Изображение:

Родриго одевается в простую, темную одежду, которая подходит к его маленькому телу хорошо.

Он, как правило, довольно безобиден, с зализанными назад черными волосами и темными ресницами.

Он надевает маску из черепа, когда намеревается создать устрашающий эффект.

Советы по отыгрышу:

Родриго спокоен, его образ идеально изображает старшего Сородича.

Он часто преследуется призраками (haunted), меланхолия веет от него,и, кажется, несёт определенную меру преданности к Шабашу,особенно их молодые дикие участники.

Убежище:

Его основной приют находится в старом святилище магов,скрытом с помощью хитрого колдовства и теперь магии крови, в горах северной Испании.

Родриго имеет несколько убежищ в местах, которые привлекают и удерживают его интерес в течение длительного времени.

В настоящее время эти районы включают Мехико, Кадис, Лондон и Нью-Йорк.

Влияние:

Хотя он не имеет никакого влияния, чтобы говорить в мире смертных, Родриго был одним из личей Tal'Mahe'Ra и даже сейчас он по-прежнему владеет огромным уважением среди остальных агентов True Hand.

Он также один из немногих членов руководства Истинной Руки переживших разрушение Древнего Города, насколько любой знает.

Эндрю Сенека: Эмиссар Лжи

(стр. 99-103, переводчик: grey2311)

Рожденный в рабстве на хлопковой плантации в Джорджии, Эндрю не знал ничего кроме тяжелого труда, отчаяния и истощения, которые рабовладельцы намеренно сеяли среди своего живого имущества, надеясь держать их слишком подавленными, чтобы приносить неприятности. Он никогда не знал своего отца, но по слухам, ходившим среди рабов, он догадался, что он, возможно, плод "личного времени" хозяина, проведенного в жилищах рабов.

Мать Эндрю усердно трудилась для своего сына, воспитывая в нем поведение, котороее нравились белым людям в их рабах. Его изящные манеры, совмещенные с тихой выдержкой и приятным лицом, привлекли внимание его хозяев, когда ему было четырнадцать. Вскоре после этого, хозяин плантации, Джексон Миллс, привел его в дом в качестве своего слуги.

Уж точно, что его жизнь в доме на плантации была легче, чем на полях. Но при этом она была и очень одинокой. Он изредка имел возможность пообщаться с другими робами, и когда ему это удавалось, он обнаруживал, что их возмущает "легкая жизнь домашнего нигера". Тем не менее, он нашел способы помогать своей матери, за что она была ему признательна.

Со временем, он покинул плантацию с мистером Миллсом для путешествия в Вирджинию, с целью посетить табачную плантацию его старого друга. Там его оставили на ночь в бараках рабов. После первой ночи он проснулся в

лихорадке и болезненном состоянии, а все остальные рабы смотрели на него со страхом и отвращением. Следующей ночью он остался бодрствовать и увидел закутанную женщину, вошедшую в бараки. Она приблизилась к нему и была удивилась, что он бодрствует.

"Я могу вам чем-нибудь помочь, мисс?", спросил он вежливо. Она посмотрела на него с удивлением и рассмеялась. Она представилась как мисс Сан Валентин, у неё был четкий испанский акцент. Он сидел напротив изголовья, она сидела на краю его кровати, и спрашивала у него про его жизнь и они не спали до самых предрассветных часов,.

Она пришла следующей ночью, бросила на него ужасающий зеленоглазый взгляд и приказала ему не кричать и не бояться, и затем она бросилась на человека спящего на соседней кровати. Страх скрутил его внутренности, когда Эндрю смотрел, как её маленькие клыки утопают в горле человека и она жадно пьет из его раны. Она остановилась до того, как он умер, слизала кровь и рана пропала, словно её никогда там и не было.

Каждую ночь, в течение следующей недели, она приходила в бараки рабов. В некоторые ночи она приходила только поговорить с Эндрю. Она была очарована приятным остроумием юноши и его взглядом на рабство. Его жизнь была совершенно не похожа на то, что она представляла, и тогда ей стало скучно от множества других рабов. В свою очередь, Эндрю сам все больше и больше увлекался Моникой Сан Валентин.

В ночь перед тем как он и мистер Миллс должны были вернуться в Джорджию, она спросила его, хочет ли он остаться с ней и стать такой, как она. Лишь немного поколебавшись, он согласился, и этой ночью она украла его. Он оделся в свою лучшую одежду и отнес её багаж из хранилища в поезд.

"Это твоя последняя служба в качестве раба, Эндрю", сказала она на борту своей личной машины. Она забрала всю его кровь этой ночью, он чувствовал, будто его погрузили в ледяную воду и когда он восстановил свои чувства, он обнаружил себя присосавшимся к её шее. Как только он пришел в себя он почувствовал два ощущения, которые сильно давили на него словно тяжкий груз: проникающий в душу голод и ужасное ощущение, что он променял один вид рабства на другой.

Спустя некоторое время, Эндрю понял эти две вещи, связанные с его Обращением и то, что мог кормиться только среди рабов, жаждая вкуса отчаяния и безысходности в их крови. Несмотря на то, что его тяготили корни собственного рабства, Эндрю быстро учился. К концу года Моника научила его читать, и он поглощал книгу за книгой в её библиотеке.

Не смотря на охотное обучение, его знания не стали полноценными, пока Эндрю не прочитал трактат Сенеки "О Благодеяниях", который поднимал вопрос добродетели Человечности, особенно пристально рассматривая обращение с рабами, что дало ему определенный стимул. И много ночей спустя, изучая Традиции Камарильи, её историю и родословную Вентру, Эндрю осенило.

Когда она наконец спросила его, в чем же дело, он признался, что согласен с древним философом. Каждая сторона бытия есть рабство в том или ином виде, и истинная свобода просто иллюзия. Даже могущественный Сородич придерживается законов Камарильи, Традиций клана и секты, ведь их задает сама суть проклятья.

Он плакал, понимая, что тот юноша, который по глупости отдал свою кровь в надежде на свободу, связал себя другими кандалами. Моника утешила его, объясняя, что то, что он обнаружил, являлось лишь обыденностью для их клана. Но тот, кто понял это, должен приложить все усилия, чтобы быть рабом как можно меньше и повелевать настолько, насколько возможно. Это возможность, шепнула она, чтобы стать хозяином не только его прежних приятелей-рабов, но всего их рода. Со временем, он может даже повелевать Сородичами, если будет безжалостным, умным и настойчивым.

Эндрю взял имя ученого в качестве своей фамилии, принимая человеческую философию своей прошлой сути не меньше, чем свое тело и Кровь. Когда Эндрю Сенека был представлен Князю Филадельфии, Гарпии хихикали, восхищенные им, но пытающиеся сыграть возмущение от представления чернокожего двору Князя.

Тем не менее, в следующем десятилетии он подтвердил свою ценность для сира, двора и Князя множество раз. Сенека быстро оценивал ситуацию и незамедлительно соответствующе реагировал. В отличие от остального молодняка, он не бунтовал против требований старейшин Вентру. По его мнению, даже самые кровавые требования

были шагами на пути к могуществу, по сравнению с тупиковым путем пребывания в собственности другого человека.

В течение 1820ых годов, когда Север обозначил свою позицию против рабства, он обнаружил, что его запасы витэ начали таять. В короткий период, потребность цивилизованных умов в большем сострадании странным образом перекрыла жестокую ментальность и стало понятно, что скоро рабству в Филадельфии и на остальном Севере придет конец. Богатые владельцы перемещали своих рабов на юг, продавая их на плантации, которые всегда нуждались в большем количестве рабочей силы.

Итак, после разговора с Моникой, он решил отправиться на юг. Эндрю послал своих слуг вперед, разведать плантации, которые соответствовали его нуждам, в то время как он был связан делами в Филадельфии. Его сир официально отпустила его из двора Филадельфии, и Князь предложил ему письмо с рекомендациями для Князя Атланты. Немногие в Филадельфии были доброжелательны к нему, в первую очередь это были его сир и Князь, но остальные - обычно те, кто конкурировал с ним за благожелательность князя, были рады его отъезду.

Эндрю Сенека присоединился к двору Сородичей Атланты, представившись и официально предъявив письмо и родословную. Его встретили холодно, и его остерегли от пребывания в других доменах. Он уверил их, что не нарушит ничьей территории и уехал.

В течение нескольких следующих десятилетий, он был нечастым посетителем двора, предпочитая сосредоточиться

на своих собственных делах. Он выбрал горсткуплантаций вдали от Атланты, подходящих для его охотничьих угодий, кормясь в жилищах его рабов. Некоторые из них испытывали денежные трудности и он помогал им, используя свои Дисциплины чтобы получать банковские ссуды и содействовал им, делая гулей из их владельцев.

Жизнь Сенеки стала проще в качестве богатого гостя одной из многочисленных плантаций, которыми он владел, что позволило ему на досуге посвящать время учебе. Он учился законам сам и от политиков. Изредка Князь Атланты или насмехающиеся старейшины городского домена брали то, что им от него нужно и он всегда уступал их требованиям с изяществом, с гордостью выполняя все их безмерные запросы.

Во времена Декларации Независимости, Эндрю Сенека в очередной раз увидел знаки закипающих против рабства настроений. Это привело его в бешенство. Он усердно работал, чтобы укрепить свою позицию, и сейчас политики стада угрожали отрезать его от тщательно выращенной добычи. К удивлению большого количества членов его клана, он направил все свои усилия на предотвращение конца рабства, присоединившись к общему делу клана.

В конечном счете, не смотря ни на что, все оказалось бесполезно. С Гражданской Войной, стадо уничтожило всего его усилия. Он оказался беспомощным в том, чтобы предотвратить освобождение его сосудов, и ему пришлось бежать в другие страны, где рабство еще продолжалось.

В течение следующих нескольких десятилетий Сенека укрывался по болотным доменам, чаще заселенными

полностью враждебными Сородичами, или того хуже, просто поддерживающими Стадо, от которого он мог кормиться. Он дал зарок прикладывать руку к политике, где бы он не находился, и рассматривал Америку со стороны, наблюдая последствия силовой отмены рабства на духе и законах Соединенных Штатов.

Окончательно сбежав от насилия в домен Южной Америки, Эндрю Сенека вернулся в Соединенные Штаты в ранних 1900ых, намереваясь здесь войти в торпор. К сожалению, его раны были ужасны и Зверь окончательно взбесился. Он впал в безумие прибыв в Алабаму и очнулся от ярости в доме свободной семьи, в убежище, которое превратилось в отвратительные кровавые руины. Боясь нарушить традиции домена еще до того, как он смог представиться Князю, он сжег дом дотла, установив горящий крест свежесформированного Ку Клус Клана на газоне, чтобы отвлечь внимание.

Он сбежал из города на грузовом поезде, который возвращался в Атланту. По пути он обдумал все, что произошло, включая тот факт, что его тело не отвергло кровь этой семьи. Это было приятно. Возможно не рабство точно характеризовало кровь, которой он мог кормиться - эта семья была определенно свободна, и больше чем одно поколение. Но по прежнему, они обитали в видавшей виды лачуге, в разваленном бедностью районе.

Сенека был вынужден пересмотреть свои предубеждения насчет ограничений в еде. В течение сезона он изучал свои пределы, в конечном счете обнаружив, что он мог кормиться не только от рабов. В крови этих бедных,

угнетенных людей нашлось то, что было приятно Зверю больше всего. Отчаяние и знание того, что закон считает их меньшинством - или в терминах того времени, "отделенными, но равными".

С новообретённой свободой, Эндрю со вкусом влился в политику Сородичей. В течении следующих нескольких десятилетий он служил Примоген одновременно в Атланте и Бирмингеме, штат Алабама. Он являлся гласом стабильности, ненавидя насилие, кроме тех случаев, когда оно было строго необходимо, предпочитая использовать убеждение и союзы с теми, кто выступал в качестве врагов. Когда движение за Гражданские Права показало свою истинную суть, Эндрю Сенека счел это тревожным. Его политическое и юридическое влияние с трудом справлялось с тем, чтобы следить за такими идеями, как полное равенство. Стадо взращивало собственные предубеждения достаточно хорошо, так что он не мог ничего сделать, кроме как оказывать редкую помощь из тени. По мере развития этой ситуации, когда законные меры потерпели крах, движение обратилось к протестам и активизму.

Сенека посылал своих слуг, чтобы изучать это движение, надеясь найти путь свести его на нет или хотя бы помешать ему. То, что он открыл, ужаснуло его: Движение состояло из сильных, интеллигентных личностей и больше не имело ни намека на угнетенность. Горечь и зависть душили его. Где были такие люди в его дни? Кто они такие, чтобы требовать то, чего у них никогда не будет?

Он говорил себе, что он действует только в защиту собственных охотничьих угодий, но было и нечто большее.

Сенека работал тонко, вовлекая некоторых лидеров движения в пороки и скандалы, стараясь запятнать их. Но с каждым ходом он сталкивался с особенными людьми. Людьми, такими как один из лидеров движения, Мартин Лютер Кинг Младший, которые доказали свою непоколебимость. Единственный раз, когда Сенека лично встретился с человеком, достопочтенный мистер Кинг только посмотрел на него с жалостью и печально покачал головой. Сенека почувствовал, что его зверь входит в состояние, похожее на Ротшрек и ушел, чтобы избежать происшествий. В конечном счете, он все же встретил Тео Белла. Типичный раб, Белл был Архонтом Юстициария Бруха, который изучал действия Анархов, использующих движение за Гражданские Права в собственных целях. Они объединились в непростой политический альянс: Сенека искал способ уничтожить движение за Гражданские Права, в то время как Белл молчаливо поддерживал его. Таким образом они вдвоем работали против Анархов по всему Югу.

Сенека достойно сообщал о всех делах Анархов, которые присоединились к движению Белла, а тот в свою очередь избавил Анархов и активистов от необходимости совместной деятельности.. Со временем, два Сородича начали ненавидеть друг друга, в то время как Князья Американского Юга вознаграждали их за их усилия. На сегодняшние ночи, они остаются союзниками на публику, не смотря на то, что хрупкий альянс со временем превратился в откровенную ненависть.

В итоге, все же, это свелось к нулю. Как всегда, стадо настаивало на своей собственной судьбе, не смотря на

лучшие усилия Сородичей. Со становлением Гражданских Прав и их идей как национального закона, Сенека бросил все силы на изменение собственной жизни.

В современные ночи, Эндрю Сенека является скитальцем. По праву, он возможно мог управлять одним из его расширившихся доменов как Князь, но он боится, что его ограничения в питании сделают его слишком уязвимым, в любом месте, где он примет такую могущественную должность.

Для того, чтобы следовать своим ограничениям в питании, Сенека на данный момент вовлечен в различные формы организованной преступности, сельское хозяйство и производство, в которых он использует различные формы человеческой торговли и незаконного рабства. Он руководит борделями, в которых иммигрантов держат в заключении, потогонными фабриками в пограничных городах, и фермах Калифорнии, Техаса, Флориды, которые нанимают рабочих мигрантов, которых используют практически как рабов. Он стоит на шаг впереди законных властей в таких ситуациях и работает постоянно, в то время как его влияние и связи противостоят анти-иммигрантским законам, пока эти законы будут давать больше прав и защит рабочим иммигрантам.

Сенека движется от домена к домену, восполняя свои нужды, изредка оставаясь больше чем на год. Он неминуемо получает права на посещение домена от Князя этих мест, пока он счастлив помочь его слугам в любых вопросах, которых может. Он также общепризнанный враг Анархов, и вечно негодует от их вклада в успех движения за Гражданские Права.

Сир: Моника Сан Валентин

Клан: Вентру

Натура: Садист

Маска: Директор

Поколение: Восьмое.

Становление: 1807

Видимый возраст: около двадцати.

Физические атрибуты: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 5

Социальные атрибуты: Харизма 4, Манипуляция 4, Внешность 3

Ментальные атрибуты: Восприятие 2, Интеллект 3, Сообразительность 4

Таланты: Бдительность 3, Атлетика 1, осведомленность 2, Драка 4, Эмпатия 5, Экспрессия 4, Запугивание 4, Лидерство 3, Знание улиц 3, Хитрость 4

Навыки: Этикет 3, Огнестрельное оружие 2, Взлом 1, Рукопашное оружие 2, скрытность 2, выживание 1

Знания: Академические 2, Финансы 2, Расслдеование 3, Законы 3, Политика 3

Дисциплины: Ясновидение 2, Доминирование 4, Стойкость 4, Затемнение 2, Могущество 1, Присутствие 4.

Дополнения: Союзники 3, Контакты 4, Стадо 4, Влияние 4, Ресурсы 5, Слуги 4, Статус 4

Добродетели: Совесть 1, Самоконтроль 3, Смелость 3.

Мораль: Человечность 3

Сила Воли: 8

Запас крови/трата за ход: 15/3

Внешний вид: Эндрю высокий, худой мужина Афро-Американского происхождения. Он носит волосы, остриженные под ноль, у него высокие скулы, красивые, светлые глаза и мягкая улыбка. Он одевается в хорошо пошитые деловые костюмы, с очками на веревочках, которые придают ему элегантный, профессиональный вид. Он говорит культурным, приятно глубоким голосом.

Подсказки к отыгрышу: Эндрю отличается спокойствием, уверенностью и компетентностью. Но в глубине души, возможно глубже, чем он подозревает, он зол. Он видел, как стадо дает волю тем, кто однажды был таким как он, поднимая их, и давая им вещи, которых никогда не получал он, и это сделало его озлобленным существом. Его кормление становится садистским, причиняет страх и страдания, словно он хочет заставить свои сосуды отплатить за унижение, которое обрушивалось на него, будучи живым.

Союзники и Контакты: Эндрю имеет служебные, трудовые и муниципальные контакты и союзников везде, куда бы он не направился. Так же он заводит союзников среди торговцев людьми, в местах, где он часто бывает. Сородич по имени Петро Андривиц держит его в курсе дел вампирских дворов Американского Юго-востока, когда Эндрю путешествует.

Стадо: Подневольные проститутки, рабочие-мигранты, потогонные фабрики - эти современные рабы и составляют стадо Эндрю. Они разбросаны во всех его делах в соединенных штатах, и все они Афроамериканцы. И хотя все они привыкли к грубому обращению в руках Сенеки, с ними

обращаются лучше, чем с людьми попавшими в подобные ситуации у своих захватчиков, пока они полезны Эндрю.

Влияние: потенциальное национальное влияние Эндрю действительно широко, но он ограничивает свои манипуляции непосредственными интересами: трудовыми законами, иммиграционной политике и похожими вещами.

Слуги: Сенека держит множество гулей на своей службе. Его постоянный спутник - Дариус, слуга и телохранитель. Остальные - различные публичные люди и правоведы.

Статус: Влияние Сенеки в Камарильи - результат долгих десятилетий обеспечения уважения у клана и секты. Многие из тех, кто знает его, находят его надежным, предсказуемым и заслуживающим доверия Сородичем, который играет в политическую игру безопасно. Если он осядет на одном месте, он скорее всего займет позицию среди домена Примоген, но он слишком много путешествует для этого - и он не займет позицию в совете Примоген только потому, что слишком счастлив для этого.

Яромир Черны: Пражский Иуда

(стр. 105-110, переводчик: Samouse)

Прошло уже более двадцати лет с тех пор, как железная хватка коммунистического кулака ослабла во время исторической Бархатной революции, волны политических, культурных и ментальных изменений, создавших прецедент мирной смены режима. Будто бы в единое мгновение народ, больше сорока лет живший под властью страха, восстал из тьмы и вдохнул воздуха свободы. Людям более не нужно было оглядываться через плечо, чтобы увидеть агентов правительства, следящих за их поступками. Не требовалось и следить за своим языком и волноваться о том, кто мог подслушать разговор. А еще люди не засиживались допоздна, ожидая, что у ворот появится черный «воронок» и изрыгнет своих чудовищ – людей, отказавшихся от своей души ради служения советскому кошмару. Чтобы низвергнуть пугало, потребовалось лишь отдернуть завесу тоталитаризма и впустить великолепие современности со свободной печатью, искусством без цензуры и демократическими выборами. По крайней мере, так казалось.

Тем не менее, некоторые чудища сильнее других. Кое-кто из них – жестокие создания, которых не так-то просто уничтожить, кто выживает с помощью коварных и неестественных даров, позволяющих им не только переждать бурю, но и обратить ее преобразующую силу себе на пользу.

Народы Чехии и Словакии верят, что маяк свободы и свет правды помог сделать их революцию мирной и успешной. Они верят, что темные времена ушли, чудовища

прошлого исчезли, а сами они вольны прокладывать собственный путь во имя будущего своих народов. В сумраке скудно освещенных пражских улочек, за гранью света, льющегося из [окон] популярных кафешек, полнящихся веселыми голосами студентов, художников, мыслителей, присутствует едва слышимый шум, нечеловеческое присутствие, которое опровергает эти мнения и указывает на куда более негативную истину.

Яромир Черны был вторым сыном в семье выдающихся актеров, известных своими иногда противоречивыми выступлениями на сценах Праги в конце 60-х годов XX века. В политическом климате того времени работа четы в области искусств поместила их под прицел внимания крыла Коммунистической партии Чехословакии, противящегося реформам; усилия по либерализации, предпринимаемые лидером партии Александром Дубчеком, они воспринимали как угрозу социалистическим планам. Так называемая «пражская весна», состоящая из взаимных политических обвинений и маневров, окончилась, когда 20 августа 1968 года войска [стран] Варшавского договора вторглись [в страну], чтобы подавить предполагаемую угрозу коммунизму, что активно порицалось в среде культурной и литературной элиты. Актерская чета Черны присоединилась к своим друзьям и коллегам в выступлениях против анти-реформистов и оставалась с ними, чтобы осудить солдат-оккупантов и их советских начальников. На удивление многих, эта мирная тактика сработала, и советские власти отступили от своих планов сместить Дубчека, предпочтя

лишь направлять его действия, так чтобы его реформы не угрожали советскому блоку.

В последующие годы Лукаш и Рената Черны продолжали участвовать в движении за окончание коммунистического правления в Чехословакии, в основном состоявшем из представителей интеллигенции. Таким образом, уже в нежном возрасте Яромир воспринял их антикоммунистические чувства и стал своего рода талисманом для многих друзей его родителей, которые были убеждены в том, что, даже если сами они не смогут избавиться от гнета, то уж поколение их детей в этом преуспеет.

Проводя массу своего времени в театрах, юный Яромир последовал по стопам родителей и стал участвовать в представлениях по всему городу. Поначалу большая часть его выступлений были комичными или обыденными, не привлекавшими ничьего внимания, кроме поклонников театра, но уже подростком он играл роли в пьесах, которые не ускользали от внимания властей.

Прогресс реформ Дубчека был сведен на «нет» к середине 70-х годов, и жизнь стремительно осложнилась, особенно для людей, причастных к искусству, и интеллигенции. Восстановление цензуры, особенно при режиме Густава Гусака, возымело сильное влияние на жителей Чехословакии, и нигде оно не ощущалось так отчетливо, как в Праге, городе, некогда славившемся своими театрами, книжными лавками и образованными людьми. Участие родителей Яромира в диссидентских организациях и выступлениях привело к их аресту; это случилось осенью

1976 года, сразу после того, как их вызвали на поклон в конце одного из самых их пламенных представлений. Их препроводили в черный «воронок», и они, подобно многим своим знакомым, исчезли навсегда.

Это событие перевернуло жизнь Яромира. Лишенный родителей и предоставленный в этом мире сам себе, юнец вложил всю свою страсть и энергию в подпольное оппозиционное движение. Когда была составлена знаменитая «Хартия 77»[29], он, как и еще более чем 240 ведущих мыслителей, художников и просто активных людей того времени – в их числе был и Вацлав Гавел, признанный драматург, поэт и автор эссе – поставил [под документом] свое имя, полностью осознавая опасность, которую навлекал на себя. После публикации «Хартии» 6 января 1977 года все подписавшие ее были немедленно обвинены в государственной измене, и правительство сурово наказало их всех. Тем не менее, эти карательные меры применялись настолько тихо, насколько это было возможно, поскольку власти не желали делать из диссидентов мучеников. Этот план не удался, так как несколько подписавшихся и их сторонников обнародовали происходящее. Коммунисты прекратили притворство, арестовали лидеров Комитета по

[29] Программный документ, ставший основанием для формирования группы политических диссидентов в Чехословакии. Вместе с именами 242 подписавшихся «Хартия» была опубликована 6 января 1977. К концу 1977 года хартию подписали почти 800 человек, значительная часть их впоследствии эмигрировала.

защите несправедливо осужденных[30] (VONS), провели инсценированный судебный процесс и отправили в тюрьму.

Яромир присоединился к Гавелу и его соотечественникам в рядах VONS, но приговора избежал. Несмотря на свои благие намерения, он оказался неспособен противостоять дознавателям тайной полиции StB[31], которые похитили его прямо из дому посреди ночи и подвергли допросу о его участии в Комитете. Что происходило той ночью, он впоследствии вспомнить не мог, но в течение нескольких недель его преследовали ночные кошмары; первый план в них занимал пронизывающий взор пары нечеловеческих глаз, которые, казалось, проникали в самую его душу и оставляли след физической боли от легчайшего взгляда. Вскорости после освобождения «добровольное сотрудничество» Яромира Черны с правящим режимом было активно освещено в контролируемых государством средствах массовой информации в попытке очернить его в глазах собратьев-диссидентов, которая, в общем, удалась.

В 80-е годы Яромиру удалось восстановить некоторую долю своей репутации преданного диссидента. Он помогал некоторым публикаторам *самиздата* производить и распространять запрещенную литературу и принимал активное участие в помощи различным музыкантам, чьи произведения были запрещены за оппозиционность. Хотя эта деятельность позволила Яромиру вернуть в некоторой мере

---

[30] Организация, созданная авторами «Хартии 77» в 1978 году, главным образом для защиты и поддержки диссидентов и их семей, а также донесения их идей до широкой публики. Название организации на чешском языке : «Výbor na obranu nespravedlivě stíhaných», отсюда аббревиатура «VONS».

[31] Сокращение от «Státní bezpečnost», Служба государственной безопасности Чехословакии.

свое место среди революционеров, ему все так же отказывали в лидирующих позициях, помня запятнанное прошлое. Скорее, он стал важным связующим звеном и постепенно обрел ощущение достигнутого успеха – от того, что удалось развить скрытую форму влияния. Он старался не оказываться в центре внимания, а вместо этого постиг искусство поддержки тех, кто был более пригоден на роль глав движения – или манипулирования ими.

9 ноября 1989 года пала Берлинская стена, и к этому времени Яромир был полностью готов к скорой трансформации чешской интеллектуальной революции в публичный политический процесс – весьма вероятно, связанный с насилием. Он взялся помогать в подготовке к этой неизбежности, курсируя между «явочными квартирами», пока революционное движение готовилось к открытому выступлению против коммунистического режима. Все лето организация набирала движущую силу, а затем, когда граждане Чехии с изумлением наблюдали за падением «железного занавеса», народам Богемии, Моравии и Словакии пришло время подняться и обрести свою долгожданную свободу.

Возвращаясь с очередной встречи снежной ночью, Яромир обнаружил, что его путь сквозь узкий переулок перекрыт черным «воронком»; страх стиснул его при воспоминании о том, как много лет назад похожим образом похитили родителей. Он размышлял, не стоит ли развернуться и бежать, но вся его воля улетучилась, когда в автомобиле открылось окно – лишь настолько, чтобы Яромир увидел во тьме салона пару горящих глаз.

Пару глаз, некогда преследовавших его во снах.

Он обнаружил, что неспособен уйти, и, подчиняясь, подобно овце на заклание, молча сел в автомобиль сквозь открытую дверь.

Как и после ареста [и пребывания] в тайной полиции, Яромир мало что помнил об этой поездке, продолжавшейся около часа. Из центра города молодого человека увезли на северо-восток, где высилась величественная крепость Кокоржин, нависающая над окружающей местностью на практически неодолимом выступе скалы – но об этом он узнал позже, покидая замок. Строение, над которым возвышается единственная башня, было выкуплено и тщательно восстановлено из руин в начале века Вацлавом Шпачеком[32], аристократом из Штарбурка. Шпачек употребил большую часть своего крупного состояния на то, чтобы превратить рассыпающуюся груду обломков, высящуюся над долиной Кокоржин, обратно во внушительную крепость, которой она была в расцвете своей силы в XIII – XIV веках.

Автомобиль остановился за тяжелой оградой замка, и субъект с горящими глазами сопровождал юношу всю оставшуюся дорогу. В замке не было проведено электричество, не было здесь и прочих современных удобств, и этот факт Яромир поначалу приписал историческому статусу здания. Однако к тому времени, как они вошли в огромный зал, он уже не был так уверен в своем выводе:

[32] В оригинальном тексте название замка приведено неверно в силу некорректного набора символов. Замок Кокоржин (чешск. Hrad Kokořín) – реальное произведение архитектуры постройки первой половины XIV века, в тексте указано его подлинное расположение. Замок действительно был выкуплен В. Шпачеком в 1894 году и восстановлен, а затем и перестроен, в результате чего превратился в объект туристического интереса.

величественное помещение заливал свет железных канделябров, а широкие, забранные стеклом окна открывали захватывающий дух вид на просторную долину где-то далеко внизу. Все в замке казалось слишком несовременным, [но и] чересчур реалистичным даже для музейной реставрации, особенно учитывая пренебрежительное отношение социалистического режима к подобным вещам.

Спутник юноши наконец представился, назвавшись Степаном Себировым, офицером Службы безопасности Чехословакии. Он сообщил Яромиру, что тот находится на краю пропасти – как в фигуральном, так и в буквальном смысле – и его судьба решится до того момента, когда взойдет солнце и зальет древний зал своим огненным светом. Однако, к удивлению и замешательству Яромира, Себиров сказал, что судьбу юноши будет решать не он, а некто другой, названный в разговоре просто «хозяином замка».

Весь следующий час Яромир, дрожа, ждал и смотрел во тьму за окнами, где танцующие снежинки заметали все признаки того, что он не оказался на самом деле в варварском прошлом. Он не ощущал течения времени, поскольку наручные часы у него отобрал на входе в замок странный молчаливый тип; его пальцы казались длиннее обычного, и он принюхивался к Яромиру так, как будто мог определить тот или иной предмет по запаху. Себиров же все это время простоял, едва двигаясь, и под его взглядом всякие надежды пленника на побег увядали на корню.

Наконец старинная дверь открылась, и в зал вошел персонаж из какой-то мрачной, извращенной сказки; будто бы скользя над поверхностью деревянного пола, он

приблизился и остановился перед запуганным революционером. «Хозяин замка» был одет в длинную, до пят горностаевую мантию, которая спереди была распахнута достаточно широко, чтобы Яромир увидел: остальной наряд был столь же старомодным, как и весь замок, но при этом роскошным, поскольку плотную ткань, кожу и меха украшали многочисленные самоцветы и драгоценные металлы. Под всем этим скрывался высокий субъект, чьи черты скорее принадлежали существу из ночного кошмара, нежели обычному человеку. Его кожа была смертельно бледной и обтягивала кости, тут и там ее пересекали не по-человечески бугрящиеся черные вены. Его рот был мал и кривился в жесткой усмешке, а уши казались странно… удлиненными. Но самое большое впечатление производили глаза существа, которые напоминали жерло вулкана в сравнении с огнями костра, горевшими в глазницах Себирова.

Когда существо (а это точно был не человек – уже не был, по крайней мере) заговорило, последние сомнения Яромира в реальности происходящего отпали, и сердце его уступило ужасу, представшему перед его глазами. Мягкий, аристократический тенор придавал речи существа гораздо более зловещий оттенок, даже когда оно чрезвычайно вежливо пригласило Яромира быть желанным гостем в замке, невзирая на способ прибытия. Оно представилось Яромиру как Янек Ритка, воевода Кокоржина, и сообщило, что, вопреки всевозможным явным свидетельствам обратного, являлось единственным бессменным хозяином и обитателем замка, который был дарован ему императором

Сигизмундом[33] в первой половине XV века за славные деяния. Учитывая обстоятельства, Яромир не сомневался в правдивости услышанного, невзирая на то, какой чушью все это звучало бы в любом ином случае.

Янек оказался одним из Проклятых, старейшиной Старого клана Цимисхов, пережившим Инквизицию, Бунт Анархов и формирование нечестивого Шабаша, одним из последних представителей своего жестокосердого рода, поддерживающим строгие традиции прошлого и охраняющим их от беспрестанной угрозы революций и забвения. Янеку удалось не только выстоять перед лицом опасностей, свойственных обществу Сородичей, но и удержать в руках свои личные владения, несмотря на вихри политической и культурной нестабильности, терзавшие исконные земли Богемии в последние шесть столетий. Старый клан издавна был щедр на внутренние распри, при его исключительном, феодальном мироощущении, а интересы Янека долгое время страдали от соперничества с недругом – Цимисхом по имени Михал Альбертус Станиевски.

Несмотря на эту бессмертную вражду, цепкость Янека оказалась чрезвычайно полезной в двадцатом веке, когда темп и природа изменений, происходивших на его родине, стали гораздо более драматичными. И Первая, и Вторая мировые войны представляли собой ужасную угрозу убежищу Янека в Кокоржине, а то и самому существованию вампира. Оккупация нацистов и последовавшее разграбление региона

[33] Скорее всего, имеется в виду император Священной римской империи Сигизмунд I Люксембург (1368-1437, в Чехии правил с 1419 по 1437 годы) (http://ru.wikipedia.org/wiki/Сигизмунд_(император_Священной_Римской_империи))

и его жителей поражали своей крайней бесчеловечностью и хладнокровным, механическим истреблением [населения]. На протяжении десятков лет Янек, подобно многим своим соплеменникам, был убежден, что в Джихаде – войне, ведущейся между Мафусаилами или даже между самими Патриархами, сделан предпоследний ход, предсказанный в пророчествах о Последних Ночах.

Однако домен Янека не покорился немцам. Вместо этого Янек призвал на помощь *громник* земли, ветра и небес, чтобы удержать танки и «Мессершмитты» за границами своих владений. Многие смертные прислужники вампира были убиты, согнаны с обжитых мест, или же по другим причинам не могли помочь своему господину; сам же он был загнан в угол и потому обратился к искусству колдунов, чтобы спасти себя и свой домен. Когда-то Янек использовал искусство *ворожбы*, не задумываясь, чтобы создать мощную защиту и предотвратить самые искусные атаки враждебных вампиров. Однако он уверовал в то, что если слишком сильно полагаться на подобные темные искусства, они могут подчинить его душу демонической сущности, которая, по слухам, уже овладела большинством его собратьев-Цимисхов, превратив этих неживых извергов в нечто еще более извращенное. Не имея другого выхода, Янек посчитал, что игра стоит свеч. Когда война окончилась, и Чехословакия вновь стала свободным и независимым государством, воевода Кокоржина, находясь в своей башне, самодовольно улыбался.

Когда контроль над страной установили коммунисты, проницательный Цимисх предпринял быстрые шаги к тому, чтобы получить возможность влиять на тех смертных и их

организации, которые были необходимы ему для защиты. Деспотичный характер социалистического режима позволил средневековому аристократу добиться своего чрезвычайно легко, поскольку страх и скрытность быстро стали главными рычагами управления в новоявленном государстве. Поскольку вся собственность номинально принадлежала государству, относительно легким делом для Изверга стал и запрет на посещение его убежища незваными гостями, а заодно и охрана от прочих опасностей с помощью военных.

Похожими путями Янек заполучил обширное влияние над некоторыми элементами Компартии Чехословакии[34] и, что еще важнее, во внушающей страх Службе безопасности. Ее агенты помогали Извергу оказывать сильное влияние на политику и действия этой организации, способные навредить ему или принести пользу; это позволило Цимисху де-факто иметь право голоса в политике Службы. Сеть шпионов Янека, [подчинявшиеся ему] бюрократы и громилы враждовали со своими коллегами, служившими другим Сородичам, несмотря на то, что номинально Прага и большая часть других густонаселенных регионов страны принадлежала князьям Камарильи и их прихлебателям.

Янек не имел желания выделяться среди прочих Сородичей, подавляющее большинство которых он просто не считал достойными внимания, настолько они находились ниже его по положению в обществе. Янек был воеводой на протяжении более чем шести столетий, и ни Камарилья, ни Шабаш не смогли бы ничего ему предложить.

---

[34] В оригинальном тексте KSČ (чешск. Komunistická strana Československa)

Итак, Янек просуществовал столь долго лишь потому, что не был глупцом. Он отдавал должное влиянию, которое другие Сородичи оказывали на смертных, и правил своим доменом, обитая в замке. Он тщательно избегал заигрываний со всевозможными повинностями, изобретенными, чтобы загнать его в ловушку, и быстро уничтожал тех вампиров Камарильи и грабителей Шабаша, кто нарушал границы его домена. Князь Праги, идеалистичный Тореадор по имени Василий, согласился на формальный «уговор» о том, что Сородичи будут обходить стороной долину Кокоржин, а также некоторые другие территории, которые Янек считал дорогими его остановившемуся сердцу. Взамен старейшина-Цимисх пообещал держаться поодаль от дел и доменов Камарильи и не предлагать приюта и помощи вампирам Шабаша, если таковые объявятся.

Неслыханные ранее исторические процессы, поставившие Чехословакию на порог демократической революции, поразили Янека своими темпами. Изверг давно уже развивал сеть шпионов и прочих агентов в среде диссидентского движения, чтобы иметь способы контроля над растущей угрозой коммунистическому режиму, который столь много ему дал. Однако умопомрачающая скорость и поразительный импульс волны демократических изменений, прокатившейся по всему советскому блоку, застали старого Цимисха врасплох. Вынужденный действовать подобно охваченному манией кукловоду, он управлял своими слугами, как мог, чтобы защитить свои интересы в воеводстве. Тем не менее, Янек осознал, что даже держа железной хваткой свой

обширный домен, он столкнулся с кое-чем, противостоять чему оказался бессилен.

Приглашая юного актера в свой замок, старейшина Цимисхов уже был наслышан о его известности среди диссидентов. Еще больше информации о Яромире Янек получил от своего наиболее доверенного слуги, Степана Себирова, главы старинного боярского семейства, верно служившего воеводе Кокоржина с самых первых ночей его чудовищного существования. Должность Себирова в Службе безопасности позволила ему получать любую информацию, нужную его хозяину, и то, что слуга доложил господину, убедило Янека в полезности [юного] бунтаря.

Стоя на коленях на холодном полу величественного зала, перепуганный Яромир в смятении выслушал предложение монстра, стоявшего перед ним. Он мог вернуться в Прагу и с помощью Себирова убедить некоторых лидеров революционного движения поддержать его. Достигнув этого, он бы направлял их усилия так, чтобы поддержанное ими правительство, представляющее народ Богемии, защищало бы Янека и все, чем он владел – и подчинялось вампиру. Второй вариант был понятен без слов.

В этот момент Яромир, при всей его любви к демократии и желании отомстить за родителей, осознал, что с точки зрения этого существа нет особой разницы, какую форму примет государственное правление. Все, что имело значение – лишь то, кто дергает за ниточки; подвешенные на них куклы могут называть себя монархистами, империалистами, националистами, коммунистами, демократами – но все они невольники чьих-то неизменных страхов и чаяний. И когда

Воевода остановил кошмарный взор на съежившейся фигуре [юноши], Яромир взглянул дьяволу в глаза, осознал свой ужасный выбор и ощутил, что его идеализм иссяк. Время больших надежд ушло, пришло время практичности.

Яромир принял решение; он боялся не увидеть нового рассвета, и страх оказался оправдан, но это не означало его конца. Янек дал ему Становление и, после непременного, но спешного знакомства с существованием в качестве Проклятого, отправил его обратно в Прагу исполнять поручение сира. Он покинул черный «воронок» на углу площади Яна Палаха[35] лишь десятью ночами позже похищения, но казалось, что прошла целая жизнь. Бархатная революция шла полным ходом; город парализовали многочисленные забастовки и открытые призывы к роспуску коммунистического правительства, звучавшие в каждом квартале.

Яромир не стал терять времени, действуя с помощью Себирова и других существ, составлявших «шутовское правительство» Янека. Ему по-скорому объяснили, как налагать Кровавые Узы, хотя бы и неполноценные, и парочка предприняла блицкриг по «вкладыванию в головы» целой толпе объектов их новой цели.

Яромир и Себиров весьма преуспели в своей миссии, учитывая нестабильность момента. Они находили свои цели – целеустремленных демократических революционеров, журналистов, ученых, художников и лидеров студенческих

[35] Одна из площадей в Праге, в районе Старо Место. Ян Палах - студент философского факультета Карлова университета в Праге. 16 января 1969 совершил самосожжение на Вацлавской площади в Праге в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками Советского Союза и других стран Варшавского договора. Ранее носила название Площадь солдат Красной Армии.

групп – и разъясняли им, что их тяга к общественным изменениям основывалась на порочном пристрастии к крови и воле их нового хозяина. С каждым отданным глотком *витэ*, с каждой душой, скованной анахроническим рабством, Яромир чувствовал, как его собственная человечность утекает [подобно песку] сквозь пальцы.

Бессмертная парочка едва не потерпела неудачу 16 декабря, когда речь Вацлава Гавела, произнесенная неделей раньше, была показана в телепрограмме. Яромир был столь увлечен быстротой разворачивающихся событий – событий, которые месяцем раньше он и представить себе не мог – что сдуру утолил свою жажду в районе города, принадлежавшем местному Малкавиану. Он едва избежал быть пойманным Гончей князя и лишь благодаря вмешательству Себирова не попал в еще большую переделку; этот должок заносчивому брату по крови все еще числится за ним.

Какой бы незрелой и грубой ни была стратегия их господина, она сработала. К тому времени, как Президент Вацлав Гавел[36] в последнюю неделю декабря был приведен к присяге перед новым правительством, оно уже не управлялось коммунистической партией, а Яромир располагал более чем дюжиной слуг, связанных Кровавыми Узами. Эти упыри оказались полезными агентам Службы безопасности – подчиненным Себирова; они помогли революции не вылиться в гражданскую войну, а после

[36] В исходном тексте двойная ошибка – в конце 1989 года к присяге был приведен Вацлав Гавел (чешск. Václav Havel), а Президент Густав Гусак (чешск. Gustáv Husák – имя написано неверно) как раз сложил полномочия. Ключевые даты также перевраны: предвыборная речь Гавела транслировалась 16 декабря 1989 года, к присяге в качестве Президента его привели 29 декабря 1989 года.

обеспечили неприкосновенность имущества и владений Янека.

Прошло более двух десятилетий, и Яромир все еще служит прихотям своего господина в городе магии. Идеализм, который – как он когда-то верил – характеризовал его, уступил место гораздо более прагматичному инстинкту, развившемуся из его потребности соперничать за контроль над наиболее ценными слугами и влиянием, сосредоточенным в их руках. Князь Василий был взбешен кампанией вторжения, проведенной юным Цимисхом в период Бархатной революции, и начеркал в адрес Янека жалобу, требуя наказать плутоватое дитя. Более того, князь запретил Яромиру переступать границы Праги, перечислив все его нарушения Традиций и упомянув договор между Янеком Риткой и пражской Камарильей, чтобы подтвердить справедливость своего приговора.

Яромир не обратил на эти угрозы внимания, а Янек счел их смехотворными. Престиж старого Изверга, страх перед тем, что древний воевода замка Кокоржин может начать действовать, – все это привело к тому, что, несмотря на все последующие попрания воли князя Василия, уже не говоря о еще большем количестве мелких преступлений против отдельных Сородичей, юный Цимисх счастливо избежал каких-либо серьезных наказаний Камарильи. Однако эта защита в среде местных Сородичей постепенно изнашивается. Несколько Сородичей уже стремятся убедить князя в том, что Яромира можно уничтожить так, чтобы не разозлить Янека; [по их мнению], это можно сделать сейчас, когда этот юнец послужил цели, ради которой получил

Становление – а он именно юнец, поскольку официально не получил свободы, как того требуют древние обычаи Старого клана Цимисхов. Василий принял эти аргументы во внимание и вскоре может начать действовать в этом направлении, а пока этого не произошло, Яромир продолжает испытывать терпение [обитателей] Башни слоновой кости.

Но даже если Камарилья объявит награду за его голову, Яромир держит в рукаве козырь, побить который будет нелегко и его сиру. Отчасти благодаря доступу к шпионскому оборудованию, полученному при тесном сотрудничестве с Себировым, Яромир стал весьма искусен в обращении с современной техникой, в частности, с компьютерами. Его активность в сети Интернет сейчас превосходит личное взаимодействие, и редкая ночь обходится у него без раскапывания [чужих] секретов, распространения дезинформации, увеличения своего богатства или разорения чужих состояний. В сущности, даже если князь объявит Кровавую охоту на него, Яромир уверен: он собрал достаточно денег, чтобы откупиться от убийц Камарильи. В этом случае он планирует покинуть домен [сира] и отправиться… не все ли равно куда? – предлагая символическую верность любой секте, управляющей территорией, став личностью, неподвластной гнету его омерзительного сира.

Сир: Янек Ритка

Клан: Старый клан Цимисхов

Натура: Победитель

Маска: Идеалист

Поколение: 8

Становление: 1989

Внешний возраст: 20-25 лет

Атрибуты:

Физические: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость 2.

Социальные: Внешность 4, Манипулирование 3, Обаяние 2.

Ментальные: Восприятие 5, Интеллект 4, Сообразительность 3.

Способности:

Таланты: Бдительность 4, Эмпатия 3, Экспрессия 4, Знание улиц 2, Хитрость 2.

Умения: Вождение 2, Огнестрельное оружие 1, Исполнение 3, Скрытность 2.

Знания: Академические знания 1, Компьютер 4, Политика 3, Технология 4.

Дисциплины: Анимализм 2, Прорицание 4, Доминирование 3, Затемнение 2.

Окружение: Контакты 3, Убежище 2, Влияние 4, Ресурсы 2, Сторонники 2.

Добродетели: Совесть 2, Самоконтроль 4, Храбрость 2.

Путь: Человечность 5.

Сила Воли: 5.

Запас крови/Макс. трата в ход: 15/3

Внешность. Яромир может предстать в одном из двух различных образов. В своем обычном и общедоступном обличье он выглядит как соответствующий стереотипам парень «поколения Y»[37], компьютерный фанат в темной

[37] Американский термин для представителей поколения, родившегося в период интенсивного роста высоких технологий (1980-е - 90-е годы), не знавших экономических спадов и нужды; названы по аналогии с "поколением X" (люди, родившиеся в период

толстовке с капюшоном, синих джинсах, кедах и с рюкзаком. Его, худощавого, чисто выбритого, с взъерошенными черными волосами, легко принять за студента. Его сценический опыт служит ему хорошую службу и позволяет легко преображаться, чтобы соответствовать своим намерениям и окружающей публике. Временами, однако, он превращается в бесполое, чужеродное и не всецело органическое существо. Яромир становится похож на икону какого-то жестокого, позабытого духа или демона этих земель, черты его лица грубеют, он смотрится как создание из другого мира, сотворенное для более примитивных времен. Те, кто не знаком с его историей, считают, что Яромир, как многие Цимисхи, просто поработал над внешностью с помощью Изменчивости. На деле Яромир и сам не знает, почему он иногда просыпается посреди дня в этом обличье. Когда его одолевает паранойя, он думает об этом как о физиологическом наказании, наложенном на него старым Извергом или ревнивым Себировым, хотя не имеет понятия, как тому или другому удалось этого достичь. С другой стороны, он слышал о линии крови, называемой Гаргульями, и гадает – может быть, их внешность взывает к крови Цимисхов, из которой, предположительно, поганые Тремеры сотворили этих созданий?

Подсказки для отыгрыша. Вы не находите удовольствия более ни в чем, хотя вы искусны в дергании ниточек из-за кулис, натравливая одного врага на другого и

демографического спада 1961-1981 годов, последовавшего за периодом послевоенного демографического взрыва; поколение, выросшие в условиях возрастающего комфорта, получившие хорошее образование, но безразличные к деньгам и профессиональной карьере, не нашедшие себе применения в жизни)

порождая чувство преданности в тех, кто вкусил вашей крови, даже тогда, когда все незначительные Сородичи Праги стремятся вас уничтожить. Вы скучаете по относительно наивной борьбе за демократию против «железного занавеса» коммунизма, и ваш идеализм то и дело проявляется в символических, но опасных жестах (например, освобождая слугу от Кровавых уз или давая потомку Становление и предоставляя его самому себе в его новом состоянии). В каком-то отношении вы надеетесь, что Камарилья придет за вашей головой – ведь это будет справедливой карой за предательство того благого дела, которому вы посвятили дни своей смертной жизни.

Убежище. Юный Цимисх обитает в маленькой квартирке в сердце города, до потолка забитой компьютерами и аудио- и видеотехникой, включая разнообразные устройства обеспечения безопасности. Он меняет убежище как минимум раз в год, чтобы ускользнуть от врагов, и принципиально никогда никого не приглашает быть своим гостем.

Влияние. Яромир обладает огромным влиянием на «77», сообщество хакеров, основанное им в 2009 году, которое он использует для проведения львиной доли своих операций в сети. Хакеры «77», однако, более умелы в своем ремесле, чем Яромир; он создавал эту группу себе в помощь, однако лишь вопрос времени, когда ее члены обнаружат, кто на самом деле их покровитель, и их реакцию он вряд ли сможет предугадать. Одновременно, без ведома Яромира, Тореадор по имени Майкл Диллон, обитающий на Восточном побережье Соединенных Штатов, наладил связи с ребятами

из группы «77», и хотя ему неизвестно, что патроном этой команды является Яромир, он обнаружил некоторые предательские информационные «дыры», свидетельствующие о присутствии Сородичей.

COLM OLLIVER: Autarkis at Large

(стр. 112-115, требуется переводчик)

Надежда Светоносная: Возлюбленная Дьявола

(стр. 117-121, переводчик: Kharieste)

Только некоторые из Рода известны за пределами города, в котором расположено их логово. Интересы Проклятых практически всегда личные и редко связаны с деятельностью за географическими границами их собственных владений. Вопреки распущенному общественному мнению, возносящему как своих святых, так и страшилищ на искусственные пьедесталы, почти все из Рода проводят большую часть своего существования в решении местных дел. Решение загадок, получение информации, создание произведений искусства, достижение вершин в Мастерстве, наслаждение литературными и кинематографическими произведениями, да и просто наблюдение за чьими-то ночными делишками – все это требует времени. Даже отбросив постоянную охоту за кровью, у большинства из Рода нет никакого интереса связываться с делами других родичей, если они не угрожают их владениям. Даже хваленые Главы кланов и Принцы предпочитают быть первыми в своих сравнительно небольших «деревнях», чем неизвестно какими в «большом городе». Признание и слава влекут за собой огромное количество политических и сверхъестественных обязательств, что создает больше проблем, чем приносит пользы. Хуже того, быть известным среди нежити – простейший путь привлечь к себе внимание охотников как из Родичей, так и из прочих.

Некоторые из Проклятых все-таки стали известными. Не считая полумифических Допотопных и множество

легендарных Мафусаилов, для большинства Родичей таковыми стали старшие, свершения которых создали современное общество вампиров. Например, почитаемый одними и проклинаемый другими Хардештадт известен Родичам по всему миру за свою роль в основании Камарильи. С другой стороны, Франциско Доминго де Полонья, который одно время был архиепископом Шабаша в Нью Йорке, достиг славы благодаря всемирной важности своих владений. В дополнение к этому, некоторые Юстициарии и те, за кем они охотятся, также становятся известными посредством мировых Элизиумов. Но даже Родичам научного склада ума немногое известно о них, помимо имен.

В конечном счете, только горстка Родичей достигла чего-то на пути к истинной славе, стала легендой благодаря своим благо- или злодеяниям. Одной из них, бестией, о чьих подвигах Проклятые рассказывают от Лос-Анжелеса до Санкт-Петербурга, стала Эсперанса Люцифер – Дъявол из Бездны.

По одним источникам, Эсперанса была дочерью испанского флотоводца, который боролся с французскими и английскими буканьерами в водах у берегов острова Гаити. По другим данным, она была проституткой, которую французы привезли на Тортугу, дабы ублажать безудержную похоть местных пиратов. Некоторые считают, что обе истории верные: она была захваченной дочерью лорда, а проституткой ее принудили стать похитители. Какой бы ни была правда, все соглашаются в одном – она была молода и красива, с длинными русыми косами и глазами невероятной синевы – как само море.

Аристократка и проститутка Эсперанса влюбилась в опытного капитана Датской Вест-Индийской Компании, в Хендрика Якобзуна. Он не был идеальным парнем, а фамилию Люцифер взял, чтобы производить большее впечатление на друзей и врагов. Как началась их связь неизвестно, но в 1627 году они вместе были на борту корабля Хендрика, когда случилась судьбоносная встреча с парой испанских кораблей державших путь из Гондураса.

Три корабля Датской Вест-Индийской Компании не могли упустить такую возможность и атаковали испанцев, успешно захватили один из кораблей, но второй сумел вырваться из их когтей. Бой был жестоким, Хендрик был ранен пулей. Забыв о боли, он сражался как одержимый, не только одержав победу, но и захватив богатую добычу в гульденах. Но насладиться плодами победы ему не довелось. В тот же день, в своей каюте, с Эсперансой подле него, он испустил последний вздох.

В ужасе от того, что осталась одна, без защитника, против кровожадного экипажа Хендрика, Эсперанса сломала себе голову в поисках пути, который позволил бы избежать, казалось бы, очевидной и неприятной судьбы. Она придумала план, включавший воображение, самоконтроль, всю силу воли, которую она смогла собрать и немалое количество рома. Ободренная выпивкой и тем, что она видела единственной надеждой на спасение, облаченная в одежду из гардероба свежепреставившегося любовника, вооруженная его пистолетом и рапирой, юная девочка исчезла в этой пропитанной кровью каюте, и новый капитан корабля поднялась на палубу.

Экипаж был изумлен поступком Эсперансы, все решили, что это шутка и высмеяли дерзость женщины. Но смех умер, когда один из пиратов посмел схватить ее и обнаружил правило вежливости Самопровозглашенного Капитана Эсперансы Люцифер у себя в брюхе – пятнадцать сантиметров стали. Это дало ей достаточно времени, чтобы кратко описать экипажу, что их ждет в руках испанцев, если они откажутся ей подчиняться. Она и сама была удивлена открывшемуся дару убеждения и в ужасе ожидала, что этого окажется недостаточно для голодных и пьяных матросов, но многие устали, были ранены и не жаждали крови. Они получили золото и не хотели ничего, кроме как вернуться в порт, чтобы насладиться своей долей добычи. А до тех пор, экипаж вполне мог относиться к ней так, как она этого хотела.

Первоначальный план Эсперансы – сбежать, как только корабль причалит – не сбылся. Возможно, ей было некуда идти, а, может быть, судьба без привычного экипажа страшила ее сильнее, чем с ними. А может, она просто поняла, какие возможности открывает перед ней роль капитана пиратов. И снова, большинству Родичей безразличны мысли, которые двигали ею в тот момент. Для них важно только то, что случилось спустя несколько лет, во время второй встречи в открытом море, когда она должна была принять решение, которое перевернет всю ее жизнь.

Слухи о «мятеже» капитана Люцифер широко распространились особенно на Тортуге и среди тех мореходов, кто был частым гостем этого печально знаменитого портового города. Эсперанса стала одной из

самых разыскиваемых пиратов, когда испанцы повторно захватили город в 1654, но проявила чудеса смекалки и успешно избегала поимки. Но сколько веревочке ни виться, а конец будет. И ее собственный корабль, нареченный «Подружкой Дьявола», все-таки встретил силу, которую не смог одолеть и от которой не смог скрыться.

Врагом Надежды стал не другой корабль, а таинственный гость, появившийся на палубе одной особенно штормовой ночью, – повелитель соленых волн, слывший непобедимым. Древний Ласомбра – кто-то считает его Мафусаилом – явившийся из глубин бушующего моря. Его неодолимо влекло к харизматическому капитану пиратов. Под покровом неестественной темноты и проливного дождя вампир тенью проник в каюту капитана Эсперансы и представился. Рассказчики этой истории жарко спорят о его имени и даже о поле, но несомненно, что вампир был силен. По одной из версий, Ласомбра был из Допотопных, в оцепенении спал в глубине моря со времен Великого Потопа, и пробудился от принесенной течением горячей капли крови капитана Эсперансы.

Древний высушил почти половину экипажа, утоляя свой безбожный голод, прежде чем войти в спальню капитана. Это позволило ему при встрече и знакомстве с полусонной женщиной соблюсти все приличия. От невероятной мощи его присутствия и его историй, в которые невозможно поверить, Эсперанса потеряла дар речи. Когда же она смогла ответить, в легендах говорится, что она согласилась стать такой же, как и ее ночной гость, только с тем условием, что ей будет позволено сохранить корабль и экипаж, которые, видимо,

стали целью ее жизни. Ласомбра дал ей слово, что она сможет поступать так, как захочет, а после этого освободил силы чернейших океанских глубин, и она утонула во мраке его Объятий.

О том, чем занималась и где находилась Эсперанса следующее десятилетие информации немного. Некоторые из Детей Ночи предполагают, что какую-то часть этого времени она следовала за Отцом, изучая пути Проклятых и выполняя его приказания, какими-бы они ни были. Достаточно сказать, что в 1666 Подружка Дьявола снова стяжала славу и себе, и своему проклятому капитану. К этому времени, несмотря на то, что за кораблем числилось немало актов обычного пиратства, настоящие цели его капитана представляли неподдельный интерес для Родичей. Главной задачей Эсперансы стало уничтожение тех Ласомбра, которые отказались примкнуть к Шабашу, уничтожение отступников и предателей, что присоединились к силам Монтано и оказывали поддержку Камарилье и их «разумному» пути. В других историях повествуется о более корыстном поведении Подружки Дьявола, например, контрабандной доставке отступника Ласомбры – Алудиана Текса – в новый свет. Во имя чести ли, золота ли, но Подружка Дьявола представляла собой не малую силу в морском флоте Родичей.

По всему карибскому морю и Атлантике Подружка Дьявола охотилась на сбившихся с пути Ласомбра, многие из которых и сами были пиратами. Пожалуй, само собой разумеется, что самые впечатляющие битвы происходили при свете луны, хотя ее экипаж, состоявший по слухам из нежити или призраков, обладавших некоторым количеством

сверхъестественного дара, не брезговал использовать преимущества солнечного света, чтобы захватывать чужие суда и избавляться от врагов капитана. Чем больше становилось историй об Эсперансе, тем больше усилий прикладывала Камарилья к ее поимке, не столько для защиты отступников Ласомбра, сколько для обеспечения безопасности собственных финансовых интересов.

Говорят, что в искусстве Помрачения, которое идеально ей подходило, Эсперанса, как и ее Предок, достигла впечатляющих результатов. Например, есть байка, что как-то раз ей и еще одному кораблю отрезала все пути к отступлению флотилия из шести боевых судов, рассказывают, что за этим стояла Камарилья. В тот момент, когда второй корабль пошел ко дну под залпами пушечного огня, и ее ожидала та же судьба, капитан Люцифер воззвала к безднам в глубине океана, и из них явился мифический Кракен – чудовище из ночных кошмаров, чьи ужасные щупальца поднялись из волн и утянули на дно все вражеские корабли. Из моряков же ужасная тварь выпила саму жизнь, полностью их обескровив, прежде чем отправить в рундук Дэви Джонса.

Многие считают, что Эсперанса поглощала души врагов иногда с помощью колдовства (Diablerie), а иногда и с помощью гораздо более темных ритуалов, если такие вообще бывают. Эта и многие другие небылицы обеспечили широкую известность Возлюбленной Дьявола – сначала ее кораблю, а потом так звали и саму Эсперансу. В историю Родичей она вошла в качестве фольклорного персонажа, хотя многие не сомневаются в существовании и реального прототипа. Даже некоторые из ее стаи, служившие офицерами на ее флагмане

и других судах ее пиратского флота, снискали известность. Особо омерзительный Цимисх по прозвищу Мясник, проводивший ритуалы (Ritae) на Возлюбленной Дьявола и замеченный в колдовстве (Diablerie) не менее четырех раз, был убит неким не слишком известным Гангрелом в 1708 недалеко от Флорида-Кис. Другой член стаи, отступник Тореадор по имени Могровехо убил троих Вентру, в их числе и наследника Принца Лондона, который отправился из Америки в Англию в 1811.

Несмотря на то, что золотой век пиратства закончился в середине восемнадцатого века, имя Эсперансы Люцифер выдержало испытание временем. Вместо того чтобы раствориться и уйти в тень вместе с рассказами о пиратской жажде наживы и великих морских сражениях, Возлюбленная Дьявола не давала Родичам позабыть о себе.

В 1812 году Эсперанса встала на сторону США в недавно объявленной Британии войне. Не привлекая лишнего внимания, она наняла экипаж в Балтиморе и под видом капера на службе США начала терроризировать королевский флот. На самом же деле, в качестве целей чаще всего выбирались корабли, которые по слухам перевозили родичей из Камарильи – теперь Возлюбленная Дьявола обрушила свою ярость не только отступников своего клана, которых осталось слишком мало, но и на всю эту группу в целом. Корабли капитана Люцифер нанесли от имени Шабаша несколько очень сильных ударов и не менее двадцати родичей нашли последнее упокоение в холодных глубинах Атлантики.

Не многие из родичей знают, что к концу 18 века Эсперанса устала бороздить просторы океанов в поисках новых жертв. Она сомневалась, что ей удастся поймать многих предателей Ласомбра да и тяжелые путы опустошенности, что сковывают столь многих из детей Каина, постепенно вытеснили все былые страсти, кроме очень немногих. Тяжесть ли древней крови Предка в ее мертвом сердце, или ее утрата человечности как неотъемлемая часть наследия Шабаш, или еще что-то из глубины моря, но она устала от существования. Она столь редко участвовала в Волдери, что ее Винкули с членами стаи стали столь слабы, что уже не могли удержать ее от той тьмы, что постоянно взывала к ней и лишала ее дневного сна.

В 1802 втором она поддалась зову бездны. Пока ее стая готовилась к Кровавому Пиру в честь беспомощного торгового корабля, появившегося на горизонте, она вызвала из глубин то самое проклятое чудовище – воплощение тьмы и зла *извне*, которым умел управлять Предок. Она призвала его и, спасшись на шлюпке, натравила порождение бездны на свою стаю. Никто кроме нее не выжил. С помощью ума и своего впечатляющего дара ей удалось добраться до Балтимора и раствориться в толпе оживленного портового города.

Какое-то время Эсперанса избегала общения с проклятыми. Она задействовала некоторые из контактов среди скота, чтобы получить доступ к своему богатству, умело вложенному в дело по всему побережью Атлантики, но во всем остальном она старалась «не высовываться» и перестала использовать свое печально-известное имя. Где-то

внутри у нее жило сожаление о том, что она сделала со своими родными из Шабаша, но недостаточно сильное, чтобы пойти на искупление. Более она не была капитаном Эсперансой Люцифер, она стала просто вампиром в поисках видимости успокоения и уединения, которые недостижимы, пока сильны связи с другими. Одинокая, она собиралась вернуться в океан или куда бы там ни было, где она смогла бы найти Предка. Она не знала, почему ее Древний Отец обратил ее, и просто желала быть рядом с ним среди мрачнейших теней мира.

Вмешалось тщеславие. Та небольшая часть, что осталась от Возлюбленной Дьявола, совсем не хотела смерти своей легенды. И она приняла решение, что обратит наследника и передаст протеже свою личность и созданное наследие, прежде чем отправится в путешествие. Война 1812 только начиналась, а Эсперанса уже нашла преемницу. Мэри была не более чем девчонкой, когда однажды во мраке ночи к ней пришел гость. Возлюбленная Дьявола предложила больше, чем предлагали ей, лишь бы уйти в тени навсегда. Мэри была девушкой из рабочей семьи, без особых заслуг, но с той уверенностью в себе и полным бесстрашием, которые и привлекла к ней Эсперансу. Она на лету схватывала все, чему ее учили. И когда по побережью пронесся слух, что Возлюбленная Дьявола набирает экипаж – откликнулся не только скот, но и проклятые. Живые, конечно же, были уверены, что это не тот корабль. Да и как иначе, если со времени появления первых историй прошло больше века. Дети Каина же пребывали в сомнениях, но когда в свете костра на побережье Мэриленда группе Шабаша капитан

представилась лично, и они поверили, что она – та самая легендарная капитан Люцифер.

Чтобы убедиться, что с ее новообращенной все будет в порядке, Эсперанса оставалась с ней еще несколько лет, она взяла ее имя – Мэри, и для всех стала ее «ребенком». Так старшая Ласомбра могла продолжать учить «новую» Эсперансу всему, что необходимо, как для управления флотом, так и для командования стаей диких детей каина из Шабаша. Спустя несколько лет, где-то в карибском море, там, где «Мэри» сильнее всего ощущала зов крови Отца, она попрощалась с новой дочерью и исчезла в океане, сгинув в волнах. Теперь у Шабаша снова осталась только одна Эсперанса Люцифер.

Новая Эсперанса оказалась не менее умелой, чем ее предшественница, но ее интереса к морской нежизни хватило до середины девятнадцатого века, когда она решила расстаться со своим наследием и перебраться на сушу. Только некоторые из стаи остались с ней, когда она решила отвернуться от океана. Но полностью экипаж Возлюбленной Дьявола не распадался никогда. Как раз наоборот, они сослужили хорошую службу своей секте, организовав несколько акций в Америке, направленных против Камарильи. Ее стая успешно сеяла панику и разоряла запасы жизни восточного побережья от Флориды до Бостона. Размер стаи тоже менялся от двенадцати вампиров, до четырех, но крепко связанные Винкули они всегда были силой, с которой стоило считаться.

Следующие два века разбойная банда Эсперансы Люцифер не слишком элегантно, но очень эффективно –

огнем и мечом – прошлась по землям Камарильи. Но на самом деле в их действиях не было ни грана импровизации, только точный расчет. Несмотря на то, что большая часть стаи никогда не была в курсе, сама Эсперанса и ее ближайшие помощники всегда очень аккуратно выбирали, что стае стоит делать и чего избегать. Конечно, уничтожение самодовольных родичей из Камрильи – само по себе достойная цель, но у внутреннего круга стаи всегда была еще одна, более важная: покончить с кочевой нежизнью и наконец-то стать оседлой стаей. Публично осуждая связи Камарильи со скотом, с их деньгами, стая взяла методики врагов на вооружение, чтобы преумножить наследство Эсперансы, доставшееся ей от Матери. Эсперанса не теряла времени. За прошедшие века она изучила экономику и научилась обращаться с деньгами, поняв их важность даже для неживых. Она поняла, что без крупных финансовых возможностей, Шабаш, в конце концов, окажется не у дел. Деньги же позволят нанимать верных агентов среди скота, и она сможет защитить себя от всех тех врагов, которыми она уже успела обзавестись.

Пока ее стая вырезала скот и грабила логова старших во имя Шабаша, она, пользуясь паникой, прибирала к рукам все возможное имущество: деньги, необеспеченные долговые обязательства, облигации на предъявителя, договоры дарения, и все остальное, до чего удавалось дотянуться. Чтобы управляться со всем этим, она создала небольшую сеть бухгалтеров, юристов, бизнесменов и бюрократов, изолированных друг от друга, но за небольшую долю доходов готовых перейти грань закона. Несомненно, Дочка

Дъяволицы взяла у своих врагов из Камарильи все то, что могло послужить ей.

На рубеже 20 и 21 века, Эсперанса, как и ее мать, почувствовала ту самую странную тягу домой, пробудившуюся в ее крови. Она решила сойти со сцены и отправиться на поиски своего кровного предка, оставив хитросплетения этого все усложняющего мира, стоящего на пороге Последних Ночей, своей преемнице. Поискам следующей Капитана Эсперансы Люцифер были посвящены последние несколько лет ее жизни. Она не чувствовала за собой права уничтожить переданное ей наследие. Когда она найдет новую Возлюбленную Дьявола, она обучит ее так же, как обучали ее саму, и освободит дитя как свое воплощение. Хотя, теперь уже учить будет как лидера стаи Шабаша, а не капитана корабля. Она понимала, что для этого также потребуется уничтожить свою стаю, чтобы никто не знал правды. Для этого она старалась изо всех сил ослабить свои Винкули, что, конечно, давалось ей дорогой ценой.

Скоро взойдет звезда новой Эсперансы Люцифер, и она выступит в роли, которую сделали столь ужасающей ее предки Ласомбра.

Предок. «Мэри».
Клан. Ласомбра.
Суть. Капиталист.
Поведение. Бонвиван.
Поколение. Пятое.
Обращение. 1812.
Видимый возраст. 18-19 лет.

Физические данные. Сила 3, Ловкость 5, Выносливость 4.

Социальные данные. Харизма 5, Манипуляция 3, Внешний вид 4.

Умственные данные. Восприятие 2, Образованность 3, Сообразительность 4.

Таланты. Осведомленность 2, Скандальность 4, Угрозы 2, Лидерство 4, Хитрость 2.

Навыки. Огнестрельное оружие 3, Рукопашный бой 4, Незаметность 2.

Знания. Финансы 3, Политика 2, Технологии 2.

Мастерство. Химеры 1, Доминирование 5, Мужество 2, Помрачение 5, Могущество 2.

Биография. Связи 3, Слава 1, Ресурсы 6, Слуги 2, Ритуалы 3, Статус (Шабаш) 2.

Добродетели. Убеждение 2, Инстинкты 3, Смелость 4.

Кредо. Пути ночи 3.

Сила воли. 5.

Общее количество крови/Максимум в ход. 40/8.

Внешний вид. Эсперанса предстает чертовски привлекательной владелицей ночного клуба с длинными каштановыми волосами и глубокими сине-зелеными глазами. Она предпочитает кожаные штаны, корсеты и мотоциклетные куртки и всегда носит кожаную ленту-ошейник. Она всегда ходит с гордо поднятой головой и всегда готова к следующему вызову, который предложит судьба. Она ревностно защищает свои секреты и у нее всегда с собой как минимум один пистолет, хотя, обычно, при ней гораздо более серьезный арсенал.

Ролевые хитрости. Вы – легенда, во всех смыслах этого слова. Отыгрывайте это. Вы обожаете рассказывать всем вокруг, ну или, по крайней мере, близким, истории о ваших подвигах, оценивая их при этом и прикидывая, как вы сможете использовать их в будущем. Но за задорной маской скрывается ваша усталость и желание вскорости передать кому-то другому ношу, взваленную на вас вашей Матерью. Оставайтесь на гребне волны, но когда придет время – нырните, и во тьме, которая взывает к вам из глубины моря в каждом сне, вы, наконец, найдете успокоение.

Убежище. Эсперанса постоянно в движении, поэтому у нее подготовлено много убежищ по обоим берегам Атлантики, о большей части которых никто в ее стае не знает. Большая часть этих убежищ именно такая роскошная, какой и должен быть дом богатого наследника, но есть немало менее пафосных и прагматичных. Путешествуя со стаей, она использует в качестве убежищ самые разные здания – от автомобильных гаражей до заброшенных офисных зданий. Из наследства она тратит ровно столько, сколько нужно для обеспечения ее безопасности, а о большей части ее благосостояния не знают даже ближайшие соратники по Шабашу.

Влияние. Эсперансе принадлежит неожиданно большой объем финансовых средств, вложенных в самых разные предприятия. Обычно, для управления своей империей она использует марионеток, но не постесняется и сама вмешаться, если это понадобится. Если бы ей пришло в голову собрать все свои ресурсы и влияние в одном городе, она могла бы конкурировать с любым из Принцев Камарильи,

но это подставило бы ее под удар. Продолжая действовать так же, как и всегда, она никогда не становится слишком «настоящей» для своих врагов, что позволяет ей не подвергать риску легенду, созданную с таким тщанием.

Замечания переводчика

В истории есть какая-то нестыковка. В 1812 году она (первая Эсперанса) выступила на стороне США в войне с Британией, но уже в 1802 она перебила свою стаю и в 1812 нашла преемницу. Довольно странно. Можно списать, конечно, что все это басни и точные даты неизвестны, но все равно что-то тут не так.

В конце статьи, где приведены вводные данные персонажа, видимо, тоже ошибка. Указан год обращения 1812. Но сама Мэри начала дочку искать только в конце 20 века. Если же играть предлагается за собственно Мэри, тогда непонятно почему ее Sire тоже указан как Мэри, хотя должна быть первая Эсперанса.

Esperanza Lucifer – вопрос со сквозным глоссарием имен и названий открыт. Да, если переводить дословно, то ее зовут Эсперанса Люцифер. Но Надежда Светоносная мне лично нравится гораздо больше.

Глоссарий

Antediluvians – Допотопные, в русском варианте звучит бредово, т.к. имеет явно негативно-юмористический оттенок, но сам термин переводится именно так.

Antitribu – Отступники.

Cainite race – дети Каина.

Camarilla – Камарилья.

Childe – обращенный, «ребенок».

Damned – Проклятые.

Davy Jones’ Locker – рундук Дэви Джонса. Вообще, означает могилу моряка, без какого-либо страшного смысла. Но, возможно, что в WoD есть какая-то особенность.

Diablerie – колдовство. Но, судя по контексту, это какое-то специальное очень темное запретное колдовство. Но какой именно термин использовать, я не знаю. Рядом с переводом в скобках оставил оригинал, чтобы можно было быстро заменить.

Discipline – Мастерство.

Domain – владение.

Elysiums – Элизиумы, видимо, во вселенной WoD имеет какое-то особое значение.

Embrace – объятия, обращение.

Final Death – последнее упокоение.

Francisco Domingo de Polonia – Франциско Доминго де Полонья.

Hardestadt – Хардештадт.

Justicars – Юстициарии, видимо, во вселенной WoD имеет какое-то особое значение.

Kindred – Род.

Kine – скот.

Lasombra – Ласомбра, встречается в некоторых текстах на этом и прочих сайтах. Хотя, на мой вкус, лучше было бы «Тени» или «клан Теней».

Methuselahs – Мафусаилы.

Night Clan – Дети Ночи.

Obtenebration – Помрачение.

Primogen – Глава клана.

Princes – Принцы.

Quite young and quite beautiful – от «Довольно молода и красива» до «Юна и прекрасна». Мало контекста.

Ritae – ритуал, но опять-таки, похоже какой-то четко прописанный в правилах.

Sabbat – Шабаш.

Sire – Отец, Мать. Можно безболезненно заменить на Предок.

To fed on – дословно, съесть, насытиться ими. Вроде бы также встречается такой вариант в русских книгах, как выпить, осушить. Не знаю, как питаются вампиры в WoD, на что это больше похоже.

Tzimisce – Цимисх.

Unlife – нежизнь.

Vaulderie – Волдери – шабашская кровавая или кровная, непонятно без контекста, оргия братания.

Vinculi – Винкули – кровная или какая-то магическая связь между членами стаи, смотри Волдери.

Апация: Царица Склепов

(стр. 123-128, переводчик: Savaoth)

Она зовется Царицей Склепов теми членами Шабаша, кто знает ее легенду. Формально Епископ, Апация Скифская – оторва на мотоцикле, часто выбираемая для проведения крестовых походов против врагов Меча Каина в тех случаях, когда другие только пытались, но тщетно.

Немало сосунков серьезно ошиблись, полагая, что татуированная предводительница банды мотоциклистов довольно молода, так как она легко принимает некоторые элементы современного общества. Такая ошибка может стать смертельной. Апация родилась как рабыня Игратта, воина паралатов (народности, которая Геродотом называлась скифами[38]) в степях Евразии, около пяти столетий до рождения Христа.

Мать Апации была слепа, это было довольно обычным делом для скифских рабов, а ее хозяин играл так же роль отчима. Когда девочка родилась, Игратт утверждал, что она его крови, с намерением впоследствии продать ее в рабство, так как его хозяйство нищало. Так, ей позволили сохранить зрение.

Апация росла в доме отчима, служа его жене. Она помогала своей госпоже с бесчисленными обязанностями, которые должны были выполняться женой воина, содержа их дом в чистоте и порядке. Она так же внимала нуждам дамы,

[38] В оригинальном тексте названия употреблены не совсем корректно. Геродот называл паралатами правящую скифскую династию, берущую начало от Колаксая, а не всех скифов вообще, поэтому ставить знак тождества между терминами нельзя (т.е. все паралаты – скифы, но не все скифы – паралаты).

таким, как интимный уход мазями, сделанными из кедра, кипариса и ладанного дерева. Когда девочка подросла, на нее так же была возложена обязанность чистить оружие и броню отца.

Жена Игратта не родила ему детей, поэтому, когда Апация доросла до определенного возраста, он начал обучать ее военному ремеслу, которому она страстно предалась. Скифы почитали воинов-женщин так же, как и мужчин. Они были известны своей свирепостью; представители эллинских народов несли истории об этих женщинах в свои земли, так же как и об Амазонках.

Ее первая битва состоялась, когда ей было четырнадцать, и тогда Апация впервые убила человека. Ее отец провел полагающуюся церемонию в честь первого убийства: она испила крови поверженного врага, отрезала ему голову, освежевала ее и сделала из нее кубок. Дубленая кожа его головы свисала с ее поводьев.

Паралаты защищали древние гробницы своих царей. Когда царь умирал, жрецы мумифицировали его тело, начиняли его нарезанным кипарисом, ладаном, семенами петрушки и аниса, покрывали его воском и клали на похоронную повозку. Эту повозку провозили по всем стоянкам скифских племен, дабы они смогли увидеть останки царя и воздать ему последние почести. Паралаты были последними, кто видел почивших царей, так как впоследствии они охраняли их гробницы.

Когда Апации было пятнадцать, Энари[39], женоподобные мужчины-предсказатели, провели свои обряды над амулетами из липовой коры и предвидели, что Апации предстоит стать царицей склепов, хранительницей мертвых. Хотя это значило, что она уже никогда не сможет идти военными походами, эта должность была огромной честью, и она приняла пророчество, поклявшись всегда охранять покой мертвой знати. В подтверждение своей клятвы, она испила из глиняной чашки вина, смешанного с несколькими каплями своей крови.

Обращение

Хотя она и была повышена в статусе, выбрав роль хранителя гробниц царей от расхитителей, жаждущих наложить руки на сокровища, с которыми хоронились великие скифы, Апация находила свой долг скучным. Она продолжила тренироваться, чтобы скоротать время. Именно такую, заскучавшую, неугомонную молодую женщину-воительницу нашел облаченный в темные одежды Маленчен.

С приближением рассвета, Апацию разбудил скрежет камня. Маленчен пытался открыть проход в гробницу Ариланна. Она обнажила клинок, но лазутчик связал ее волю и принудил ее выпить его крови. Он поселился в гробнице, приказывая Апации охранять нового хозяина, пока он спит. Глубоко в катакомбах, он писал, нанося чернилами из грецкого ореха и оливкового масла свои странные знаки на

[39] Реально существовавшие скифские шаманы, имевшие андрогинную или женственную внешность. Согласно Геродоту, все потомки скифов, воздвигших в Ашкелоне Храм Афродиты, были поражены ею «женской» болезнью. Гиппократ утверждал, что такая внешность – следствие половой дисфункции, вызванной постоянной ездой в жестком седле. Такие люди принимали на себя женскую роль предсказателей и шаманов.

бумагу, и Апация была этим заинтригована. Он предложил ей обучение, но она отказалась, так как ее народу письмо было ни к чему.

Так продолжалось три года, пока Маленчен не получил призыв, о котором Апация не могла знать. Перед своим уходом, однако, он Обратил хранительницу гробницы, повелевая ей охранять убежище в его отсутствие. Его отлучка длилась всего несколько лет, в течение которых Апация изучала искусства мертвых, нашептываемые ее предками. Величайшие скифские цари научили ее не только оккультным таинствам, но так же военной тактике и боевым навыкам, которыми они владели при жизни.

И тогда началась война с персидским царем Дарием.

Первое столкновение с персами прошло не очень хорошо, завершившись почти полным истреблением Авхатов, племени, в чьи земли персы вторглись изначально. Когда скифский царь пришел в гробницу своих предков, ища совета, явилась Апация.

Утверждая, что она говорит от имени предков, она убедила его сделать то, чего персы не ожидали. Племя воинов вообще не должно биться с персами. У скифов не было ни городов, ни крепостей, требующих защиты. Они не должны вести войну так, как если бы им было, что охранять. Следуя ее наущению, скифский царь гнал персов по землям, которые скифы знали куда лучше, чем захватчики, атакуя их малыми отрядами и исчезая.

Скифы никогда не сталкивались с персами в открытом бою. Апация самостоятельно провела несколько ночных нападений, демонстрируя ужасающее боевое мастерство и

жажду крови, наложенную на нее Обращением. Вскоре, слухи о внушающей трепет Скифской Царице Мертвых уже ходили среди персов.

В одну из ночей, когда Апация вела атаку, она встретила другого мастера смерти в рядах Дария. Они вдвоем отлучились от боя, пока смертные продолжали сражаться. В разговоре с ним, она объяснила, что ее племена не будут сражаться до последнего, а будут истреблять нападающих персов, поколение за поколением, если их вынудят. Некромант заверил ее, что персы всего лишь хотели пройти через скифские земли дальше, к более отдаленным врагам. Выпив по части витэ друг друга, они разошлись, и вскоре персы покинули степи скифов.

Странствующая Воительница

Со временем, Апация оставила своих людей и отправилась путешествовать по Европе и Северной Африке, исследуя множество живших там народов. Именно во время этих странствий она впервые встретила представителей своего клана, тех, кого Маленчен называл «Каппадокийцами». Апация казалась им странной родственницей-варваром, хоть и довольно могущественной для ее малых лет.

В течение этого времени, Апация нашла применение своим боевым навыкам в служении нескольким Каппадокийцам в качестве защитницы. Она часто упоминалась с черным юмором, мол, она была так же хороша, как и любой другой Каппадокиец, только вот ее единственный талант в деле смерти в том, чтобы делать

мертвых. В этот период она пыталась изучать Путь Костей, но сочла эту философию отталкивающей и неясной, приносящей только быстрое и ужасающее увядание ее человечности, непроизвольно сближающее ее со Зверем.

Ее репутация среди Каппадокийцев улучшалась, и даже Ламия[40], чья Кровная Клятва[41] была защитой для клана смерти, начали относиться к ней с уважением. Эти годы она провела в почти непрерывном конфликте. Ей было больше четырех столетий на тот момент, когда она вновь встретилась со своим Сиром, которого сам Монах Каппадокии прислал для специального проекта.

На вершине горы, известной как Аргей[42], располагалось владение вампирского культа, поклонявшегося Осирису. Каппадокий страстно желал заполучить эту крепость для своего клана, и еще больше желал получить доступ к собранным культом архивам, в которых содержалась информация о Загробном Мире. Хотя Апация и не была самой старшей и не обладала самой сильной кровью среди тех членов клана, кто собрался в их первую и единственную военную кампанию, она все-таки была наиболее способна в бою. Апация провела наступление против вампирского культа Осириса и отбила у него домен, который потом был назван Эрджияс[43]. Каппадокий осыпал ее почестями, и она осталась

---

[40] Ответвление клана Каппадокийцев, берущее начало от Ламии, которая была обращена Лазарем, потомком Каппадокия. Ветвь Ламия хоть и верна Каппадокийцам, но все же держится особняком от основного клана и почитает Лилит.

[41] Анахронизм, использовавшийся для обозначения Уз Крови.

[42] Оригинальная форма названия Эрджияса, произошедшая из древнегреческого языка.

[43] Стратовулкан, расположенный в центральной Анатолии, в 25-ти километрах от Турецкого города Кайсери.

в Эрджиясе на несколько смертных поколений, заведуя его безопасностью и защитой.

В это время, клан обнаружил новоявленный культ умершего и воскресшего мессии из Иудеи. Они пригласили проповедников этого культа в Эрджияс для бесед и обучения у них.

Одним из этих проповедник был человек по имени Рудори, ранее военный тактик, который оставил свое ремесло ради размышления над Христианским учением. Рудори и Апация провели много времени вместе, обсуждая былые подвиги, делясь друг с другом тайнами. Со временем, она Обратила его, хоть он уже и видел больше пяти смертных поколений на тот момент.

В скором времени, однако, обитатели Эрджияса начали возмущаться тому, что у Апации нет интереса к их философии и учениям. Многие из них считали ее позором для клана, так как она упрямо оставалась неграмотной. Те, кто упрекал ее за ее невежество, в ответ получали ее презрение к их одержимости письменами на бумаге. Те же, кто продолжал поднимать проблему, встречались лицом к лицу с боевым мастерством Апации, что ставило под угрозу их не-жизни.

Со временем, старейшины клана попросили ее покинуть Эрджияс, так как считали ее дикость пагубной. Вместе с Рудори, Апация ушла из крепости, и несколько лет они вдвоем странствовали, пока не нашли город Каймаклы[44]. Ученые наклонности Рудори позволили ему вполне неплохо

[44] Подземный город в долине Каппадокия, на территории современной Турции. Город выдолблен в мягкой вулканической породе – туфе. Ранее он служил убежищем для первых христиан, ныне же является туристическим объектом.

здесь пристроиться, и хотя Апация пользовалась почестями, которые Каппадокийцы из Каймаклы отдавали ей за ее возраст и достижения, ей было здесь некомфортно. Впавшая в меланхолию и сварливость Апация нашла в подземном поселении место упокоения, погрузившись в торпор на несколько десятилетий.

Возвращение Варварства

Когда Апация очнулась ото сна, Рим уже был на грани распада. Она обнаружила, что почти весь ее клан пал в благоговение перед Воскресением Христовым, следуя за Каппадокием, который не так давно пробудился из торпора с божественным провидением. Она отправилась в Рим, чтобы навестить своего Сира, который нашел свое место в высших эшелонах римских Каппадокийцев.

Рим ей нравился не больше, чем Каймаклы или Эрджияс, и остановилась она там всего на год, перед тем как отправиться в странствия вновь. На сей раз, она вернулась домой, в древние гробницы царей своего народа. Скифы канули в Лету, и земли, которые они некогда населяли, пустовали в тишине.

Тем не менее, она осталась там, в своей гробнице. Духи ее предков все еще находились здесь, но на грани безумия, в мучениях ожидая совершения древних скифских ритуалов. Апация по памяти провела эти обряды, и хотя она знала, что совершила их не совсем подобающим образом, все же казалось, что ее предки теперь обрели некоторый покой.

К тому времени, как до нее дошло слово о падении Рима под натиском племен, она была готова вновь увидеть мир. Сначала она отправилась в Рим, в поисках своего Сира. Его

там не оказалось, как и остальных членов ее клана, хотя она подозревала, что некоторые из них скрылись в гробницах под городом, почитаемых Мессианами[45] как место упокоения последователей их Господа.

Во время своего пребывания в Риме, она встретила свое Дитя – Рудори. Он пытался убедить ее принять Писание и Крест ради спасения души. Она лишь осмеяла его за его мягкость и оторванность от жестокой реальности и ушла, с новой целью. Услышав впечатляющие истории о ратных подвигах племен, которые разорили неприступный Рим, она захотела найти их, чтобы увидеть воочию.

В последующие несколько столетий, Апация странствовала среди людей, которых считала потомками скифов, начиная с племен готов, затем продолжая путь дальше на восток, находя новое племя и оставаясь с ним до тех пор, пока не услышит легенды о других восточных племенах, которые напоминали ей скифов. Куда бы она ни отправилась, она представлялась перерожденной королевой-воительницей или гневной предшественницей, делая гробницы знати своими убежищами.

В России, Апация была признана как царица несколькими племенами под общим названием авары, обитавшими в мерзлом Сибирском Ханстве. Эти племена завоевали ее сердце, так как в них она видела отголоски своей родни. Аварских воинов, которые ее превозносили, она обучала традициям воинов-кочевников, и они процветали на протяжении поколений.

Однако избранный Апацией народ вновь встретился с захватчиками. На сей раз, угроза шла от Кубрата

[45] Христианами.

Болгарского[46], и опять же она обнаружила сверхъестественные силы в стане врага. Но теперь это были не Сородичи, а оборотни, покрытые серебристым мехом и имевшие царственную осанку. В битве с Апацией многие из них пали, но в конечном итоге чаши весов склонились в их пользу, и они оставили ее с сильными ранениями. Она ушла в ледяные пустоши Сибири, захоронив себя в гробнице царицы-воительницы, чьи люди предшествовали народу аваров.

Наследие Праха

Апация вероятно никогда бы не проснулась из торпора, если бы не монголы, которые вторглись в ее гробницу, впоследствии обнажив клинки друг против друга. Пролитая ими кровь разбудила в Апации Зверя, и она поднялась из гроба - голодное чудовище с того света, с кожей, белой как горный снег. Когда чувства вернулись к ней, она уже была насыщена горячей кровью степных кочевников. Она поплелась наружу, в полуночные снега, чтобы увидеть, что стало с миром.

Была заря тринадцатого столетия, и потомки Кубрата судя по всему сами были повержены монголами, вероятно около поколения назад. Апация отправилась на юго-запад, в Каймаклы, дабы найти свое Дитя. Потерянная и неуверенная, она избегала основных маршрутов, идя через глушь до самого подземного города.

Вместо маленького, комфортного города, выкопанного в земле, она обнаружила огромный мавзолей. Подступы были запечатаны валуном, на котором было написано великое и

[46] Основатель и правитель Великой Болгарии, конфедерации, в VII веке н.э. занимавшей некоторые территории нынешней Украины, России и Северного Кавказа.

ужасное проклятие Каппадокия, которое действовало на всю территорию вплоть до границ города. Апация не могла войти, но после сна за пределами печати следующей ночью, она проснулась с неоспоримым знанием того, что не только ее Сир был внутри гробницы, но так же и ее Дитя.

В ярости она попыталась сломать печать, но безуспешно. Разгневанная, она отправилась на поиски своего клана в близлежащий Диренкую[47]. Там, молодые Каппадокийцы рассказали ей о Банкете Безумия[48], о требованиях Каппадокия к клану и о том, как были заперты за камнем-печатью в Каймаклы те, кто этим требованиям не соответствовал.

Царица Склепов обратилась к Монаху Каппадокии в Эрджиясе, требуя от него, чтобы он освободил ее Сира и Дитя из заточения, но безрезультатно. Каппадокий спал, и его Дитя-любимчик Иафет не дал ей доступа к своему Сиру. Более того, он заявил, что не только Рудори и Маленчен заслуживали своей участи, но что и она должна быть сейчас рядом с ними.

Он отказал ей в ее требовании крови[49], назвав ее «инфитиоре»[50]. Хотя Апация и не была ему ровней ни по возрасту, ни по силе крови, она была убежденным воином, тогда как он таковым не являлся. Она отбросила его к мраморной стене храма, выиграв немного времени на побег. Рассвет близился, и она не могла уйти из Эрджияса, но зато

[47] Самый большой подземный город в Каппадокии, аналогичный Каймаклы.

[48] Чистка, запланированная и проведенная Каппадокием над собственными потомками.

[49] Имеется в виду поединок.

[50] Так назывались Каппадокийцы, которые по тем или иным причинам не откликнулись на призыв Каппадокия в Каймаклы, который обернулся Банкетом Безумия.

она нашла себе союзника в лице Августуса, который приходился Иафету братом.

Августус и его Дети предоставили Апации убежище, укрывая ее от света дня и тайком проводя ее ночью. Августус симпатизировал ей, находя Банкет Безумия отвратительным и аморальным. Джованни помог ей избежать гнева Иафета, укрыв ее в Венеции на несколько месяцев.

В это время, Августус и Апация часто вели беседы. Со временем, он открыл ей свой план о смещении Каппадокия с места прародителя клана через диаблери. Он пообещал ей, что если его Заговор Исаака увенчается успехом, он освободит тех, кто был предательски заперт в Каймайлы.

Братоубийца

Апация согласилась и оказала ему помощь в организации заговора. Когда пришло время, она предоставила свою неистовую жестокость, необходимую для осуществления планов Августуса. Она вырезала собственную братию, преграждавшую путь к Каппадокию, и сделала она это без жалости и колебаний. Ее Зверь приблизился к свободе в эти кровавые, усыпанные прахом ночи ближе, чем когда-либо еще за все время ее существования.

В конце, однако, Джованни ее предал и попытался убить уже неудобную ему Каппадокийку. Она пустилась в бега, оставляя за собой вереницу убитых ею Джованни габелотти[51]. Она странствовала по Европе, безуспешно пытаясь найти союзников против Джованни, в то время как последние прекратили попытки самостоятельно расправиться с Апацией, вместо этого посылая за ней наемных убийц.

[51] Скорее всего, имеются в виду слуги Джованни или представители малых семей в составе клана.

Апация еще раз вернулась в свою «родную гробницу», гробницу, ставшую ее первым убежищем, расположенную в месте захоронения скифских царей. Здесь она впала в глубокий, скорбный и мучительный торпор. Крики ее собратьев по клану эхом отдавались во снах. Изголодавшаяся, она проснулась чуть меньше столетия спустя, утолив свою жажду кровью отряда Оттоманских Турков. Все еще опасаясь Джованни, она подалась на восток, в Валахию, приняв личину молодой вампирши-Бруха. Ее могущество было весьма очевидно, и она служила нескольким местным лордам-вампирам, которые правили Залесьем[52].

Именно в такой ситуации она впервые столкнулась с Шабашем. Иеремия, Фарфоровая Дева, Тзимици посредственных способностей, была завалена «настоятельными просьбами» от родичей-Извергов. Члены зарождающегося Шабаша требовали, чтобы она присоединилась к их борьбе. Страдавшая паранойей Иеремия отказалась, и Апация сошлась с Шабашем в битве. Уведенная от Иеремии парой бугаев-Ласомбра, Апация не смогла лицезреть ее Окончательную Смерть.

Когда она вернулась на вершину крепости Иеремии, она нашла лишь горстку ее пепла, раздуваемую ветром. Клыки ее противников были покрыты кровью. Апация убила вампиров, которые совершили диаблери над девой Тзимици и «сдалась». Она сказала им, что ее долг перед Иеремией недействителен, и попросила их остановить резню, чтобы она смогла задать им несколько вопросов.

Куда более молодые вампиры Шабаша, число которых сократилось до четверти изначального, благодаря зверской

[52] Буквально переведенное с латыни Transsilvania – «за лесами».

виртуозности Апации в бою, нерешительно согласились. Они обсуждали философию Меча Каина весь остаток ночи, окруженные клубами раздутого ночным ветром праха Иеремии. Когда солнце уже поднималось над пиками Карпат, две стороны пришли к согласию. Члены Шабаша должны были доставить ее в свой ближайший домен, дабы она смогла пройти Ритуал[53] и стать одной из них.

Там, старшие Тзимици определили возраст Апации по странным скифским татуировкам, покрывавшим ее тело. Чтобы обезопасить себя от ошибок, они послали за Примасом, чтобы тот посвятил ее в курс дела. Так Апация встретила Сашу Викоса, молодого Тзимици-смутьяна, который был очарован не только ее изящной дикостью, но и ее этническими татуировками.

Они вели беседу друг с другом ночь напролет, и несколько ночей после. Апация увидела в Викосе что-то знакомое, что-то мудрое и потустороннее, как ранее в предсказателях-Энари своего племени. Его пламенная страсть к делу Шабаша была заразительной, и она рассказала ему всю свою историю. В итоге, они отправились в путь к родной гробнице Апации, чтобы провести Ритуал Создания в том месте, где она была Обращена.

В этом странствии они испили крови друг друга, осуществив Винкулум, как товарищи и любовники. Что-то скверное перешло от Викоса к куда более старшей Апации. Зло вместе с кровью текло в жилах Тзимици, которые практикуют омерзительную Изменчивость. С этих ночей, татуировки, которые были последней связью Апации с ее скифским племенем, приобрели свой собственный смысл.

[53] Скорее всего, имеется в виду Ритуал Создания (Creation Rites)

Змеиные метки, которые украшали ее, только подчеркнули ее новую змеиную сущность, которая возникла после недолгой и кровавой формы хризалиды. Викос никогда этого не видел – Апация была так обезображена, не понимая связи этих метаморфоз с темным даром Изменчивости, что она без объяснений покинула любовника, дабы скрыть свой позор.

Царица Склепов

Несмотря на ужасные изменения, Апация без труда нашла свое место в Шабаше. Ее врожденная заинтересованность в похоронных обрядах и могилах хорошо ей послужила во время становления нового культа смерти[54], и ее склонность к странствиям отлично вписывалась в природу Шабаша с его бродячими стаями. Благодаря всему этому, ее роль стала очевидна – вести крестовые походы. Многие члены Шабаша стали относится к ней с уважением.

В эти ночи Апация служит как Епископ секты, хотя она могла бы забраться и на бóльшие высоты, если бы захотела. Ее предпочитают выбирать в качестве военного предводителя для координации действий нескольких стай в крестовом походе тогда, когда другой лидер не справился со своей задачей или близок к провалу. Апация презрительно относится к начальству – как только требования к работе становятся помпезными, но в то же время тыловыми, она склонна исчезать из поля зрения, размышляя над тем, как настоящая воинская культура исчезла с лица земли и была заменена властью этих скулящих щенков.

[54] В оригинальном тексте культ смерти (death-cult) – судя по всему эвфемизм Шабаша.

Единственный раз, когда Апация добровольно пошла на не свойственные ей усилия, был тогда, когда был объявлен крестовых поход против давнего врага – Джованни. Она продолжала нести в себе кипящую ярость против Детей Августуса, и на нее можно было рассчитывать не только в истреблении как можно большего числа Джованни, но и в предоставлении защиты от их прислужников-призраков.

В шестидесятые, Апация была очарована американской кочевой культурой, которая перекликалась с ее собственным прошлым: байкерские банды. Первая встреча с одетыми в кожу бродягами на мотоциклах пробудила в ней старые воспоминания. Для нее это были скифы нынешних ночей, и она всем сердцем приняла эту культуру.

Апация собрала внушительную, национального уровня байкерскую банду, именующуюся «Скифами», символ которой – татуированный череп. Эта банда находится на одном уровне с «Ангелами Ада» и «Язычниками» по масштабам преступной деятельности, и поэтому находится под пристальным наблюдением со стороны OCTF[55], правоохранительных органов и ФБР.

В состав «Скифов» входят бродячие стаи Шабаша, которые верны прежде всего Апации, и только потом властям Шабаша, хотя сама Апация редко принимает активное участие в делах банды. Только когда ей отдается приказ вести крестовый поход она собирает своих последователей – одетую в кожу, татуированную кавалерию на ревущих Харлеях. Апация сделала себя центральной фигурой кровавого культа, закрытого от широких масс банды. Этому

[55] Organized Crime Task Force, Отдел по Борьбе с Организованной Преступностью.

культу она даже показала свою змеиную форму, дабы внушить страх и восхищение его членам.

Недавно, Апация как в воду канула на несколько лет. Ее исчезновение было настолько явным, что одна из ее стай в своих поисках наткнулась на ее мотоцикл и пожитки, брошенные в богом забытой долине в горах Аппалачи. Начали ходить слухи, что она где-то впала в торпор, или встретила Окончательную Смерть.

Когда она вернулась, однако, ее сопровождала группа странных вампиров, называемых Предвестниками Черепов. Она представила их своему близкому другу Примасу Викосу и заручилась за них в их прошении о присоединении к Шабашу. С тех пор она стала их важнейшим сторонником, даже принимая на себя большую роль в политике Шабаша ради помощи им.

Сир: Маленчен

Клан: Каппадокийцы

Натура: Мастер выживания

Маска: Педагог

Поколение: 6

Дата Становления: между 500 и 550 годами до Рождества Христова

Внешний возраст: старший подростковый

Атрибуты:

Физические: Сила 5, Ловкость 7, Выносливость 7

Социальные: Обаяние 5, Манипуляция 3, Внешность 3

Ментальные: Восприятие 4, Интеллект 3, Ум 4

Таланты: Бдительность 5, Атлетика 6, Осведомленность 3, Борьба 6, Эмпатия 4, Экспрессия 3, Запугивание 5, Лидерство 4, Знание улиц 3, Обман 2

Навыки: Знание животных 3, Ремесла 2, Вождение (мотоцикл) 4, Стрельба 3, Рукопашный бой 6, Скрытность 4, Выживание 5

Знания: Расследование 3, Закон 2, Оккультизм 5, Политика 3

Дисциплины: Анимализм 3, Прорицание 4, Стремительность 4, Стойкость 6, Некромантия 5 (Путь Склепа 4, Путь Праха 4, Труп в Монстре 5, Тление Могилы 5), Затемнение 3, Могущество 5, Присутствие 2

Ритуалы некромантии: Все ритуалы от • до •••; Бастон Диаболико[56], Взгляд за Занавес; Эсилио[57]

Данные: Союзники 4, Связи 3, Стадо 4, Влияние 3, Ресурсы 4, Слуги 4, Ритуалы 3, Статус 4

Добродетели: Совесть 1, Самоконтроль 3, Храбрость 5
Путь: Человечность 2

Сила Воли: 8

Запас крови/макс. трата крови за ход: 30/6

Внешность: Апация высокая, сильная девушка, блондинка ростом около пяти футов девяти дюймов. Она носит мотоциклетную кожанку, изорванные джинсы и футболку, а так же высокие байкерские сапоги. Ее руки обычно непокрыты, что позволяет видеть массивные татуировки, которые она получила в бытность свою скифской воительницей. Рисунок простирается от ключицы по шее, до левой половины лица.

[56] «Жезл Дьявола»
[57] «Изгнание»

Однако когда она предается великой *нигримантии*, наследию своего клана, ее внешность принимает змеиные черты. Конечности становятся рептилиеподобными, а лицо напоминает маску в форме змеиной морды. Татуировки, которые покрывают ее уже чешуйчатое тело, скорчиваются сами по себе, и ее узкие глаза бесстыдно сверкают, как будто поглощая свет вокруг себя.

Ролевые особенности: Апация – тихая молодая женщина, говорящая по-английски с характерным акцентом, который большинство слушателей воспринимают как русский или схожий с ним восточно-европейский. Те, кто встречается с ней в первый раз, полагают, что она просто чья-то дочка, которая пытается быть крутой. Со своей стороны, Апация не гнушается пользоваться преимуществом того, что ее недооценивают. Она находит культуру байкерских банд уютной, видя в ней современный аналог кочевой скифской культуры, в которой она росла.

Убежище: Обычно Апация прячется от света солнца в логовах «Скифов», домах бывших членов банды или любовниц действующих байкеров. Некоторые убежища даже представляют собой клубы, организованные теми, кто занимается продажей наркотиков или сутенерством. Когда Апация находится вне этих территорий, она, тем не менее, без труда находит укрытие в подвалах или заброшенных зданиях. Когда она останавливается в одной местности на довольно длительное время, она предпочитает находить прибежище в мавзолее или на кладбище.

Союзники и Связи: Люди, с которыми знакома Апация в основном принадлежат к организованной преступности. Ее

союзники имеют много связей с другими байкерскими бандами и криминальными элементами. Она старается избегать связей с Мафией в виду частичного влияния на нее Джованни, которые в частности имеют связь с Коза Ностра. Ее контакты имеют обыкновение состоять из различных приспешников и довольно полезных типов, которые находят себя на преступном поприще: воры, скупщики краденого, продажные копы и прочие.

Стадо и Слуги: Апация располагает крупным Стадом, имея по нескольку сосудов на большинстве крупнейших территорий, где оперируют «Скифы». Обычно ими являются сами члены банды. Так как Апация предпочитает питаться теми, кого считает сильными бойцами, исполнять роль сосуда для нее считается честью. Ее Слуги и служители культа обычно являются предводителями местных банд, обаятельными и умными преступными лидерами, которые имеют огромную выгоду от получения ее витэ.

Влияние: Влияние Апации на криминальный мир США невозможно игнорировать. Ее «Скифы» - третья или четвертая по величине байкерская банда в Америке, Канаде и Мексике, с чем естественно считаются банды, наркоторговцы и контрабандисты по всей стране.